

801-15
1912

ПОДЛОЖНОЕ ПИСЬМО

E 46
396

ПОЛОВЦА

ИВАНА СМЕРЫ

КЪ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ ВЛАДИМИРУ СВЯТОМУ.

Ординарно профессора Киевской духовной Академии,
ИВАНА МАЛЫШЕВСКАГО.

КИЕВЪ.

Тип. С. Т. Еремѣва, Вибиковскій бульваръ собств. домъ.
1876.

ПОДЛОЖНОЕ ПИСЬМО

Л. С. СМЕРЫ

ПОДЛОЖНОЕ ПИСЬМО

Оттискъ изъ іюньской и іюльской книжекъ «Трудовъ Кіевской духовной Академіи», за 1876 г.

Оформлено въ типографіи Кіевской духовной Академіи

42624-0

2014142708

...надеждою имѣю въ то, что вы будете въ состояніи
...и въ то же время не забудете о томъ, что я
...и въ то же время не забудете о томъ, что я

ПОДЛОЖНОЕ ПИСЬМО Половца Ивана Смеры

къ великому князю Владиміру святому.

1) По увѣренію издателей этого письма, Владиміръ, когда былъ еще язычникомъ, а именно въ 980 году, отправилъ своего врача половца Ивана Смеру въ Константинополь и Грецію для изслѣдованія вѣры и состоянія тамошнихъ христіанъ. Послѣ долгаго и труднаго странствія, половець достигъ наконецъ Александріи, здѣсь принялъ христіанство и отсюда въ 990 г. прислалъ письмо къ Владиміру, къ которому самъ уже не возвратился. Вотъ это письмо, передаваемое нами въ переводѣ съ уцѣлѣвшаго перевода латинскаго:

«Могущественнѣйшій царь Владиміръ, знаменитый герой, дражайшій мой господинъ, наслѣдственный обладатель славянскихъ странъ, населенныхъ послѣ строенія башни вавилонской народами изъ Афетова племени!

Богъ живой, всемогущій и единый мудрый да править тобою, какъ самъ знаетъ, на многіе годы, храня тебя въ силѣ, власти и славѣ.

Теперь увѣдомляю тебя, царь, что я постоянно и глубоко оглаживаю то, что ты отправилъ меня въ страны греческія для изслѣдованія вѣры и нравовъ, разлучивъ меня съ собою,

дорогой царь, и съ землею русскою. Въ этомъ моемъ странствіи я очень часто недалеко былъ отъ гибели. И теперь для меня нѣтъ болѣе способа возвратиться въ твою землю. Сообщи твоему величію обстоятельно обо всемъ этомъ.

Съ большимъ трудомъ перешелъ я пустынные горы въ Панноніи и за тѣмъ Паннонію. Съ большими неприятностями переправился чрезъ Дунай. За тѣмъ прошелъ я Сербію, Болгарію, Мизію, также великую и знаменитую имперію греческую съ пятью царствами ея,—былъ въ Антиохіи, потомъ въ Іерусалимѣ. Изъ Іерусалима пришелъ сюда въ Александрію. Здѣсь я повсюду увидѣлъ божницы, построенныя роскошно, и людей, нравами похожихъ на аспидовъ и василисковъ. Но видѣлъ я также не мало молитвенныхъ домовъ христіанскихъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ идоловъ, а только столы и скамьи. Люди, которымъ принадлежатъ эти дома, богословы (т. е. говорящіе о Богѣ); они честны, выше всего любятъ миръ и тишину; это подлинно какъ-бы ангелы Божіи. Ежедневно они, по повелѣнію Божію, сходятся для наученія; на молитвы сходятся предъ восходомъ и потомъ послѣ заката солнца, иногда также въ третій и девятый часы дня. Здѣсь всѣ люди повсюду называютъ ихъ народомъ святымъ, Божіимъ и новымъ Израилемъ. Ученію ихъ слѣдуютъ здѣсь и нѣкоторые цари съ своими учеными, и самъ я часто посѣщаю ихъ съ цѣлію научиться. Я уже и возрожденъ у нихъ водою и духомъ во имя Отца, Бога Всемогущаго и Сына Его Іисуса Христа и Святаго Духа, происходящаго изъ тогоже Бога. Посылаю при этомъ тебѣ, царь, и книгу ихъ, называющуюся евангеліемъ съ ученіемъ Апостоловъ: прими ее. Да будетъ извѣстно твоей державѣ еще и слѣдующее: видѣлъ я во владѣніи кесаря, что этимъ честнымъ и благочестивымъ людямъ дѣлаются большія обиды, потому что здѣшніе греки хитры въ словахъ, надмѣнны, ложь могутъ выдать за дѣло справедливое, подра-

жая въ этомъ нѣкоторымъ ученіямъ и учрежденіямъ римлянъ и стараясь своимъ коварствомъ завлечь простыхъ людей въ свои синагоги и церкви..... (здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ словъ, которыхъ нельзя было прочесть въ польскомъ экземплярѣ¹⁾), Люди, о которыхъ говорю, учатъ, что Богъ есть единъ всемогущъ; и Единородный Сынъ Божій есть Іисусъ Назарянинъ, дѣйствиельно того-же Святаго Духа, согласно древнимъ обѣщаніямъ о Немъ, послѣ извѣстнаго времени зачатъ въ чистой Дѣвѣ Маріи, бывшей изъ племени Давидова и рожденъ отъ нея. Престоль Его пребудетъ на вѣчное время, потому что Онъ, по справедливости, называется Сыномъ Божіимъ, Спасителемъ, Богомъ крѣпкимъ, Отцемъ будущаго вѣка; сверхъ того Онъ поставленъ отъ Бога Израилева царемъ и судіею всему міру, какъ все это мнѣ давно уже достовѣрно извѣстно отъ моего учителя. И вотъ греки, оставляя ученіе всемогущаго Бога и истинное, въ немъ самомъ заключающееся, истолкованіе его,—греки, а именно кесарь и патриархъ съ своимъ сенатомъ, повелѣваютъ называть себя новымъ Израилемъ, приказываютъ это и тѣмъ бѣднымъ братьямъ; и сами будучи сильны, приневоливаютъ ихъ служить себѣ и платить дань. Кроме того, они запрещаютъ имъ имѣть женъ и пользоваться средствами пропитанія по своей волѣ, съ благословіемъ Бога; запрещаютъ имъ также свободныя искусства и оружіе, хотя то вѣрно, что христіане съ честію могутъ имѣть все это, не употребляя однако безъ крайней нужды, но оберегая себя отъ зависти другихъ и вражды внутренней. Между тѣмъ греки удерживаютъ все это въ своей власти, запрещая имѣть тоже другимъ, чтобы держать великій народъ въ рабствѣ у себя. Наконецъ они велятъ, чтобы по смерти ихъ были почитаемы

¹⁾ Вставки, напечатанныя курсивомъ, принадлежатъ издателямъ письма.

изображенія ихъ. дають имъ названія отъ своихъ именъ съ знаками домовъ ¹⁾, чтобы такимъ образомъ ихъ поминали и славили на вѣчныя времена. Они приказываютъ, чтобы въ сказанные дома ихъ люди собирались на молитвы съ еимѣломъ и свѣчами и всякаго рода яствеными жертвами, называя это чествованіемъ, и такое чествованіе, учреждаемое для нарочитыхъ дней, они оградили привилегіями на вѣчность.

Но я знаю, что послѣднее поколѣніе блистательно освободить себя отъ всего этого, когда замѣтитъ, что въ этихъ, насиліемъ созданныхъ церквахъ, вопреки волѣ Всемогущаго Бога, люди слишкомъ оскверняются объяденіемъ. Ибо собирающіеся въ этихъ церквахъ, послѣ служенія идоламъ, топчутъ ногами, плещутъ руками, издають разноголосное дѣніе на подобіе музыки, ведутъ себя безъ стыда до такой степени, что нельзя объ этомъ ни говорить, ни писать. Въ сказанные же нарочитые дни свои, они однихъ одариваютъ своими милостями, какъ бы за ихъ достоинства, — другихъ, послѣ этихъ праздниковъ, наказываютъ, какъ преступниковъ закона. Поэтому нѣкоторые христіане собираются въ укритыхъ мѣстахъ, въ гробахъ, въ горахъ, въ лѣсахъ и въ пропастяхъ земли, говоря, что избѣгаютъ нечестиваго рабства, при чемъ и пророчествуютъ. Погибнуть надменные греки въ вѣчномъ огнѣ, да и тѣ, которые приняли ихъ нравы, суть также безчестны, безславы, лжецы, достойные отвращенія. Сказано мнѣ, царь, господинъ мой, что ты и твой родъ будете такими же, и о нынѣшнихъ людяхъ такого рода они выражаются, что глаза и сердца ихъ ослѣблены. Поэтому послѣднее поколѣніе этихъ людей осудить ихъ, называя ихъ псами, изобрѣтателями басней, отпадшими отъ Бога, заблудившими отъ

¹⁾ Смыслъ этого мѣста не совсѣмъ ясенъ.

истины. Однакоже и тѣ самыя, которые такъ будутъ осуждать ихъ, не избѣгнуть многихъ опасностей, ради позорнаго разногласія и нечестивой гордости своей. Лишь нѣкоторые изъ нихъ, кроткіе сердцемъ, по призванію отъ Всемогущаго Бога, ради Сына Его, дѣйствіемъ Святаго Духа, изслѣдуютъ всѣ писанія закона себѣ на спасеніе. Начавъ отъ начала міра, я, слѣдя за ученіемъ вѣры, изслѣдовалъ, будетъ ли хорошо тѣмъ твердымъ людямъ, хранящимъ преданія мудрости, при богатыхъ грекахъ и однопавныхъ съ ними поколѣніяхъ другихъ людей. Я разумѣлъ, что въ скоромъ времени *эти послѣдніе* (то есть греки и ихъ послѣдователи) увидятъ всецѣльный позоръ надъ собою и свою гибель. Идолы ихъ войдутъ въ притчу у чужихъ народовъ, потому что они не устоятъ противъ гнѣва Бога живаго, будучи глухи и нѣмы. Сверхъ того, нѣкоторые изъ христіанъ и іудейскаго племени говорили, да и самъ я узналъ изъ нѣкоторыхъ писаній, что послѣднее славянское поколѣніе соединится съ великою ревностію для похвалы и исповѣданія Единаго Бога Израилева, Творца видимыхъ и невидимыхъ вещей, который освободитъ свой вѣрующій народъ отъ грѣховъ его послушаніемъ Сына, дѣйствіемъ Святаго Духа. Съ нимъ и послѣдній іудейскій родъ познаетъ вмѣстѣ съ прочими народами ученіе Христа, Единороднаго Сына Его и, хваля и благословляя Его, получить спасеніе, потому что покорится волѣ Бога своего. Тогда-то и тѣмъ избраннымъ возможно будетъ получить всякую честь и могущество за свое ученіе и образъ жизни, какъ это указывается въ древнѣйшемъ писаніи. Итакъ, царь, не должно тебѣ принимать обычаевъ и вѣры греческой (въ Будзинскомъ экземплярѣ прибавляется и римской ¹⁾). Если же ты примешь ее, то я никогда къ тебѣ

¹⁾ Вставка издателей письма.

не возвращусь, но здѣсь усну смертію и буду ждать суда Сына Божіа.

Писалъ я это желѣзными буквами, вырѣзавъ на двѣнадцати мѣдныхъ доскахъ, въ египетской Александріи 5587 г. Фараона, 1179 г. царствованія славнаго Александра, въ годъ пятый, индикта 1, луны 7, идѣ 14. Это тебѣ вѣрно объявляю врачъ и риторъ твой *Иванецъ Смеръ Половляникъ*.

У иныхъ читается *Иоаннъ Смеръ Половецъ*, что одно и то же».

Карамзинъ, послѣ разсказа о крещеніи Владимира, не преминулъ упомянуть и объ этомъ письмѣ. Передавъ содержаніе его, онъ цитуетъ рукописное сочиненіе Шпренгеля über eine duncle Stelle in der Russischen Geschichte, въ которомъ высказано предположеніе, что если письмо это подлинно, то тѣ египетскіе богословы или христіане, которыхъ такъ хвалятъ Владимиру Смера, могли быть извѣстные сектанты павликіане, изгнанные изъ греческой имперіи и нашедшіе убѣжище въ Египтѣ 1). Такимъ образомъ могло быть даже предположеніе, что письмо это подлинно. Кажется, такое предположеніе допускалось и однимъ изъ русскихъ писателей, а именно протоіереемъ Петромъ Алексѣевымъ, извѣстнымъ катихизаторомъ московскаго университета, потомъ академикомъ. По крайней мѣрѣ въ своей сокращенной церковной исторіи (части 2-й) онъ цитуетъ это письмо, при чемъ Смеру Половца переименовываетъ въ Смеру *Полоцкаго*, находя вѣроятно это названіе болѣе сообразнымъ съ исторіею 2). Понятно, впрочемъ, что о подлинности письма не можетъ быть и рѣчи, какъ замѣтилъ еще Карамзинъ. Указавъ въ немъ признаки

1) Ист. госуд. Рос. т. I. примѣч. 447.

2) Русск. Архивъ 1865 г. Выписки и извлеченія изъ рукописей Рѣшетинскаго архива стр. 526.

подлога, при томъ нелѣпаго, онъ заключаетъ: «не будемъ глуше глухыхъ невѣждъ, хотящихъ обманывать насъ подобными вымыслами. Авторъ письма, зная о Владимірѣ изъ Дитмара, Мѣховскаго, Кромера, хотѣлъ побранить грековъ: вотъ источникъ вымысла!» Это такъ, но еще не все. Интересно знать, кому и изъ-за чего пришла охота бранить грековъ? Почему избралъ онъ такое средство для брани? Не имѣлъ ли авторъ письма еще и какихъ либо другихъ побужденій и видовъ, по которымъ отважился пустить въ свѣтъ свою выдумку, и которыхъ дѣйствительно нельзя не примѣтить въ этомъ письмѣ? Кого онъ разумѣлъ подъ тѣми таинственными христіанами—богословами, въ похвалу которыхъ заставилъ Половца писать къ Владимиру? На что рассчитывалъ онъ, рекомендуя этихъ христіанъ послѣдному поколѣнію славянскихъ народовъ, въ томъ числѣ русскаго? Словомъ, интересно знать: кто и съ какою цѣлью выдумалъ этого Половца и его письмо?

Первый издалъ въ печати это письмо *Христофоръ Сандъ* (1644—1680), нѣмецъ изъ Кенигсберга, одинъ изъ знаменитѣйшихъ послѣдователей и писателей соцініанской или анти-тринитаріанской секты,—издалъ въ прибавленіи къ своему сочиненію «Nucleus (ядро) historiae ecclesiasticae» Nucleus изданъ въ Амстердамѣ въ 1669 г. и вторично въ Кельнѣ въ 1676 г., а прибавленіе (appendix) въ Амстердамѣ же въ 1675 и 78 годахъ 1).

1) Мы не имѣемъ подъ руками этихъ сочиненій Санда; но знаемъ о нихъ изъ его собственнаго же сочиненія, которое было послѣднимъ изъ его сочиненій и издано, уже по смерти его, въ Фрейштадтѣ въ 1684 г. подъ заглавіемъ: *Bibliotheca antitrinitariorum, sive catalogus scriptorum et succincta narratio de vita eorum auctorum, qui praeterito et hoc saeculo, vulgo receptum dogma de tribus in unico Deo per omnia aequalibus personis vel impugnarunt, vel docuerunt solum Patrem Domini Nostri Iesu Christi esse illum verum seu altissimum Deum. Opus posthumum Christoph. Chr. Sandii, Freistadii, ap. Johan. Aconium 1684.* Издаваніе

Издавая письмо Смеры, Сандъ присоединяетъ къ нему пояснительныя замѣтки двоякаго рода: однѣ изъ нихъ имѣютъ цѣлью подтвердить вообще фактъ Владимірова посольства къ разнымъ народамъ для изслѣдованія вѣры и за тѣмъ фактъ принятія Владиміромъ вѣры греческой; эти замѣтки ограничиваются выписками свидѣтельствъ изъ польскихъ лѣтописцевъ Меховиты и Кромера и ссылками на Дитмара и Баронія. Другія имѣютъ цѣлью оградить достовѣрность именно посольства Смеры и подлинность его письма. Здѣсь Сандъ сообщаетъ свѣдѣнія объ открытіи письма, переводахъ и спискахъ его, ссылаясь на лица, у которыхъ прочиталъ объ этомъ и отъ которыхъ получилъ самые списки письма. Конечно, эти-то послѣднія замѣтки или ссылки Санда только и важны для насъ, давая намъ точку отправления для поисковъ за авторомъ письма. Лица, свидѣтельствомъ которыхъ Сандъ хочетъ оправдать достовѣрность изданнаго имъ памятника, слѣдующія: 1) *Станиславъ Любенецкій*, который въ своей рукописной церковной исторіи *Социніанъ* говоритъ только о посольствѣ и письмѣ Смеры, но не приводитъ самаго письма; 2) *Яковъ Риновецкій—Трубецкій*, имѣвшій списокъ польскаго перевода письма; 3) сынъ *Андрея Вишоватаго, Венедиктъ Вишоватый*, который имѣлъ этотъ списокъ Риновецкаго, перевелъ съ него

это, довольно впрочемъ извѣстное библіографамъ—спеціалистамъ, важно для исторіи соцініанства еще нѣкоторыми прибавочными статьями, присоединенными здѣсь къ сочиненію Санда. На экземплярѣ этого изданія, находящемся въ бібліотекѣ университета св. Владиміра, есть надпись: *P. V. Troubetzkoy*. Изъ другихъ надписей той же руки можно заключить, что этотъ князь Трубецкой приобрѣлъ эту книгу въ Лейпцигѣ въ 1768 году и прочелъ ее настолько внимательно, что обозначилъ по французски содержаніе ея на бѣломъ листѣ, вставленномъ при переплетѣ предъ листомъ заглавнымъ. Весь же отрывокъ изъ Appendix'a Санда, заключающій въ себѣ письмо Половца съ примѣчаніями къ нему Санда, помѣщенъ въ соч. Андрея Венгерскаго: *Slavonicae reformatae libri quatuor*, Amstelredami 1679 г., которымъ мы и пользуемся здѣсь.

письмо на латинскій языкъ въ 1677 г. и сообщилъ Санду; 4) старикъ Будзинскій, у котораго былъ другой списокъ письма въ польскомъ переводѣ, и который въ третьей главѣ своей *рукописной хроники* даетъ свидѣтельство о первомъ списателѣ и переводчикѣ, приводимое у Санда. Это было, по упомянутому свидѣтельству Будзинскаго, 5) *Андрей*, русскій діаконъ, бывшій потомъ слугою королевскаго подскарбія *Собена*. Онъ списалъ письмо съ подлинника и перевелъ его на польскій языкъ въ 1567 г., и экземпляръ своего списка или перевода сообщилъ Будзинскому. А самый подлинникъ, по тому же свидѣтельству Будзинскаго, начертанъ былъ на мѣдныхъ доскахъ желѣзными буквами, на болгарскомъ языкѣ по древнему ученію Руссовъ (*secundum antiquam doctrinam Russorum*). Это свидѣтельство Будзинскаго дополняется у Санда еще слѣдующими замѣтками: Андрей, первый списатель письма, навывається у него еще Андреемъ *Колодынскимъ изъ Витебска*. Онъ переложилъ письмо съ древняго болгарскаго письма на нынѣшнее письмо (*in hodiernum scriptum*) въ 1567 г., а потомъ съ того же болгарскаго перевелъ на польскій. *Модъ нынѣшнимъ письмомъ* Сандъ разумѣетъ современный ему русскій языкъ, потому что далѣе уже прямо говоритъ, что письмо переведено было Андреемъ съ болгарскаго подлинника на русскій и польскій языки. Подлинникъ же этотъ, начертанный на мѣдныхъ доскахъ желѣзными буквами, найденъ былъ, по словамъ Санда, въ монастырѣ *Спасителя въ землѣ Перемишльской, не подалеку отъ древняго Самбора, гдѣ лежитъ главный князь Левъ*. Сандъ приводитъ даже строку fac-simile подлинника, состоящую изъ ряда знаковъ, похожихъ на греческія буквы, изъ которыхъ однакожь невозможно сложить какое либо слово¹⁾. Сандъ не даетъ ясно понять, откуда взялъ

¹⁾ Fac-simile это приведено у Венгерскаго въ выпискѣ изъ Санда и у Карамзина. Тамъ же.

онъ эти новыя свѣдѣнія, гдѣ и у кого списалъ fac-simile подлинника. Можно полагать впрочемъ, что всѣмъ этимъ обязанъ онъ Венедикту Вишоватому, на котораго въ своихъ замѣткахъ ссылается дважды: разъ, когда говорить что получилъ отъ него латинскій переводъ письма, сдѣланный съ польскаго по списку Риновецкаго—Трембецкаго; другой разъ, когда, послѣ приведеннаго свидѣтельства Будвинскаго, дѣлаетъ общую заключительную замѣтку, гдѣ выражается такъ: haec habeo ex communicatione B. Wissowatii, qui dictam epistolam, olim ex Bulgarico sermone versam in rassicum et polonicum, an. 1677 ex polonico, ita ut eam edidi, latine vertit.

Теперь, кто же были эти лица, съ именами коихъ связана исторія открытія и изданія письма? За исключеніемъ Андрея, перваго писателя письма, всѣ они болѣе или менѣе извѣстны. Они были изъ ряда представителей крайняго направленія реформаціоннаго движенія въ Польшѣ XVI и XVII в., извѣстныхъ подъ названіемъ *антиринитаріевъ*, *унитаріевъ*, *социніанъ*, *арианъ*. Отсюда естественно предполагать, что кому либо изъ этихъ лицъ должно принадлежать и самое изобрѣтеніе письма, по крайней мѣрѣ участіе въ изобрѣтеніи, что письмо вымышлено и издано именно въ интересахъ антиринитаріанской или унитаріанской секты. Если же не они были составителями письма, то слѣдуетъ опять предположить, что оно дошло къ намъ отъ людей однородныхъ съ нимъ по направленію, по сектѣ, сами же эти свидѣтели и издатели письма сочли нужнымъ собрать и издать его, какъ документъ, цѣнный и для нихъ въ интересахъ секты. Поэтому въ нашихъ поискахъ за авторомъ письма мы должны коснуться исторіи антиринитаріанской секты въ Польшѣ, Литвѣ и Руси: говоримъ—и Руси, потому что самый, такъ сказать, адресъ письма, обращеннаго къ русскому князю и въ его лицѣ къ русскому народу, заставляетъ предполагать, что она находится

въ связи съ какими либо важными отношеніями составителей письма къ русскимъ. Само собою понятно, что при обзорѣ этой исторіи мы должны обращать особенное вниманіе на ту роль, какую занимали въ ней указанные свидѣтели письма¹⁾. Съ другой стороны, такъ какъ начальный свидѣтель письма, списавшій (будто бы) его съ подлинника, русскій диаконъ Андрей—лице намъ пока неизвѣстное, а между тѣмъ въ общемъ числѣ свидѣтелей преобладаютъ польскіе антиринитаріи; то въ своемъ очеркѣ мы должны начинать именно съ польскихъ антиринитаріевъ, а потомъ переходить къ русскимъ.

II) Съ конца первой половины XVI в. въ Польшѣ замѣтно усиливается религіозно-реформаціонное движеніе, отголосокъ такого движенія на западной Европѣ. Рядомъ съ кальвинизмомъ, лютеранствомъ и ученіемъ моравскихъ братьевъ появляется здѣсь и антиринитаріанство. Отличное отъ нихъ по своему началу, оно нѣкоторое время хочетъ идти объ руку съ ними въ общемъ духѣ религіознаго свободомыслія и общемъ дѣлѣ религіозной реформы, пока наконецъ, выяснивъ для себя и другихъ свой отличительный характеръ, выдѣляется въ секту совершенно особую и самостоятельную, имѣвшую уже своихъ послѣдователей и единомысленниковъ не только въ Польшѣ, но Литвѣ и Руси. Это былъ періодъ *начальнаго образованія и начальнаго пропачанія* секты въ этихъ странахъ, обнимающій около 50 л., начиная приблизительно съ 1547 г. Къ этому времени относится дѣятельность самаго ранняго, послѣ діакона Андрея, свидѣтеля письма—Станислава Будвинскаго.

Антиринитаріанство занесено въ Польшу изъ Италіи, гдѣ въ цѣлѣи толпѣ представителей этого ученія выдавался

¹⁾ Для этой исторіи существуетъ немало источниковъ. Исчислять ихъ не будемъ, потому что не имѣемъ въ виду писать цѣльной исторіи секты. Указанія на отдѣльные болѣе интересныя для насъ источники будутъ сдѣланы въ своемъ мѣстѣ въ теченіи настоящаго очерка.

Лелій Социнь (1525—1562 г.), патрицій г. Сиенны, рѣшительнѣе другихъ выступившій съ основнымъ положеніемъ антитринитаріанства, т. е. отрицаніемъ христіанскаго ученія о Пресвятой Троицѣ; а съ тѣмъ вмѣстѣ предвѣчнаго Божества І. Христа и всего таинства искупленія. Въ Польшѣ антитринитаріанскія мысли впервые отозвались въ кругѣ свободомысленныхъ или вольнодумныхъ лицъ, примыкавшемъ къ двору итальянки королевы Бонны, матери короля Сигизмунда Августа, ко двору и самаго короля, славившагося тогда своею терпимостію и даже сочувствіемъ къ новымъ реформаціоннымъ идеямъ. Видное мѣсто въ этомъ кружкѣ занималъ *Францискъ Лисманини*, итальянецъ, родомъ съ острова Корфу (принадлежавшаго тогда Венеціи) монахъ и провинціаль францисканскаго ордена въ Польшѣ, придворный проповѣдникъ и духовникъ королевы. Въ библиотекѣ его были сочиненія не только Лютера и Кальвина, но и итальянскихъ антитринитаріевъ, какъ напр. Социнова земляка и единомышленника, капуцинскаго монаха Бернарда Охина, подаренныя Лисманини самою королевою. Жадно читались въ кружкѣ эти книги. Краковскій епископъ Самуилъ Маціевскій, внезапно посѣтивъ квартиру Лисманини, пытался захватить книги его, но онѣ были въ долгу спрятаны и спасены по волѣ Провидѣнія, какъ выражается Будзинскій, бывшій очевидцемъ этого случая, въ качествѣ секретаря и друга Лисманини. Въ 1550 г. Лисманини и самъ былъ въ Италіи, гдѣ имѣлъ случай лично ознакомиться съ антитринитаріанскими учителями. Одновременно съ антитринитаріанствомъ становится извѣстнымъ въ Польшѣ и близкій къ нему по своимъ началамъ голландско-нѣмецкій *анабаптизмъ*, и прежде всего—опять въ томъ же упомянутомъ выше кружкѣ лицъ. Пріятель Лисманини, знатный и ученый панъ Янъ Трицецкій, бывшій въ Голландіи и слушавшій тамъ еще Эразма Роттердамскаго, любилъ собирать у себя въ Краковѣ

людей свободнаго образа мыслей. Въ одно изъ такихъ собраний попалъ заходяій анабаптистъ изъ Голландіи, прозваніемъ *Spiritus Belga* или Адамъ Пастористъ. Въ библиотекѣ хозяина, гдѣ предъ обѣдомъ собрались гости, нашелъ онъ молитвенникъ, и въ немъ молитвы, обращенныя особо къ каждому лицу Пресвятой Троицы. «Тres—ne vos habetis Deos, o boni?» спросилъ онъ обращаясь къ присутствующимъ. Вопросъ этотъ и поднятый имъ споръ показался очень дерзкимъ и былъ прерванъ; но, какъ съ удовольствіемъ замѣчаетъ тотъ же Будзинскій, нѣкоторые возвратились съ этого собранія уже съ сомнѣніями, т. е. съ антитринитаріанскими мыслями заходяго анабаптиста.

Въ 1551 г. явился въ Польшѣ самъ Лелій Социнь, изгнанный изъ родины за свои дерзкія ученія и носившійся съ ними по разнымъ странамъ Европы. Въ Краковѣ онъ гостилъ у Лисманини и его друзей и хотя, недолго, но не безъ успѣха для пропаганды своихъ идей. Лисманини уже близокъ былъ къ тому, чтобы стать открытымъ сторонникомъ антитринитаріанства. Но его еще отъсвятило званіе католическаго монаха, особенно же придворнаго проповѣдника и духовника королевы. Онъ предпочиталъ пока назваться только вообще человекомъ свободомыслящимъ и сторонникомъ религіозной реформы, подобно многимъ другимъ, не исключая самаго короля. Такъ смотрѣлъ и король на Лисманини и задумалъ воспользоваться имъ для своихъ, хотя робкихъ, попытокъ религіозной реформы въ Польшѣ, къ которой настраивали его многіе вліятельные приближенные къ нему панѣ. Съ этою цѣлію онъ и назначилъ Лисманини своимъ постомъ въ разныя стороны западной Европы, поручивъ ему закупить книги для королевской библиотекы, войти въ сообщаніе съ знаменитыми учителями реформы, обозрѣть обычай, учрежденія, вообще состояніе дѣлъ новыхъ религіозныхъ обществъ запада. Лисманини

отправился въ путешествіе въ 1553 г., взявъ съ собою и своего секретаря Будзинскаго. Онъ началъ съ Итали, былъ въ Венеціи, Падуѣ, Миланѣ, отсюда отправился въ Швейцарію, посѣтилъ Цюрихъ, Бернъ, Женеву, потомъ—во Францію, оставившаяся особенно въ Лионѣ и Парижѣ, откуда опять прибылъ въ Женеву. Здѣсь онъ часто видался съ Кальвиномъ, встрѣтился и съ Л. Социномъ, который на то время случился тутъ, но скоро былъ вытѣсненъ Кальвиномъ. Подъ вліяніемъ Кальвина и Социна Лисманини рѣшился бросить монашескую одежду и жениться. Будзинскій отговаривалъ его отъ этого, представляя, что такой безвременный поступокъ скомпрометируетъ званіе его, какъ посла королевскаго, прогнѣвить короля, повредить самому дѣлу реформы въ Польшѣ. Лисманини остался глухъ къ этимъ представленіямъ, бросилъ монашество и женился. Узнавъ объ этомъ, король былъ очень недоволенъ. Черезъ нѣкоторое время Лисманини прислалъ королю извинительное письмо, заявляя, что помнить о своей миссиі, прислалъ также письма къ королю Кальвина и другихъ протестантскихъ учителей, которые, излагая королю свои взгляды и совѣты по дѣлу реформы, вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовали о Лисманини, какъ не забывающемъ о своей миссиі. Съ письмами возвратился въ Польшу и Будзинскій, а вслѣдъ за тѣмъ Лисманини прислалъ королю накупленные для него книги. Слухи объ этихъ сношеніяхъ подвигли значеніе миссиі Лисманини въ глазахъ польскихъ сторонниковъ реформы, число которыхъ между тѣмъ быстро возрастало. Въ маѣ 1555 г. состоялся первый соборъ или съѣздъ ихъ въ г. Пинчовѣ, въ Сандомирской области. Отъ имени съѣзда отправленъ Будзинскій съ письмомъ къ Лисманини и съ приглашеніемъ его возвратиться въ Польшу для пользы реформы. Съ тѣмъ же Будзинскимъ король отправилъ и свои отвѣтныя письма къ Кальвину и другимъ протестантскимъ вожакамъ и ученымъ по дѣлу той же реформы. Въ

ноябрѣ 1555 г. Лисманини прислалъ, вѣроятно чрезъ Будзинскаго же, отвѣтъ Пинчовскому собору, а въ 1556 г. и самъ возвратился въ Польшу. Здѣсь онъ засталъ протестантское движеніе уже въ полномъ развитіи, которое въ свою очередь не замедлило вызвать репрессивныя мѣры со стороны католическихъ іерарховъ и прибывшаго въ Польшу папскаго нунція Алоісія Липомани. Подъ вліяніемъ ихъ, король окончательно отрекся отъ бывшаго посла своего и даже издалъ декретъ объ изгнаніи его изъ Польши. Но за него заступились каштелянъ войницкій Николай Мышковскій и другіе знатные сторонники реформы и, не смотря на декретъ, удержали въ Польшѣ, надѣясь, при занимавшемъ ихъ вопросѣ о реформѣ, воспользоваться авторитетнымъ свидѣтельствомъ этого испытателя религиозныхъ ученій и обществъ запада. Какое же изъ нихъ станеть предпочтительно рекомендовать Лисманини? колеблясь между Кальвиномъ и Социномъ, онъ сталъ проповѣдывать какое-то среднее ученіе, смѣсь кальвинизма съ анти-тринитаріанствомъ, съ перевѣсомъ однако послѣдняго, роднаго ему по Итали. Это ободрило антитринитаріевъ, число которыхъ увеличивалось новыми пришельцами съ Запада, особенно изъ Итали и новыми прозелитами изъ Польши и Литвы. Въ 1558 г. состоялся новый соборъ польско-литовскихъ протестантовъ разныхъ фракцій въ томъ же Пинчовѣ, бывшемъ теперь центромъ протестантскаго движенія въ Польшѣ. Анти-тринитаріи уже открыто и смѣло выступили здѣсь съ своимъ лжеумствованіемъ о Св. Троицѣ, въ надеждѣ навязать его и другимъ протестантамъ. *Fuisse magnum ingressum ad demolendum dogma Trinitatis*, выражается Любенецкій. Кальвинисты отвергли такое притязаніе, назвавъ антитринитаріевъ еретиками, подобными древнимъ *arianamъ*. На новыхъ съѣздахъ 1559—1561 гг. споры возобновились, и опять неудачно для антитринитаріевъ. Но къ ихъ сторонѣ примкнулъ теперь вла-

дѣлецъ Пинчова Одесницкій, и потому съ конца 1561 г. они получили преобладаніе въ Пинчовѣ, которому усвоили громкое названіе *purae veritatis nidum a Deo electum*, и по которому ихъ самихъ называли теперь *пинчовіанами*. Въ Пинчовѣ перебывала цѣлая толпа антитринитаріанскихъ учителей изъ итальянцевъ, французовъ, нѣмцевъ, венгерцевъ, поляковъ, литовцевъ. Среди нихъ фигурировалъ и Лисманини, но не долго: явились новые авторитеты, а съ ними и новыя мнѣнія, споры и ссоры. Нѣмецъ Шоманъ сталъ упрекать Лисманини въ аріанствѣ, за что Лисманини послалъ ему упрекъ въ савеліанствѣ. Скоро Лисманини совсѣмъ оставилъ Польшу и удалился въ Пруссію, гдѣ нашелъ покровительство у тамошняго бурфирста, но въ 1563 г. кончилъ самоубійствомъ, въ тоскѣ отъ невѣрности жены, какъ объясняетъ Будзинскій. Будзинскій не осиротѣлъ послѣ Лисманини: еще при жизни его онъ перешелъ на службу къ кальвинисту Ст. Мышковскому, королевскому подкамеру, а отъ него къ Герониму Филиповскому, королевскому подкамеру, приверженцу антитринитаріанства, какииъ былъ уже и Будзинскій. Увеличивая свои силы такими значными прозелитами, какъ новый патронъ Будзинскаго и ему подобныя, антитринитаріи не теряли надежды обобщить свое дѣло съ общимъ дѣломъ реформы въ Польшѣ, и съ этою цѣлю дѣлали новыя попытки къ сближенію съ протестантами равныхъ фракцій, особенно кальвинистами, какъ болѣе сильными тогда въ Польшѣ и Литвѣ. Такая попытка сдѣлана ими на протестантскомъ соборѣ 1562 г. во время сейма въ г. Пётрковѣ, но еще съ меньшимъ успѣхомъ, чѣмъ на недавнихъ Пинчовскихъ соборахъ. Въ 1565 г. въ томъ-же Пётрковѣ и также во время сейма и новаго протестантскаго собора продолжалъ давно желанный торжественный коллюкви (colloquium) или диспутъ между евангеликами и антитринитаріями. Съ обѣихъ сторонъ избраны, во первыхъ, диспутанты, во вторыхъ—

свидѣтели и судьи, въ третьихъ ректоры или модераторы, которымъ принадлежало и предсѣдательство. Со стороны евангеликовъ ректоромъ былъ прежній патронъ Будзинскаго Ст. Мышковскій, со стороны антитринитаріевъ—новый патронъ Филиповскій. Диспутъ кончился заявленіемъ со стороны евангеликовъ объ окончательномъ разрывѣ съ антитринитаріями, съ запрещеніемъ самаго общенія съ ними, какъ еретиками, подобными древнимъ еретикамъ Эвіону, Фотину, Павлу Самосатскому, Арію и другимъ. Этимъ евангелики, или точнѣе говоря, кальвинисты не ограничились. Подобно Кальвину, который въ Швейцаріи жестоко преслѣдовалъ несогласныхъ съ нимъ сектантовъ, особенно антитринитаріевъ и анабаптистовъ, польскіе кальвинисты, сильные при дворѣ, въ сенатѣ и на сеймахъ, настаивали на строгихъ мѣрахъ противъ здѣшнихъ антитринитаріевъ и анабаптистовъ, даже на изгнаніи ихъ изъ Польши. Но этому воспротивились теперь католики, въ числѣ ихъ особенно Гозій, епископъ варминскій и кардиналъ, считавшійся тогда столбомъ католичества въ Польшѣ, также папскіе нунціи въ Польшѣ кардиналъ Коммедони и преемникъ его Юлій Руджіери. Они утверждали, что изгнаніе антитринитаріевъ изъ Польши можетъ быть полезнымъ только протестантамъ, но не римской церкви, что слѣдуетъ или одинаково преслѣдовать всѣхъ еретиковъ или всѣхъ оставить на свободѣ, чтобы они взаимно обезсиляли себя борьбою между собою, что и послужитъ къ торжеству Римской церкви надъ всѣми ими. Итакъ антитринитаріи остались въ Польшѣ, но теперь они увидѣли, что нечего думать о союзѣ съ кальвинистами или другими протестантами, а надобно собрать и объединить собственныя силы и организовать въ секту совершенно самостоятельную.

И вотъ въ 1566—1567 гг., когда протестанты начали созывать свои уже чисто протестантскіе соборы въ Люблинѣ съ цѣлюю

соглашения между послѣдователями трехъ различныхъ фракцій польско-литовскаго протестантства, антитринитаріи съ подобною цѣлью созываютъ свои уже особые соборы. Таковы были соборы: въ Ланцутѣ, области перемышльской и въ Скриннѣ—области сандомирской. Особенно многочисленъ былъ соборъ скриннскій, имѣвшій главною цѣлью соглашеніе съ помощію открытаго диспута двухъ, партій оказавшихся теперь въ сектѣ антитринитаріевъ: партіи умѣренныхъ и партіи крайнихъ. Предсѣдателемъ собранія былъ тотъ же патронъ Будзинскаго Филиповскій, а Будзинскій—однимъ изъ нотаріевъ или секретарей собранія. Соборныя пренія не привели къ соглашенію. Но для спасенія единства и силы секты положено: не прерывать мира и общенія между членами разныхъ партій; въ ученіи о Св. Троицѣ *держатся выражений Св. Писанія*, предоставляя каждому разумѣть ихъ по своему, объявлена такая же вѣротерпимость по отношенію и къ другимъ пунктамъ разногласій. Съ примирительнымъ и одушевленнымъ настроеніемъ разошлись антитринитаріи съ скриннскаго собора, давшаго имъ случай замѣтить свою многочисленность и распространенность своей секты по разнымъ областямъ Польши, Литвы или Литовской Руси. Болѣе прежняго задалась она теперь мечтами объ упроченіи своей секты и о пропагандѣ ея по всей Польшѣ, Литвѣ и Руси. Одновременно съ возбужденіемъ такихъ тенденцій среди антитринитаріевъ возникаетъ новый центръ секты ихъ въ замѣнъ Пинчова, который спустя недолго утраченъ ими вслѣдствіе перехода въ руки католическаго владѣльца. Это былъ *Раковъ*.

Вскорѣ послѣ собора 1567 г. антитринитаріи приобрѣли новаго патрона Яна Сенинскаго, каштеляна Жарновскаго (въ сандомирской области). Самъ онъ былъ кальвинистъ, но подъ влияніемъ жены Ядвиги Гноенской, ревностной антитринитаріанки, покровительствовалъ антитринитаріямъ. Закупивъ въ

опоченскомъ уѣздѣ сандомирской области обширную полосу земли, представлявшую песчаные пустыри, съ зарослями и лѣсами, Сенинскій основалъ здѣсь въ 1569 г. мѣстечко *Раковъ*, такъ названное отъ родоваго герба жены его, въ которомъ было изображеніе рака. Желая населить новое мѣстечко, онъ принималъ пришельцевъ изъ всякихъ сектъ, поляковъ и иностранцевъ. Наболѣе стекалось сюда антитринитаріевъ и анабаптистовъ, между прочимъ изъ Пинчова въ числѣ ихъ нѣсколько вожаковъ и учителей ихъ. Составилась многолюдная колонія или община сектанская. Вскорѣ она достигла цвѣтущаго состоянія вслѣдствіе энергіи, свойственной всякой новой религіозной общинѣ. Основанный на песчаныхъ пустыряхъ, Раковъ сталъ не только многолюднымъ, но и богатымъ мѣстечкомъ, съ отлично обработанными огородами и полями въ окрестности, съ разными ремеслами, промыслами, фабриками. Еще въ 1575 г. Янъ Сенинскій основалъ здѣсь типографію, въ которой печатались антитринитаріанскія книги, разсылаемая отсюда по всей Польшѣ, Германіи и Венгріи къ тамошнимъ антитринитаріямъ. Въ 1576 г. состоялся первый соборъ у раковскихъ сектантовъ, стремившійся придать новой общинѣ единство религіознаго ученія и единообразіе религіозно-соціальнаго устройства и устранить частныя разногласія по тому и другому, какія неизбежно обнаруживались при стеченіи въ Раковѣ сектанскихъ учителей разныхъ оттѣнковъ секты. Соборъ не достигъ цѣли; это впрочемъ не ослабило значенія усиливающейся общины. Въ 1579 г. прибылъ въ Польшу новый учитель антитринитаріевъ, итальянецъ *Фаустъ Социниъ*, племянникъ Лелія Социна. Изгнанный изъ отечества за свое ученіе, онъ скитался по разнымъ странамъ западной Европы, наконецъ осѣлся въ Польшѣ, гдѣ антитринитаріанство пользовалось большою свободою, чѣмъ гдѣ—либо на западѣ. Вліяніе этого новаго учителя, державшагося чисто антитринитаріанскихъ

миѣній, дало новую силу послѣднимъ въ средѣ польскихъ антиринитаріевъ. Впрочемъ въ самомъ Раковѣ вліяніе Ф. Социна утвердилось не сразу; онъ основался на житіе не здѣсь, а въ Лукловицахъ и вообще не сходилъ на первыхъ порахъ съ раковскими сектантами, которые въ первое время держались еще нѣкоторыхъ миѣній или обычаевъ кальвинскихъ вмѣстѣ съ своимъ патрономъ Яковомъ Сенинскимъ и верховодомъ—учителемъ нѣмцемъ Шоманомъ. Но и чистое антиринитаріанство имѣло въ Раковѣ уже сильнаго патрона въ лицѣ сына Яна Якова Сенинскаго, слѣдовавшаго болѣе за матерью—чистою антиринитаріанкою. Вмѣстѣ съ тѣмъ возростало у польскихъ антиринитаріевъ и вліяніе Ф. Социна, усиливаясь и въ самомъ Раковѣ, такъ что, не смотря на полукальвинское направленіе старика Яна Сенинскаго, чистое антиринитаріанство еще въ послѣдніе годы XVI в. достигло преобладанія въ большинствѣ раковскаго населенія и вожаковъ здѣшней сектантской общины. Къ этому времени возникло уже немало другихъ антиринитаріанскихъ общинъ въ разныхъ областяхъ Польши, какъ то: въ краковской, люблинской, сандомірской, самборской, перемышльской и др. Раковская община считалась знаменитѣйшею изъ нихъ, такъ что польскихъ антиринитаріевъ стали называть вообще *раковскими*, какъ прежде пичовіанами.

Въ раковской общинѣ, какъ главной, польское антиринитаріанство достигло наиболѣе полнаго обнаруженія своего въ смыслѣ совершенно самостоятельной секты съ ученіемъ рѣзко отличнымъ отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій; здѣсь именно оно приняло наиболѣе опредѣленный и ясно рационалистическій характеръ. Нѣтъ нужды подробно излагать это ученіе, которое въ главныхъ чертахъ намъ уже извѣстно. Но нелишне для нашей цѣли указать здѣсь общій взглядъ антиринитаріевъ на происхожденіе своего ученія и секты и обозначить по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ партій

этой секты. Не смотря на рационалистическій характеръ своего ученія и отрицаніе въ немъ основныхъ догматовъ христіанской вѣры, антиринитаріи, какъ то дѣлали всегда и другіе сектанты, не выдавали своего ученія за совершенно новое, не желали отрывать отъ основнаго источника христіанскаго ученія—Св. Писанія и самаго Евангелія. Поэтому они не оставляли и имени христіанъ. Напротивъ, любили называть себя *истинными, избранными христіанами*, возстановителями чистой первобытной христіанской истины. Эта истина, по ихъ миѣнію, стала искажаться въ церкви со вступленіемъ въ нее людей ученыхъ, философовъ, привнесшихъ въ ученіе ея свои языческо-философскія идеи *). Въ первые три вѣка были еще хранители и защитники этой истины. Такими они называли тѣхъ именно древнихъ еретиковъ, извѣстныхъ въ исторіи церкви, которые отрицали или искажали христіанское ученіе о Пресвятой Троицѣ,—каковы начальныя іудейско-христіанскія секты и затѣмъ извѣстные еретики—Савелій, Павелъ Самосатскій, Фотинъ, Аріи **). Но эти избранные учителя и ихъ послѣдователи были, какъ выражаются антиринитаріи, загнаны и подавлены господствующею церковію, имѣвшею на своей сторонѣ власть сильной іерархіи, а потомъ—и царей. Это послѣдовало особенно со времени императора Константина и Никейскаго собора, и съ той поры чистое ученіе христіанской

*) Иоаннъ Соммеръ, одинъ изъ видныхъ учителей секты, издалъ въ 1571 г. въ защиту этой мысли особое сочиненіе подъ заглавіемъ *Theses*... и проч., въ которомъ, разлагая хр. догматъ о Пресв. Троицѣ на тезисы, подбираетъ въ каждомъ тезису изреченія и термины изъ древнихъ языческихъ философовъ съ цѣлью указать въ послѣднихъ источникъ для первыхъ или тождество съ ними.

**) Это еще не значитъ, чтобы антиринитаріи воспроизводили въ своемъ ученіи ученіе того или другаго изъ названныхъ еретиковъ. Они сходились болѣе въ отрицательной сторонѣ, т. е. въ отрицаніи хр. догмата о Пресвятой Троицѣ, Положительную же сторону своего ученія вырабатывали сами.

истины было въ забвеніи или скрывалось въ неизвѣстности многіе вѣка, и только теперь оно воскресаетъ у антитринитаріевъ. При такомъ взглядѣ на происхожденіе своего ученія, антитринитаріанскіе учителя не переставали выражаться о Св. Троицѣ словами Св. Писанія, какъ постановлено было и на скринскомъ соборѣ; они говорили—Богъ Отецъ, Сынъ Божій Иисусъ Христосъ, Духъ Святый, но придавали этимъ божественнымъ именамъ свой смыслъ, сообразно ученію той или другой партіи своей секты. Понятно, что отрицая таинство Св. Троицы, божество Сына Божія и Св. Духа, таинство воплощенія и искупленія, антитринитаріи отрицали и всѣ таинства и обряды христіанской церкви, почитаніе святыхъ иконъ и проч. Все это они называли суевѣріемъ, идолослуженіемъ, воспринятымъ отъ язычества или выдуманымъ лицами церковной іерархіи ради своей власти и корысти. Впрочемъ антитринитаріи удерживали крещеніе, въ которомъ видѣли однакоже только обрядъ и которое нѣкоторые изъ нихъ совершали лишь надъ взрослыми, подобно анабаптистамъ, чрезъ погруженіе въ воду. Само собою понятно, что они отвергали и всякую іерархію въ церкви. Въ замѣнъ ея они выставляли принципъ хр. братства; въ раковской общинѣ онъ на нѣкоторое время принялъ было очень радикальный характеръ въ смыслѣ идей анабаптизма, постоянного союзника антитринитаріанской секты. Но секта, сказали мы, имѣла свои партіи. Партіи эти были: чистые антитринитаріи или *унитаріи*, т. е. *единобожники*; *двубожники*, распадавшіеся еще на двѣ группы, *требожники*, наконецъ *полужидовствующіе*. Къ чистымъ антитринитаріямъ принадлежали не только важнѣйшія общины, какъ раковская, краковская, луклавицкая, но и большинство другихъ. Этимъ-то чистымъ антитринитаріямъ или унитаріямъ по преимуществу и усвоено было потомъ названіе *социніанъ*, потому что у нихъ-то по преимуществу развилось ученіе раціо-

налистическое передовыхъ антитринитаріанскихъ учителей Лелія и Фауста Социновъ, усвоенное потомъ большинствомъ антитринитаріевъ. Особенность ученія чистыхъ унитаріевъ или социніанъ, отлчавшая его отъ другихъ фракцій секты, была та, что они, отрицая предвѣчное существованіе и божество Сына Божія Иисуса Христа и полагая начало бытія его съ рожденія отъ Дѣвы Маріи, признавали однако, что онъ сталъ Сыномъ Божиимъ и *Богомъ на стѣки*, и что поэтому ему по-добааетъ *божеское поклоненіе и призываніе*; а Духа Святаго считали не личностію, а только силою Божіею. Поэтому чистые унитаріи или социніане отрицали тождество свое съ древними аріанами, какъ называли ихъ и всѣхъ вообще антитринитаріевъ христіане всѣхъ другихъ исповѣданій. Изъ остальныхъ партій секты для насъ болѣе интересна партія *полужидовствующихъ*. Естественно было ожидать, что между антитринитаріями и іудеями возможно сближеніе, взаимное сочувствіе, потому что они уже сходились въ основной чертѣ антитринитаріальнаго ученія—отрицаніи таинства Пресвятой Троицы, божества Иисуса, воплощенія и искупленія. Такое сближеніе выразилось особенно въ партіи *полужидовствующихъ антитринитаріевъ*. Партія эта имѣла послѣдователей, во первыхъ, среди венгерскихъ антитринитаріевъ Трансильваніи, гдѣ главою ея былъ *Францискъ Давидовичъ*, суперъ-интендентъ трансильванскихъ антитринитаріевъ въ Клавдіополѣ, столицѣ области, пользовавшійся покровительствомъ трансильванскаго князя Іоанна Сигизмунда Баторія, но приѣмникомъ его Христофоромъ Баторіемъ заключенный за свои крайнія мнѣнія въ тюрьму, гдѣ и умеръ въ старости въ 1579 г. вмѣстѣ съ извѣстнымъ Георгіемъ Бландратою, впоследствии другомъ и главнымъ врачомъ Стефана Баторія, Давидовичъ основалъ въ Клавдіополѣ высшую школу для мѣстныхъ антитринитаріевъ, которой покровительствовали Баторіи. Бландрата

не послѣдовалъ за Давидовичемъ въ его полужидовствующемъ ученіи; но у перваго нашлись другіе единомысленники. Таковы особенно *Іоаннъ Соммеръ* главный лекторъ клавдіополитанской школы, славившійся своею ученостію среди сектантовъ, потомъ *Іаковъ Палеологъ*, грекъ съ о. Хиоса, учившійся въ Италіи, преслѣдуемый какъ греками такъ и латинянами и вызванный клавдіопольскими антитринитаріями въ учителя здѣшней школы послѣ Соммера. Этотъ Палеологъ, производившій себя изъ царскаго рода Палеологовъ, титуловавшійся также философомъ и богословомъ—докторомъ, былъ однимъ изъ горячихъ защитниковъ секты и внѣ своей партіи; онъ кончилъ тѣмъ, что, рискнувъ посѣтить Римъ, попалъ здѣсь въ руки инквизиціи и былъ живьемъ сожженъ въ 1585 г. Въ Польшѣ сторонники партіи полужидовствующихъ были не такъ сильны; но къ нимъ присталъ здѣсь весьма видный дѣятель въ сектѣ: это извѣстный намъ Станиславъ Будзинскій. Сильнѣе была эта партія въ Литвѣ, гдѣ во главѣ ея сталъ другъ Палеолога и единомышленникъ Будзинскаго Симонъ Будный, о которомъ впрочемъ нѣсколько ниже придется намъ говорить подробнѣе. Въ сущности своего ученія полужидовствующіе не отличались отъ чистыхъ антитринитаріевъ, но имѣли и свои особенныя мнѣнія, по которымъ ихъ слѣдуетъ назвать также *антитринитаріями крайняго направленія*, въ сравненіи съ соцініанами, какъ представителями *средняго* направленія, ставшаго средоточнымъ для всей секты *). Изъ этихъ особыхъ мнѣній отмѣтимъ: а) мнѣніе *de non invocando Christo*, т. е. о томъ, что Іисусу Христу не должно воздавать божескаго поклоненія, ни призывать его въ молитвахъ, потому что онъ хотя и

*) Партія *двубожниковъ* и *требожниковъ* представляли отклоненіе отъ этого средняго направленія въ сторону противоположную полужидовствующимъ, т. е. въ мнѣніяхъ болѣе умѣреннѣе, похожимъ на аріанскія.

и возвеличенъ до божеской чести, но не есть однакоже истинный Богъ, какимъ есть только единый Богъ Израилевъ; б) мнѣніе *de regno Christi millenario in terris*, т. е. вѣрованіе въ имѣющее открыться (вѣроятно чрезъ секту антитринитаріевъ) тысячелѣтнее царство Христово, земное, чувственное, исполненное силы и величія подобно мессіанскому царству іудеевъ, которые и должны наконецъ войти въ это царство и соединиться здѣсь съ христіанами. в) Христосъ, царь и судья въ этомъ царствѣ, станетъ и ходатаемъ въ немъ за грѣшныхъ, но—только при кончицѣ вѣковъ, когда настанетъ поэтому и время призванія его. г) Нѣкоторые изъ партіи полужидовствующихъ высказывались еще съ однимъ мнѣніемъ, которое быть можетъ стояло не безъ связи съ общими вѣрованіями партіи. Это мнѣніе *de usu magistratus et armorum in Ecclesia*. Раковскіе сектанты, въ духѣ идей анабаптизма, объявили недозволенными для христіанъ истинной церкви, т. е. своей общины, пользованіе властію и употребленіе оружія, потому что представляли свою церковь духовнымъ обществомъ. Между полужидовствующими открылись наиболѣе горячіе противники и защитники *usus magistratus et armorum in Ecclesia*. Завязалась довольно обширная полемика по этому вопросу, въ которой упражнялись Іаковъ Палеологъ, Будный, Будзинскій, Мартинъ Кривицкій и другіе. Тогда какъ Раковцы въ основаніи своего мнѣнія указывали на то, что Христосъ называется царемъ кроткимъ, агнцемъ, что такими должны быть и ученики Его; полужидовствующіе ссылались на то, что Онъ въ ветхозавѣтныхъ пророчествахъ называется также львомъ, Богомъ крѣпкимъ, сильнымъ, Отцемъ міра, имѣющимъ возвеличить свое царство и сокрушить враговъ его *).

*) Съ наибольшею выразительностію эта мысль полужидовствующихъ антитринитаріевъ представлена въ двухъ сочиненіяхъ Іакова Палеолога, которыя были изданы Симономъ Буднымъ: одно въ 1573 г., подъ заглавіемъ „*de magistratu politico*“, другое въ 1580 г. подъ заглавіемъ „*defensio verae sententiae de magistratu politico*“; оба изданы въ Литвѣ въ Лоскахъ. Противъ послѣдняго писалъ обширное сочиненіе

этому и другимъ разногласіямъ между полужидовствующими и главною партіею антитринитаріевъ тянулись не малое время и достигали такого раздраженія, что раковцы даже отлучали полужидовствующихъ отъ своей общины, или, какъ выражались они, отъ своей церкви. Впрочемъ къ концу XVI в. одни изъ полужидовствующихъ уже сошли со сцены, другіе воссоединились съ раковцами, вообще съ главною партіею антитринитаріевъ, названной социніанскою.

Въ представленномъ краткомъ обзорѣ главныхъ явленій въ исторіи польскаго антитринитаріанства, за первое пятидесятилѣтіе, мы обозначили отчасти ту роль, какую занималъ въ ней Ст. Будзинскій. Мы видѣли, что съ самаго начала антитринитаріанскаго движенія въ Польшѣ онъ принималъ въ немъ живое участіе, какъ секретарь и другъ одного изъ первыхъ вожаковъ этого движенія Лисманини, какъ спутникъ его въ пресловутомъ посольствѣ на западъ, для испытанія ученій и порядковъ тамошнихъ новыхъ религіозныхъ обществъ, какъ посланецъ пинчовскаго протестанско-антитринитаріанскаго собора 1558 г., какъ служебникъ и другъ одного изъ главныхъ патроновъ антитринитаріанской секты Филиповскаго, членъ и нотарій антитринитаріанскихъ соборовъ въ Ландутѣ и Скриннѣ въ 1566—7 гг. Мы видѣли далѣе, что Будзинскій вмѣстѣ съ Лисманини вынесъ изъ путешествія на западъ предпочтеніе антитринитаріанства другимъ ученіямъ, а въ антитринитаріанствѣ сталъ, вмѣстѣ съ Филиповскимъ, на сторонѣ чистыхъ антитринитаріевъ. При дальнѣйшемъ развѣтвленіи секты Будзинскій оказался въ партіи полужидовствующихъ антитрини-

ніе въ защиту раковцевъ Фаустъ Социнъ, изд. въ 1581 г. подъ заглавіемъ: *Arologia seu responsio pro gasoviensibus contra Paleologi librum et caet.* О другихъ сочиненіяхъ членовъ партіи полужидовствующихъ, писанныхъ ими въ защиту отличительныхъ мнѣній партіи, можно читать въ *Bibliotheca Antitrinitariorum* Саиды, подъ именами названныхъ тутъ представителей партіи.

таріевъ вмѣстѣ съ грекомъ Іаковомъ Палеологомъ, Симономъ Буднымъ. Разойдясь по этому поводу съ раковцами, Будзинскій велъ съ ними литературную полемику по вопросу *de usu magistratus et armorum in Ecclesia* и такъ вооружилъ противъ себя раковцевъ, что въ 1576 г. они отлучили его отъ своей общины, или, какъ выражались они, церкви. Въ этомъ отлученіи онъ находился 12 лѣтъ. Дѣятельность его за эти годы остается неизвѣстною, но конечно она болѣе или менѣе посвящена была интересамъ секты, а въ сектѣ той партіи, къ которой принадлежалъ онъ. Впрочемъ въ 1588 г. онъ примирился съ раковскою общиною, вообще съ главною партіею антитринитаріевъ и принять ея въ общеніе *). Однакоже и послѣ этого примиренія онъ въ 1590 г. еще писалъ трактатъ *о тысячелѣтнемъ царствѣ Христовомъ*, слѣд. продолжалъ держаться этого вѣрованія, составлявшаго одно изъ отличительныхъ вѣрованій партіи полужидовствующихъ антитринитаріевъ. Въ 1593 г. Будзинскій былъ еще живъ, дожилъ до глубокой старости, такъ что слылъ у антитринитаріевъ подъ именемъ «старика Будзинскаго», и умеръ не позже конца XVI. Не смотря на свое почетное положеніе въ средѣ секты, на свои связи съ богатыми патронами ея, Будзинскій жилъ бѣднякомъ. Въ одномъ анекдотическо-сатирическомъ сказаніи о главныхъ представителяхъ и учителяхъ раковской, антитринитаріанской общины, принадлежащихъ какому-то анониму изъ современныхъ польско-католическихъ полемистовъ, рассказывается о Будзинскомъ слѣдующее: «живя надъ Вислой, за г. Казимержомъ (Люб-

*) Польско-католическіе писатели (напр. Маціевскій въ соч. *Pismieństwo Polskie*, Т. II, str. 595. Warszawa. 1852) говорятъ, что Будзинскій примирился съ католическою церковію. Они обманываются выраженіемъ *церковію* употребленнымъ въ антитринитаріанскомъ извѣстіи (другого мнѣнія) объ этомъ примиреніи, забывая, что подъ церковію антитринитаріи разумѣютъ здѣсь именно свое общество, свою секту.

линск. губ.), онъ едва не каждый годъ нырялъ со всѣмъ домою своимъ, какъ скоро наставало половодье, такъ что былъ настоящимъ *нуркомъ* *). Когда умерла у него старая жена, онъ пожелалъ имѣть другую молодую, и дѣйствительно взялъ такую въ супружество въ своемъ сборищѣ сектанскомъ. Это была женщина не только молодая, но и съ нѣкоторымъ состояніемъ. Однажды случилась ей надобность ѣхать въ городъ, а дорога была дурная. Мужъ приказалъ запречь для нея пару воловъ въ простой возъ. Стыдно ей стало, что другіе ѣдутъ на коняхъ, а ее везутъ на волахъ, какъ навозъ на поле. Не вытерпѣвъ, она замѣтила мужу, что ни одна изъ христіанокъ не ѣздитъ на волахъ въ сборъ (молитвенный домъ сектантовъ); только я несчастная такъ ѣду. Мужъ отвѣчалъ: «не знаютъ они Св. Писанія, милая моя; не знаютъ, что Господь І. Христосъ смиренно ѣздилъ на ослѣ: намъ же тѣмъ болѣе пристало на волахъ пробираться въ царствіе небесное, что и дорога туда весьма тяжела». Этотъ рассказъ указываетъ съ одной стороны на приемы тогдашней полемики, въ которой полемисты любили затрогивать и осмѣивать частную жизнь своихъ противниковъ, даже физическіе недостатки и т. п.; съ другой на свойственную антиринитаріямъ и сообразную съ общимъ взглядомъ ихъ на свою секту привычку выдавать себя подражателями жизни Христа, Его учениковъ и первенствующихъ христіанъ **). Но особенно важное значеніе приобрѣлъ Буд-

*) Выраженіе *нырялъ со всѣмъ домою своимъ* означаетъ собственно то, что домъ Будзинскаго, стоявшій у берега рѣки, былъ почти ежегодно *затопляемъ* водою въ половодье. На этомъ обстоятельстве полемисты строили свою острогу и насмѣшку, называя это затопленіе невольнымъ анабаптическимъ крещеніемъ, которое анабаптисты, а по связи съ ними и нѣкоторые антиринитаріи, совершали сами надъ собою, погружаясь или ныряя въ воду, почему и называли ихъ *нурками*.

***) Гохеръ, III, № 9839 и Nota къ этому номеру.

зинскій въ исторіи антиринитаріанской секты, какъ первый польскій историкъ ея. Историческій трудъ его извѣстенъ у антиринитаріанскихъ писателей подъ названіемъ *комментаріевъ, записокъ, анналовъ*, наконецъ—*церковной исторіи*. Полнѣе обозначаетъ заглавіе его Сандъ: *Historia ecclesiastica eorum, quae in Polonia eique conterminis regionibus, a primordiis reformationis usque ad annum 1593, in negotio religionis contingerunt*. Судя по этому заглавію и по многочисленнымъ ссылкамъ на эту исторію Будзинскаго у антиринитаріанскимъ писателей, особенно у Любенецкаго и Санда, исторія эта *по времени* обнимала событія 50-ти лѣтняго періода отъ начала реформаціоннаго движенія въ Польшѣ до 1593 гг. Она была объемиста, состоя изъ нѣсколькихъ частей и нѣсколькихъ десятковъ главъ. По содержанію она начиналась вообще исторіею реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и сосѣднихъ странахъ, но постепенно сосредоточивалась на исторіи антиринитаріанства, по мѣрѣ того, какъ оно выдѣлялось изъ общаго реформаціоннаго движенія и образовалось въ особую, совершенно самостоятельную, секту. Будучи самъ въ теченіи 50 лѣтъ свидѣтелемъ, перѣдко и виднымъ участникомъ событій, ознаменовавшихъ реформаціонное, въ особенности антиринитаріанское движеніе въ Польшѣ и сосѣднихъ странахъ, Будзинскій и говоритъ объ этихъ событіяхъ, какъ свидѣтель-очевидецъ. Сверхъ того, благодаря такому положенію своему и въ частности такимъ порученіямъ, какія исполнялъ онъ въ званіи секретаря Лисманни, спутника его въ посольствѣ на западъ, посланца отъ реформаціоннаго собора, нотарія антиринитаріанскихъ соборовъ и т. п., Будзинскій имѣлъ возможность собирать разные документы, относящіеся къ его предмету, собиралъ ихъ тщательно и помѣстилъ въ своей исторіи: таковы, напр. акты протестанскихъ и антиринитаріанскихъ соборовъ, письма и посланія разныхъ представителей и вожа-

ковъ реформаціоннаго, въ особенности же антиринитаріанскаго движенія въ Польшѣ, Литвѣ и др. странахъ. Все это вмѣстѣ должно было придать особенный авторитетъ Будзинскому, какъ историку реформы и антиринитаріанской секты въ Польшѣ, и особенную цѣну его исторіи. Сама собою становится понятною цѣль его исторіи. Какъ ревностный антиринитарій, Будзинскій хотѣлъ представить въ ней не только исторію, но и апологію своей секты, чтобы защитить ее отъ однихъ и зарекомендовать другимъ. Здѣсь достаточно впрочемъ указать лишь на нѣкоторыя мысли и замѣчанія, встрѣчаемыя въ его исторіи и характеризующія взглядъ его на свою секту, отношеніе его къ другимъ исповѣданіямъ. Такъ онъ одинъ изъ первыхъ проводитъ взглядъ, что антиринитаріанство есть возсозданіе чистаго, первобытнаго христ. ученія, которое еще держалось въ церкви въ первые вѣка, имѣя еще своихъ защитниковъ въ лицѣ Павла Самосатскаго, Фотина, Арія и др. извѣстныхъ еретиковъ, отрицавшихъ таинство Пресв. Троицы. Борьбу церкви противъ этихъ еретиковъ онъ называетъ неправдою и обвиняетъ въ ней особенно высшую іерархію, которая, со времени Никейскаго собора возобладавъ въ церкви, преслѣдовала клеветами и насиліями хранителей чистой хр. истины, какъ еретиковъ. Воскресая послѣ многовѣковаго забытія о ней, въ новомъ свѣтѣ въ ученіи антиринитаріевъ, эта чистая истина, чистая вѣра христіанская, встрѣчается съ такою-же неправдою въ лицѣ новыхъ противниковъ ея. Такихъ противниковъ видѣлъ Будзинскій и въ протестантахъ; но какъ они по крайней мѣрѣ нѣкоторое время казались союзниками антиринитаріевъ, то онъ по видимому ограничивается сожалѣніемъ, что эти союзники, вступившіе на путь реформы вѣры и церкви, не дошли до конца. Гораздо враждебнѣе относится онъ къ римской церкви особенно высшей іерархіи ея. Касаясь въ своей исторіи нѣкоторыхъ поль-

скихъ епископовъ, особенно краковскихъ, онъ большею частью представляетъ ихъ въ дурномъ видѣ. Это лицемѣры, властолюбцы, корыстолюбцы, сибариты, враги и гонители истины и ея провозвѣстниковъ. Они берегутъ только свою власть, свои доходы, свои десятины, собираемыя съ бѣдныхъ христіанъ, а затѣмъ или равнодушны къ невѣжеству и суевѣріямъ народа, или намѣренно поддерживаютъ ихъ. Епископу Жебридовскому онъ приписываетъ богохульную поговорку: «вѣруй хоть въ осла, но плати десятины». Рядомъ съ такою неприглядною характеристикою р.-католической іерархіи, Будзинскій въ свѣтломъ видѣ выставляетъ вождей и послѣдователей своей секты, какъ благочестивыхъ и кроткихъ свидѣтелей перзобытной хр. истины, попираемой епископами, невинно терпящихъ за эту истину укоризны и преслѣдованія. Замѣтимъ наконецъ, что исторія Будзинскаго не дошла до насъ. Эразмъ Отвиновскій, жизнеописатель знаменитыхъ представителей антиринитаріанской секты, писавшій въ началѣ XVII в., въ своей біографіи Будзинскаго сообщаетъ, что часть историческихъ записокъ его попадала въ руки какого-то печестиваго челоуѣка (т. е. не антиринитарія) и утрачена. Впрочемъ и оставшаяся часть не была издана антиринитаріями, но, сохраняясь у нихъ въ рукописяхъ, она служила для антиринитаріанскихъ писателей однимъ изъ главныхъ источниковъ, откуда они заимствовали важнѣйшія свѣдѣнія и документы по начальной исторіи своей секты *).

Въ этой-то исторіи Будзинскаго, по словамъ антиринитаріанскихъ писателей, впервые сообщено свидѣтельство объ открытіи письма Пловца — Смеры, а также помѣщенъ былъ и списокъ письма въ переводѣ, сообщенный автору тѣмъ са-

*) См. у Санда подъ именами Будзинскій, Отвиновскій. О заимствованіяхъ изъ исторіи Будзинскаго и о томъ, какъ сбереглась она до времени Санда, скажемъ ниже.

мымъ русскимъ діакономъ Андреемъ, который списалъ его съ подлинника. Вотъ это свидѣтельство, выписываемое нами изъ Санда. Въ третьей главѣ своей исторіи, помѣстивъ письмо въ польскомъ переводѣ Андрея, Будзинскій говоритъ: «письмо это одинъ изъ пословъ русскаго князя Владиміра, отпавленныхъ имъ къ разнымъ народамъ и въ разныя страны, писалъ къ нему изъ египетской Александріи; оно изображено было на мѣдныхъ доскахъ желѣзными буквами, языкомъ болгарскимъ по древнему учению руссовъ, и на немъ была надпись: врачъ и риторъ и проч. Экземпляръ этого письма переписалъ Андрей, русскій діакономъ, бывший послѣ слугою пана Собека, королевскаго подскарбія и перевелъ на польскій языкъ въ 1567 г. Приобрѣвъ его отъ этого діакона, я оставляю его потомству, какъ памятникъ достойный прочтенія. Пусть видятъ, какъ онъ (посоль) описываетъ здѣсь римскую или латинскую церковь и нѣкоторыхъ грековъ; и какова была у нихъ (грековъ) религія въ ту пору, когда они уже отдѣлились отъ римлянъ. Пусть видятъ также, какое сообщеніе онъ дѣлаетъ своему князю о новомъ Израилѣ, то есть, объ истинныхъ церквахъ Христовыхъ: тамъ въ то время—въ 990 г. было какъ бы хранилище этихъ церквей, образъ которыхъ посоль такъ восхваляетъ, что и самъ тамъ остался». Если принять это свидѣтельство Будзинскаго о письмѣ, то оставалось бы предположить, что сочинителемъ его былъ или самъ Будзинскій или кто либо изъ его сообщниковъ по сектѣ и партіи, и изобрѣтеніе сдѣлано въ тѣхъ видахъ, въ какихъ Будзинскій писалъ свою исторію, т. е. въ видахъ защиты и пропаганды секты. Но такъ какъ письмо адресовано къ русскому князю и въ лицѣ его вообще къ русскимъ, то требуется еще объяснить: существовали-ль во время Будзинскаго, т. е. въ первое 50-лѣтіе исторіи секты, такія отношенія ея къ русскимъ, которые могли

бы послужить поводомъ къ изобрѣтенію письма въ интересахъ секты посреди русскихъ? Такія отношенія существовали.

III) Одновременно съ возбужденіемъ религіозно-реформаціоннаго движенія въ Польшѣ, подобное же движеніе проявляется и въ Литвѣ, частію и въ западной Руси. Новыя религіозныя идеи заносились сюда изъ Польши, частію непосредственно съ ихъ родины, т. е. разныхъ странъ западной Европы, куда и нѣкоторые литовскіе—русскіе паны, подобно польскимъ, ѣзжали для образованія, службы, купцы для торговли, и откуда прибывали въ Литву послѣдователи новыхъ религіозныхъ ученій Запада. Надобно сказать однакоже, что первыми подавшими новыя ученія Запада были литовскіе—русскіе паны изъ *католиковъ*, тѣ въ особенности, предки которыхъ были нѣкогда православными. При самомъ принятіи христіанства Литва поставлена была въ печальную необходимость дѣлиться между двумя исповѣданіями—православнымъ и латинскимъ, и это двоеніе продолжалось и потомъ, развивъ въ литовско-русскихъ панахъ какую-то колеблемость религіозныхъ вѣрованій, замѣчаемую даже въ представителяхъ самой династіи Ягеллоновъ. Въ тѣхъ фамиліяхъ, которыя разъ отпали отъ своей православной церкви для церкви католической, легче совершались отпаденія отъ послѣдней для новыхъ ученій, поднятыхъ реформой, чѣмъ среди тѣхъ фамилій, которыя изъ начала, неизмѣнно пребывали въ своей православной церкви. При томъ же реформа вышла изъ среды католической церкви, противъ нея подняла она свои протесты, съ ней вела напряженную борьбу,—естественно поэтому, что идеи ея въ литовской Руси оказались сроднѣе и доступнѣе католикамъ, чѣмъ православнымъ. Іезуитъ Цѣховскій, говоря о первыхъ временахъ реформаціоннаго движенія въ Литвѣ, выражается: «едва ли и тысячная часть католиковъ осталась отъ прежняго: почти вся Литва заражена была ересями; отовсюду поднима-

лись богохульные голоса на Бога, угодниковъ Его и церковь римскую. Между тѣмъ русины бдительно охраняли свою святню, и, какъ они народъ непостоянный вѣры, одобреніемъ своимъ пріохочивали разновѣрцевъ». Это послѣднее замѣчаніе довольно вѣрно изображаетъ отношеніе русскихъ православныхъ къ дѣлу реформы; можно прибавить только, что заохочиваніе ими реформаторовъ происходило не столько отъ непостоянства собственной вѣры, сколько отъ несочувствія къ католической церкви, для борьбы съ которою они надѣялись теперь найти союзниковъ въ лицѣ протестантовъ. Впрочемъ реформаціонное движеніе проникло и въ древне-русскія области, особенно Бѣлоруссію, такъ называемую Черную Русь (случкій и новгородскій уѣзды минской губерніи) также и Волынь и Галицію. Оно имѣло здѣсь послѣдователей прежде всего опять изъ окатоличенныхъ или ополяченныхъ русскихъ пановъ, но проникало иногда и въ среду православныхъ фамилій. «Только простой народъ, замѣчаетъ Лукашевичъ, по селамъ благородно держался вѣры предковъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ принадлежалъ къ восточному исповѣданію. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ литовско-русскихъ земляхъ существовали послѣдователи трехъ главныхъ фракцій польско-литовскаго протестанства: кальвинизма, лютеранства и ученія моравскихъ братьевъ. Но первый преобладалъ надъ послѣдними, имѣя послѣдователей въ членахъ знатнѣйшихъ фамилій, каковы—Радзивиловъ, Кишки, Ходкевичи, Сапѣги, князя Пронскіе, Пузины, Дорогосевскіе и др., многочисленныя общины и сборы съ патронами изъ пановъ, также съ пасторами и учителями. Одною изъ начальныхъ и сильнѣйшихъ общинъ была община, возникшая въ Вильнѣ, подъ патронатствомъ самаго воеводы виленскаго Николая Радзивилла. Здѣсь въ 1557 г. собирался кальвинскій синодъ, на которомъ присутствовало нѣсколько десятковъ пасторовъ. Съ 1555 г. начинаются попытки къ объ-

единенію литовскихъ протестантовъ съ польскими, затѣваемыя соборами тѣхъ и другихъ. Но съ этого же времени начинаетъ обнаруживаться и среди литовскихъ протестантовъ то крайнее направленіе религіознаго вольномыслія, которое выразилось въ антиринитаріанствѣ. Первыми сѣятелями антиринитаріанскихъ ученій въ Литвѣ считаютъ извѣстнаго намъ Лисманини, который, какъ придворный капелланъ, бывалъ съ Сигизмундомъ Августомъ въ Литвѣ, Петра изъ Гонѣндза, что въ Подляхія, итальянца Юрія Блондрату, нѣмца Станкара. Появленіе новаго ученія смутило литовско-русскихъ кальвинистовъ также какъ прежде польскихъ. Въ Литвѣ, какъ и Польшѣ, кальвинисты спѣшили противодѣйствовать новому ученію. Съ этою цѣлію въ декабрѣ 1558 г. созванъ былъ въ Вильнѣ кальвинскій соборъ, на которомъ Петръ изъ Гонѣндза приглашенъ былъ оправдаться въ сѣяніи новаго ученія. Онъ отвѣчалъ защитительною рѣчью въ пользу антиринитаріанства, которая смутила и привела въ негодованіе большинство членовъ собора, но нашла также и сочувствующихъ новому ученію. Главный патронъ кальвинизма Николай Радзивиллъ старался силою своего вліянія остановить разливъ новаго ученія, признавая въ немъ возстановленіе древняго аріанства, какъ то говорили и въ Польшѣ. Тоже дѣлалъ и другой знатный патронъ кальвинизма Янъ Хоткевичъ, стольникъ великаго княжества литовскаго. Пасторы кальвинскіе поощряли патроновъ къ такому противодѣйствію, а Симонъ Заціусъ, пасторъ брестъ-литовской общины, и за тѣмъ первый суперъ-интендентъ кальвинскихъ общинъ виленскаго округа издалъ въ 1559 г. въ Брестѣ литовскомъ (кальвинское) *исповѣданіе вѣры виленской церкви*, въ огражденіе послѣдователей кальвинизма отъ заразы новымъ ученіемъ. Впрочемъ союзъ кальвинистовъ съ учителями антиринитаріанскаго направленія еще не прекращался и выразился въ совмѣстномъ трудѣ по переводу и изданію знамени-

той брестской библии 1563 г., изданной на счет Нив. Радзивилла, бывшего вмѣстѣ и брестскимъ старостой и посвященной имъ Сигизмунду Августу. Тѣмъ не менѣе требовалось выяснитъ отношенія кальвинизма къ представителямъ новаго направленія. Съ этою цѣлю созывались соборы, изъ коихъ, по связи съ литовскимъ антитринитаріанствомъ, наиболѣе замѣчательнъ венгровскій соборъ 1565 г., гдѣ предсѣдательствовалъ уже извѣстный намъ патронъ Будзинскаго Іеронимъ Филиповскій, при которомъ находился вѣроятно и самъ Будзинскій. Были тутъ и кальвинисты, такъ какъ однимъ изъ главныхъ вопросовъ, занимавшихъ соборъ, было примиреніе разногласій, возникшихъ между ними и антитринитаріями. Но, какъ замѣчаетъ Лукашевичъ, сами кальвинскіе члены собора изъ Литвы, не совсѣмъ искренно защищали свою сторону. Замѣчательно, что на соборѣ заявили свой голосъ двѣ знатныя пани изъ Литвы: Анна Кищанка, жена витебскаго воеводы Ст. Кишки, и Анна Радзивиловна, письма которыхъ читаны были на соборѣ, и вѣроятно благопріятныя антитринитаріямъ. На соборѣ антитринитаріи взяли верхъ, и рѣшенія соборныя, принесенныя въ Брестъ-Литовскій, сообщены вѣнскимъ кальвинистамъ, которые отвѣчали посланіемъ, исполненнымъ скорби и глубокаго сожалѣнія о такомъ исходѣ дѣла, съ увѣщаніемъ не поддаваться новымъ опаснымъ ученіямъ. Но это уже не помогло. Послѣдовалъ разрывъ между кальвинистами и антитринитаріями въ Литвѣ, также какъ и въ Польшѣ и почти одновременно, хотя попытки къ соглашенію иногда еще возобновлялись, а нѣкоторые изъ бывшихъ кальвинистовъ, склоняясь въ тайнѣ къ антитринитаріанству, явно еще не отставали отъ кальвинизма, ради знатныхъ патроновъ его.

Изъ антитринитаріанскихъ учителей Литвы этого времени особенно извѣстенъ *Симонъ Будный*. Это былъ по однимъ полякъ изъ Мазовіцъ, по другимъ литвинъ, отступникъ православія, что кажется вѣроятнѣе. Учился онъ въ краковской

академіи и еще въ Краковѣ познакомился съ сочиненіями и ученіемъ итальянскихъ антитринитаріевъ, въ частности того Бернарда Охіна, который читывался въ кружкѣ Лисманини и которому самъ Будный считалъ себя обязаннымъ просвѣтленіемъ его мыслей. Когда сначала 50-хъ годовъ XV в. Николай Радзивиллъ, ставъ во главѣ литовскихъ кальвинистовъ, основывалъ въ своихъ имѣніяхъ и городахъ кальвинскіе сборы и вызывалъ изъ Польши и др. мѣстъ ученыхъ кальвинистовъ въ пасторы для этихъ сборовъ; то въ числѣ другихъ былъ вызванъ имъ и Будный на должность кальвинскаго пастора въ городъ Клецкъ (минской губ.). Будный принялъ эту должность и, ради знатнаго патрона, заявлялъ себя кальвинистомъ, хотя уже предрасположенъ былъ къ ученію антитринитаріевъ. Въ Клецкѣ онъ задался мыслию о пропагандѣ кальвинизма среди русскаго населенія. Въ 1562 г. онъ издалъ на бѣлорусскомъ языкѣ *кальвинскій катихизисъ* въ новооснованной Радзивилломъ типографіи въ Нѣсвижѣ. Товарищами по изданію были нѣсвижскій староста М. Кавечинскій и нѣсвижскій кальвинскій пасторъ Лаврентій Крышковскій. Катихизисъ назначался для «простаго народа русскаго и для христіанскихъ дѣтокъ русскихъ». Посвящая изданіе дѣтямъ Радзивилла издатели выражаютъ радость, что въ новой типографіи начинаютъ печататься книги на издавна славномъ и далеко распространенномъ языкѣ славянскомъ и поставляютъ въ честь княжичамъ то, чтобы они, занимаясь языками чужеземными, любили и свой родной. Въ томъ же году, на томъ же языкѣ и съ тѣми же товарищами издалъ Будный еще одно сочиненіе подъ заглавіемъ: *оправданіе грѣшнаго человека предъ Богомъ*. Изданіе посвящено Евстафію Воловичу маршалку и писарю великаго княжества литовскаго, на средства котораго оно и печаталось. Въ предисловіи къ катихизису Будный обѣщавалъ выпустить еще другое болѣе полное изданіе катихизиса, а также

опричную книгу «о крещеніи и о вечери Сына Божія». Въ названныхъ изданіяхъ Будный заявляетъ себя еще кальвинистомъ, хотя въ сочиненіи «оправданіе грѣшнаго чедовѣка предъ Богомъ» уже проглядываютъ антиринитаріанскія выраженія. Яснѣе выступаетъ антиринитаріанское направленіе Буднаго въ его переводѣ библіи, изданномъ въ 1570 и 1572 г. въ Нѣсвижѣ. Объясняя поводы къ новому переводу, Будный указываетъ на недостатки брестской библіи, переводчики которой не справились съ еврейскимъ для ветхаго и греческимъ для новаго завѣта, хотя и утверждаютъ, что дѣлали это; ссылается на неодобреніе брестской библіи, высказанное на скринскомъ соборѣ 1567 г., который, какъ знаемъ, былъ соборомъ антиринитаріанскимъ. Будный говоритъ, что искалъ, но не могъ найти сотрудниковъ себѣ для этого перевода Библіи, кромѣ Матвея Кавечинскаго, который далъ и средства на изданіе и вмѣстѣ съ двумя своими братьями также склонялся къ антиринитаріанскимъ мнѣніямъ. Знакомые съ библіею Буднаго отдають справедливость его учености, языкознанію, въ ней обнаруженныхъ, но усматриваютъ также злонамѣренныя искаженія текста библіи въ смыслѣ антиринитаріанскихъ ученій. Въ эту пору уже не было въ живыхъ Николая Радзивилла Чернаго, вліяніе котораго сдерживало Буднаго и другихъ отъ явнаго перехода на сторону антиринитаріанства. Впрочемъ при дворѣ Радзивилловъ еще прежде дано Будному понять, какъ недовольны его дерзкимъ вольномысліемъ, шедшимъ далѣе кальвинизма, а Будный отвѣчалъ на это открытымъ разрывомъ съ кальвинизмомъ и переходомъ въ антиринитаріанство. Въ этомъ новомъ положеніи онъ нашелъ покровителя въ лицѣ Яна Кишки. Это былъ потомокъ старинной литовско-русской фамиліи въ Бѣлоруссіи, сынъ витебскаго воеводы Ст. Кишки, умершаго въ 1552 г., зять князя Константина Острожскаго. Получивъ образованіе за границей, кото-

рымъ любилъ хвалиться, наслѣдовалъ послѣ отца громадныя имѣнія въ нынѣшнихъ губерніяхъ виленской, ковенской, минской и др. съ 70 мѣстечками и 400 селами, занимая притомъ важныя должности въ литовской Руси, Янъ Кишка задался тщеславною мечтой быть для литовскихъ антиринитаріевъ тѣмъ, чѣмъ былъ Ник. Радзивиллъ для кальвинистовъ. Онъ собиралъ къ себѣ учителей этой секты, съ цѣлю пропаганды ея заводилъ антиринитаріанскія общины, также типографіи для изданія антиринитаріанскихъ сочиненій. Такія типографіи извѣстны въ Лозкахъ (виленской губ. ошмянскаго уѣзда), въ Любчѣ (минской губ. повогрудскаго уѣзда) и въ Заславлѣ (минской губ. и уѣзда). Покровительство сектѣ онъ продолжалъ до самой смерти (въ 1592 г.), предъ которою написалъ, въ видѣ завѣщанія, свое антиринитаріанское исповѣданіе вѣры, въ предупрежденіе могущихъ возникнуть слуховъ о измѣнѣ его вѣрованіямъ секты. Къ этому патрону секты перешелъ отъ Радзивилловъ Будный, что было еще до 1572 года. Живя то въ Заславлѣ, то въ Лозкѣ онъ былъ горячимъ пропагандистомъ секты, издавалъ одинъ за другимъ свои книжные труды въ пользу ея, которые печатались преимущественно въ Лозкахъ. Между прочимъ, здѣсь изданы имъ: 1) *Новый Заветъ* въ полномъ польскомъ переводѣ съ толкованіями въ духѣ ученія секты 1574 г., 2) книжка «о предпѣшнихъ артикулахъ вѣры» на польскомъ же языкѣ, изд. въ 1576 г. «съ дозволенія нѣкоторыхъ братій въ Литвѣ и Руси». Въ длинномъ приложеніи къ этому изложенію вѣры Будный поясняетъ, что еще три года назадъ предпринималъ этотъ трудъ, что чрезъ него онъ хочетъ очистить себя предъ единомысленниками отъ дѣлаемыхъ ему упрековъ въ наклонности то къ ученію Кальвина или Сервета, то въ переходѣ на сторону нечестія жидовскаго, вооружается также противъ тринитаріевъ (ра-

зумѣ здѣсь всѣ хр. исповѣданія), двубожниковъ, требожниковъ, предвѣчниковъ, разумѣ здѣсь разныя партіи антитринитаріанской секты. Такъ образомъ онъ хочетъ здѣсь выдать себя представителемъ чисто—унитаріанскаго ученія, ставшаго, какъ замѣтили мы выше, ученіемъ средней или преобладающей антитринитаріанской партіи. Надо полагать, что антитринитаріанская пропаганда Буднаго и его товарищей, покровительствуемая такимъ сильнымъ паномъ, какъ Янъ Кишка, имѣла успѣхи. Лукашевичъ говоритъ, что кальвинскіе паны *принуждали* простой народъ въ своихъ имѣніяхъ посѣщать ихъ сборы или молитвенные дома. Это согласовалось и съ принципомъ протестанства: *cujus regio, ejus religio* и съ обычными притязаніями свѣтскаго патроната въ области вѣры, заявленнаго протестанскими панами и въ известной конфедераціи 1573 г. Безъ сомнѣнія, также думали и поступали паны и изъ антитринитаріевъ, а въ числѣ ихъ—и главный патронъ этой секты въ Литвѣ Янъ Кишка. Надо полагать, что не мало и православныхъ церквей отнято панами патронами какъ для кальвинизма, такъ и для антитринитаріанства, при чемъ конечно они лишены были своихъ святынь, неуважаемыхъ сектантами. Лезуитъ Петръ Скарга въ своемъ сочиненіи о брестскомъ соборѣ 1596 г., упрекая русскихъ епископовъ и духовныхъ за то, что на этомъ соборѣ они будто бы соединялись съ панами изъ еретиковъ, въ частности изъ арианъ и новокрещенцевъ, говоритъ, что эти мнимые друзья, на самомъ дѣлѣ волки, въ *одномъ новогрудскомъ воеводствѣ* отняли у русской церкви до 650 церквей, упразднили въ нихъ службу Божию, и что—изъ 600 дворянскихъ фамилій этого воеводства едвали осталось 16 или менѣе такихъ, которыя ушли отъ еретической новокрещенской т. е. антитринитаріанской заразы. Конечно, въ этомъ отзывѣ есть преувеличеніе, но есть также и часть правды.

Но Будный не довольствовался честию рядоваго вожака секты. Не удовлетворясь кальвинизмомъ, онъ не удовлетворился и тѣмъ среднимъ видомъ антитринитаріанства, о которомъ мы сказали. Онъ пошелъ далѣе—на сторону самой крайней партіи въ этой сектѣ—партіи *полужидовствующихъ*. Въ Литвѣ она имѣла еще большій успѣхъ, чѣмъ въ Польшѣ, потому и слыла подъ названіемъ *евронитско-литовской*, а Будный прослылъ здѣсь главою ея. Рано заподозрѣнъ онъ былъ антитринитаріями въ такомъ крайнемъ направленіи, какъ видно изъ того, что въ объясненіяхъ къ своимъ «артикуламъ вѣры» считалъ нужнымъ оправдываться отъ упрека въ переходѣ на сторону жидовскаго нечестія. Но это оправданіе не искренно и хитро. Будный конечно не могъ вполне стать на сторону этого нечестія, не принималъ чистаго жидовства. Но мнѣнія партіи полужидовствующихъ онъ обнаружилъ въ тѣхъ же самыхъ объясненіяхъ. Такъ онъ проводилъ одно изъ главныхъ мнѣній этой партіи *de non invocando Christo*. Далѣе онъ былъ горячимъ защитникомъ такихъ мнѣній этой партіи, какъ известное намъ мнѣніе *de usu magistratus et armorum*. Онъ защищалъ это мнѣніе въ двухъ сочиненіяхъ, изданныхъ въ Лозкахъ въ 1574 и 1576 г., изъ коихъ первое было направлено Буднымъ противъ Мартина Чеховича, державшагося по этому вопросу взгляда раковскихъ, лувлавицкихъ, краковскихъ антитринитаріевъ, а второе издано отъ имени всего «собора» литовскихъ антитринитаріевъ. Вѣроятно Будный дошелъ наконецъ и до полу-жидовствующихъ понятій о земномъ чувственномъ царствѣ Мессіи. Будучи главою партіи полужидовствующихъ въ Литвѣ, Будный сослался съ сторонниками ея въ Польшѣ и Венгріи и Трансильваніи, печаталъ въ Лозкахъ полемическія сочиненія членовъ этой партіи, напр. грека Іоанна Палеолога, принималъ участіе въ полемикѣ за главу этой партіи въ Трансильваніи Франциша Давидовича, былъ главнымъ защитникомъ ея мнѣній на нѣсколькихъ анти-

тринитаріанскихъ соборахъ въ Польшѣ и Литвѣ, гдѣ такіе соборы собирались въ Лозкахъ, Евю и Любчѣ, подъ покровительствомъ патрона литовскихъ антитринитаріевъ Яна Кипки. Все это такъ раздражало польскихъ антитринитаріевъ, что въ 1582 г. они отлучили его на луклавицкомъ соборѣ. Впрочемъ антитринитаріанскіе писатели прибавляютъ, что Будный впоследствии раскаялся и воссоединился съ церковію, т. е. главною партіею секты, которой продолжалъ служить до самой смерти, послѣдовавшей около 1604 г.¹⁾

Встрѣчаясь въ лицѣ Буднаго съ партіею полужидовствующихъ антитринитаріевъ въ Литвѣ, обратимъ вниманіе на другихъ представителей этой партіи, съ которыми перейдемъ и въ другія мѣстности юго-западной Руси, бывшія поприщемъ антитринитаріанской пропаганды. Это сѣверо-русскіе антитринитаріи, перешедшіе въ Литву и юго-западную Русь.

То весьма замѣчательно, что сѣверная Русь упреждаетъ Польшу и Литву въ проявленіи у себя антитринитаріанской ереси, хотя и начавшейся по возбужденію изъ Литвы. Еще съ 70-тыхъ годовъ XV в. является въ Новгородѣ и потомъ въ Москвѣ ересь *жидовствующихъ*. Первыхъ послѣдователей она имѣла между священниками, монахами, имѣла приверженца въ лицѣ м. Зосимы, проникла ко двору Іоанна III. Возбужденная прибывшими въ Новгородъ изъ Литвы евреями, она дѣйствительно заключала въ себѣ элементы жидовства, но также и элементы самороднаго раціонализма, который очень сходенъ съ позднѣйшимъ ученіемъ польско-литовскихъ антитринитаріевъ, а у нѣкоторыхъ представителей ереси, напр. у м. Зосимы, за-

¹⁾ О Будномъ—у Санда (Bibliotheca Antitrinitarium p. 54—55), Іохера (Т. II, notae 2267, 3094, 3363, 3365), въ „Encyklopedia Powszechna„ (Warszawa, 1864 г. т. IV подъ словомъ S. Budny), въ „энциклопедическомъ лексиконѣ“ Т. VII стр. 250—252. Съ современными русскими свидѣтельствами о немъ встрѣтятся далѣе.

ходилъ въ грубый матеріализмъ, отрицавшій даже безсмертіе души, будущую жизнь. Еретикъ встрѣтилъ сильныхъ обвинителей въ лицѣ пастырей и учителей русской церкви, которые, не ограничиваясь словесной и книжной борьбой съ ними, преслѣдовали ихъ строгимъ судомъ церкви и суровыми казнями гражданской власти, ссылаясь на примѣры греческой церкви, даже римской, ведшей инквизицію на еретиковъ, наконецъ на градскіе законы царей греческихъ. Съ начала XVI вѣка ересь притихаетъ, но броженіе религіознаго вольномыслія, ею возбужденное и поддерживаемое въ теченіи тридцатилѣтняго существованія ереси, не могло улечься. Оно выражалось между прочимъ въ протестахъ по поводу казни еретиковъ, въ порицаніяхъ на святительскій и инокскій чинъ и т. под. Попадались даже скрытые послѣдователи бывшихъ еретиковъ, а ок. 1520 г. явился даже новый оболъститель православныхъ жидовинъ Исаакъ, зашедшій въ роство изъ той же Литвы. По возбужденію ревнителей православія гражданская власть продолжала карать еретиковъ, которые принуждены были опять затихнуть, такъ что новгородскій архіепископъ Макарій въ грамотѣ 1527 г. величалъ в. кн. Василя Іоанновича окончательнымъ низложителемъ ереси. Тѣмъ не менѣе въ Москвѣ долго не могли забыть о ереси жидовствующихъ и о литовскихъ жидкахъ, какъ первыхъ зачинщикахъ ея. Въ 1549 году в. кн. литовскій въ грамотѣ къ царю Ивану Васильевичу просилъ между прочимъ о дозволеніи литовскимъ евреямъ свободной торговли въ литовской землѣ. Царь отвѣчалъ: «жидовъ допустить въ нашу землю не можемъ: они привозили къ намъ ядь тѣлесный и душевный, продавали у насъ смертоносныя зелья и богохульствовали противъ Христа; поэтому я не хотѣлъ бы и слышать ихъ».

Если жидовско-еретическая пропаганда могла заноситься изъ Литвы въ московскую Русь, то трудно и представить, что-

бы она не существовала въ самой Литвѣ. Извѣстно притомъ, что во время казней, постигшихъ еретиковъ въ московской Руси, нѣкоторые изъ нихъ успѣли бѣжать въ Литву, и тамъ вѣроятно продолжали высказывать и пропагандировать свои мысли. Естественно, что по памяти о литовскихъ жидакъ, какъ первыхъ учителяхъ своихъ еще въ Новгородѣ, еретики могли искать сближенія съ жидами и въ Литвѣ, гдѣ ихъ было немало и гдѣ они пользовались даже извѣстными привилегіями. Это могло повести къ попыткамъ совместной пропаганды. И вотъ одновременно съ тѣмъ, какъ разнеслись въ Польшѣ слухи о попыткахъ евреевъ къ обращенію христіанъ, подобныя слухи разнеслись и въ Литвѣ. Въ слѣдствіе этого король и великій кн. литовскій Сигизмундъ I прислалъ въ Литву двоихъ дворянъ своихъ Антоневича и Корчуйтса съ приказомъ разыскивать евреевъ, заподозрѣнныхъ въ пропагандѣ, привлечь ихъ къ суду и подвергать казнямъ. Началось усердное преслѣдованіе евреевъ, нашедшее паняку на нихъ. Но по ходатайствамъ нѣкоторыхъ городскихъ властей и жалобамъ самихъ евреевъ король съ согласія рады литовской издалъ отъ 1539 г. 10 іюня листъ, отиѣняющій прежнее распоряженіе. Надо замѣтить, что въ своихъ жалобахъ и оправданіяхъ евреи не могли отвергнуть самаго факта пропаганды, ссылаясь болѣе на то, что во время преслѣдованія страдаетъ много невинныхъ. И дѣйствительно затѣя общей пропаганды еврейской представляется невѣроятною. Но въ отдѣльныхъ затѣяхъ пропаганды можно признать фактъ, связующій пропаганду *жидовствующихъ* прежняго времени съ новою пропагандою *полужидовствующихъ* антиринитаріевъ, открывающаюся почти одновременно въ московской Руси и литовской.

Съ первыхъ годовъ второй полов. XVI в. въ московской Руси открывається новое движеніе религиознаго вольномыслія одновременно съ явнымъ выступленіемъ такого же движенія

въ Польшѣ и Литвѣ. Открылась именно цѣлая группа вольнодумцевъ, въ которой выдающимися личностями оказались: Матеей Башкинь, Артемій, бывший игумень Троицкой Лавры, монахи Феодосій Косой, Вассіанъ, Игнатій и съ ними немало другихъ. Несомнѣнно, что на возбужденіе новаго вольнодумнаго движенія въ московской Руси могли повліять идеи западнаго вольномыслія: Башкинь называлъ своими учителями аптеаря Матеея литвина и Андрея Хотнева—латинниковъ, а Артемій искалъ книжныхъ собесѣдованій съ литвинскими нѣмцами. Слѣдуетъ далѣе признать въ этомъ движеніи оживленіе вольномыслія, остававшагося въ самой московской Руси отъ времени жидовствующихъ. Артемій, Косой, Игнатій жилали въ бѣлозерскихъ пустыняхъ, гдѣ между старцами преимущественно обозначилось броженіе вольныхъ мыслей, не затихавшее въ указаннаго времени. Но затѣмъ несомнѣнно, что въ новыхъ открывшихся теперь вольнодумцахъ сильно работала и собственная мысль, стремившаяся критически отнестись къ явленіямъ современной имъ церковно-народной вѣры и жизни, и просвѣтить себя касательно самыхъ основаній этой вѣры и жизни. У однихъ эта мысль, сдерживаемая живымъ чувствомъ вѣры и благочестія, умѣла найти извѣстныя границы для своей пылкости, какъ то видно у Башкина и еще болѣе у Артемія; у другихъ она необузданно устремилась къ крайнему раціонализму и отрицанію, какъ то видимъ у Феодосія, Игнатія и ихъ единомысленниковъ. Первые ревновали только объ *исправленіи* въ церковно-народной жизни того, что считали несообразнымъ съ истиннымъ ученіемъ и духомъ вѣры и церкви, высказывая свои мысли въ видѣ сомнѣній, вопросовъ и относясь съ прямымъ, хотя и робкимъ порицаніемъ только къ извѣстнымъ явленіямъ церковной жизни, какъ напр. преобладаніе обрядовой набожности надъ внутреннимъ благочестіемъ, недостатки или злоупотребленія въ іерархіи, монашесствѣ, обычай

казнить еретиковъ, противный духу хр. любви и т. под. Существенныхъ же основаній вѣры и церкви они не отрицали, хотя быть можетъ и безвинны были въ неосторожныхъ выраженіяхъ, допущенныхъ въ критическихъ порывахъ неопытной мысли. Напротивъ Θεодосій Косой воспроизводитъ въ своемъ ученіи исходное начало ереси жидовствующихъ, ставя Моисеевы книги выше евангелія и проповѣдуя монотеизмъ въ іудейской формѣ; затѣмъ онъ отрицалъ таинство Пресв. Троицы, божество Иисуса Христа, воплощеніе, искупленіе, всѣ таинства церкви, призваніе святыхъ, преданія церкви и писанія св. отцевъ, называя ихъ лживыми и бесполезными, отрицалъ все обрядовое богослуженіе, называя его идолослуженіемъ, иконы—идолами, храмы—кумирницами; отрицалъ іерархію, нападая особенно на епископовъ, какъ лживыхъ учителей, гордецовъ, любостяжателей, гонителей и мучителей, истинныхъ христіанъ (еретиковъ), отвергалъ посты, монашество и т. под.; и не смотря на все это называлъ свое ученіе ученіемъ евангелія и апостоловъ, ученіемъ истиннаго христіанства. Это различіе направлений въ средѣ московскихъ вольнодумцевъ аналогично съ извѣстнымъ намъ различіемъ направлений въ представителяхъ реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и Литвѣ. Въ Башкинѣ и Артемѣ примѣчается сходство (не говоримъ тождество) съ вольнодумцами протестантскаго направленія; въ Косомъ и его единомысленникахъ—уже полное сходство съ антитринитаріями или унитаріями и притомъ крайними т. е. полужидовствующими. Далѣе, есть аналогія и во взаимныхъ отношеніяхъ новыхъ московскихъ вольнодумцевъ съ извѣстными намъ отношеніями литовско-польскихъ протестантовъ къ антитринитаріямъ въ первое время реформаціоннаго движенія, когда обѣ стороны еще не опредѣлились, не выяснились окончательно въ своихъ направленіяхъ. Θεодосій и Игнатій называли даже своимъ учителемъ Артемія, который однакоже вовсе не былъ,

какъ они, антитринитаріемъ. Они могли сходиться между собой въ общемъ стремленіи къ познанію истины, въ сужденіяхъ по отдѣльнымъ вопросамъ, каковы—вопросы о крайностяхъ обрядовой набожности, о монастырскихъ имѣніяхъ, о казни еретиковъ и т. под. Время само собой развело бы ихъ, обнаруживъ все различіе ихъ направленій. Но въ Москвѣ они по видимому не дождались этого. Церковная и гражданская власть взглянула на нихъ съ одной и той же точки зрѣнія, подвергла суду и карамъ. Но нѣкоторымъ изъ нихъ удалось бѣжать въ Литву. Въ Литвѣ московскіе выходцы могли найти болѣе свободы для пропаганды своего ученія и естественно должны были сойтись на этомъ поприщѣ съ мѣстными сектантами самой Литвы. Но здѣсь же на свободѣ должно было болѣе, чѣмъ въ Москвѣ, выясниться и все различіе между новоприбывшими учителями.

Прежде всѣхъ бѣжали въ Литву Θεодосій Косой, Васіанъ съ нѣсколькими сообщниками. На пути, чтобъ не быть узанными, они перемѣняли имена, облекались въ черныя, какъ бы монашескія, одежды и, переходя чрезъ Псковъ, Торопецъ и Великія Луки, вездѣ распространяли свое лжеученіе. Въ Литвѣ они пристали на мѣстѣ, называемомъ озеро Усо-Чортъ, продолжали свою проповѣдь и многихъ совратили отъ православной вѣры. Гдѣ было это мѣсто,—неизвѣстно; но надо полагать, что оно или само было людно или, что вѣроятно, находилось вблизи другаго люднаго мѣста, гдѣ было нѣсколько церквей, гдѣ было не только христіанское, но и еврейское населеніе, такъ какъ Θεодосій скоро женился здѣсь на вдовой жидовкѣ. Словомъ это было, вѣроятно, близъ города, куда затѣмъ могли и перейти учителя и открыли свою пропаганду. Она сильно смутила православныхъ литовцевъ, которые обратились съ письмомъ къ иноку новгородской отенской пустыни Зиновію, прося вразумить ихъ касательно ученія Θεодосія и его

«чади», тѣмъ болѣе, что Θεодосій ссылался на этого славившагося книжностію инока, какъ на своего единомысленника, который знаетъ и будтобы одобряетъ его ученіе, но только молчитъ. Зиновій отвѣчаетъ на письмо «многословнымъ посланіемъ» къ православнымъ Литвы, въ которомъ, на основаніи письма ихъ, излагаетъ ученіе Θεодосія въ томъ видѣ, какъ онъ теперь проповѣдывалъ его въ Литвѣ и опровергаетъ его. Болѣе краткое изложеніе того же ученія съ извѣстіемъ о бѣгствѣ московскихъ еретиковъ, находится еще въ «сказаніи», которое въ рукописи предшествуетъ «посланію» Зиновію, но писано не имъ, а кѣмъ-то другимъ.

Какъ же теперь въ Литвѣ учили Θεодосіане? Также какъ и на родинѣ, дѣлая иногда только новыя примѣненія своихъ мыслей. Они начинали съ внѣшности, отвергая хожденіе въ церкви, самыя церкви, почитаніе креста, иконъ, святыхъ, ихъ мощей, всѣ церковныя службы, пѣснопѣнія, посты, поклоны, приношенія на церкви, всѣ не только обряды, но и таинства, заключая тѣмъ, что не нужно и вообще молиться, а только служить Богу духомъ и истиною. Отвергая, какъ и прежде, церковную власть, священство, монашество, они отвергали теперь и всякую мірскую власть, говоря, что не нужно ни царей, ни начальствъ гражданскихъ и военныхъ, ни самой войны, ни владѣльцевъ, ни господъ, ни рабовъ, ни податей, потому что все это не совмѣстно съ христіанствомъ, гдѣ должно быть братство. Не нужно, заключили напн радикалы, почитать и родителей, ибо одинъ у всѣхъ Отецъ—Богъ. Они доходили до какого то индеферентизма, чуть не безвѣрія, утверждая, что всѣ вѣры равны и всѣ люди одинаковы предъ Богомъ—татары, нѣмцы и всѣ другіе народы. Женитьба Θεодосія на жидовкѣ была плодомъ такого индеферентизма къ вѣрѣ, но вѣроятно также остаткомъ симпатій къ жидовству. Тѣмъ не менѣе Θεодосіане и теперь называли себя христіанами,

ссылались въ своемъ ученіи на евангеліе и писанія апостольскія, называя всѣ другія книги, по коимъ учатъ въ церкви, лживыми, и все ученіе церковное—человѣческими преданіями, баснями. Но еще болѣе опирались они на свой «духовный разумъ», которымъ они и они одни познали истину, поняли лучше всѣхъ и самое евангеліе и писанія апостольскія, поняли именно прямой духовный смыслъ ихъ. Поэтому называли себя «духовными, братьями, чадами, сынами свѣта», а всѣхъ принадлежащихъ не къ нимъ, а къ церкви,—«внѣшними, заблудшими, даже псами». «Вси неимущіи нашего разума внѣшніи суть и пси». Псами называли они и нищихъ, которымъ не слѣдуетъ поэтому давать милостыни, ибо сказано: *нѣсть добро отъяти хлѣба чадомъ и поврещи псомъ*. Такъ называли они нищихъ потому, что это «внѣшніе» нищіе, а не духовные, не нищіе духомъ, какими называли себя, утверждая на этомъ основаніи, что вмѣсто церквей, поповъ и нищихъ слѣдуетъ давать приношенія и имѣнія имъ «духовнымъ братіямъ и нищимъ» за ихъ духовный разумъ, какъ то и дѣлали первые христіане, полагавшіе свои имѣнія при ногахъ апостоловъ. Между тѣмъ, заключали они, насъ гонять, какъ въ древности жида и мучители гнали апостоловъ, гонять за то, что мы одни познали истину, какъ никто доселѣ не позналъ ея.

Въ посланіи Зиновія говорится, что еретики эти пріобрѣли въ Литвѣ многихъ послѣдователей не только изъ людей не боящихся Бога и грѣхолобивыхъ, но и богобоязненныхъ и смиренныхъ: такъ было обольстительно ихъ ученіе. Они были требовательны къ своимъ ученикамъ и обходя ихъ дома вымогали отъ нихъ имѣнія, яства и питія, притомъ—въ обилии; тѣхъ же, которые отказывали ихъ требованіямъ, поносили, какъ не имѣющихъ любви отступниковъ. Между тѣмъ собираемое такимъ образомъ иждивали въ объяденіи и пьянствѣ, такъ что просто объѣдали и разоряли своихъ учениковъ и нѣкоторыхъ

привели въ убожество. Еретики имѣли свои собранія и совѣты, но сходились для этого «отай и въ нощахъ», чтобы не открывались для людскихъ глазъ и властей ихъ лукавыя дѣла. Они имѣли и своихъ поповъ, перешедшихъ въ ихъ секту изъ церкви православной или же изъ своихъ учениковъ, доискавшихся поставленія въ церкви православной. Эти попы ходили въ церкви, служили, поклонялись кресту и иконамъ, ставили свѣчи, совершали кажденія. Очевидно, это было самое наглое лицемеріе и кощунство, рассчитанное на корысть отъ поповства, на пропаганду секты подъ покровомъ рясы священнической или монашеской.

Безъ сомнѣнія, еретики съ самаго начала своей пропаганды въ Литвѣ встрѣчали здѣсь противодѣйствіе со стороны православныхъ. Но оно должно было выразиться гораздо энергичнѣе съ полученіемъ ими посланія Зиновія. Ибо въ этомъ посланіи Зиновій, со всею ревностію и силою опровергнувъ ученіе еретиковъ во всѣхъ пунктахъ его, даетъ въ заключеніе такой приговоръ о еретикахъ: это не еретики только, а вѣроотступники, безбожники, ученики антихриста, исчадія Іуды, измѣнники и мятежники противъ властей и общества, и потому, по закону градскому и царскому, ихъ слѣдуетъ гнать, преслѣдовать, убивать всякими мучами наряду съ разбойниками и наихудшими преступниками, при чемъ называетъ даже блаженными и преблаженными тѣхъ, которые такъ поступаютъ съ еретиками, хотя впрочемъ совѣтуетъ и молиться о ихъ обращеніи. Понятно, что чѣмъ болѣе смущены были предъ тѣмъ православные литовцы дерзостію и успѣхами еретиковъ, тѣмъ живѣе припались теперь за расправу съ ними въ смыслѣ произнесеннаго надъ ними приговора, и еретикамъ пришлось тяжело поплатиться за свою пропаганду или же спастись бѣгствомъ.

Гдѣ это происходило? Мы сказали, что это должно было

происходить въ какомъ либо людномъ мѣстѣ и вѣроятно городѣ. Не найдемъ ли разъясненія на это въ слѣдующемъ новомъ свидѣтельствѣ о московскихъ выходахъ? Это свидѣтельство А. Венгерскаго.

«Въ Бѣлорусскую область, въ Витебскъ, городъ въ Бѣлоруссіи великій и славный, прибыли въ 1552 г. изъ глубины Московіи три монаха греческаго исповѣданія, называемые чернцами, а именно: Θεодосій, Артемій и Θома. Не знали они ничего, кромѣ родного языка, ни другихъ писаній, кромѣ отечественныхъ. Однакоже осуждали идолопоклонническіе обряды, сокрушали истуканы, выбрасывая ихъ сперва изъ домовъ, потомъ изъ храмовъ и заохочивая народъ словомъ и писаніями къ призванію самаго Господа чрезъ Іисуса Христа. Но навлекши на себя, въ первомъ жару распространенія чистой религіи, ненависть суевѣрныхъ людей, сильно привязанныхъ къ своимъ образамъ, которые (люди), бывъ подущаемы своими греческими священниками, всѣмъ иначе вѣрующимъ угрожали огнемъ и мечемъ, — они должны были уходить отсюда и направились въ глубь Литвы, гдѣ уже свободнѣе раздавалось евангельское слово. Θεодосій, удрученный старостію, ибо ему было болѣе 80 лѣтъ, въ скорости умеръ. Артемій поѣхалъ къ Юрію, князю Слуцкому и Копыльскому. Наконецъ Θома, который былъ краснорѣчивѣе обоихъ предыдущихъ и свѣдущѣ ихъ въ св. писаніи, возведенъ на служеніе евангелія (т. е. въ должность пастора) и спустя нѣсколько лѣтъ посланъ въ Полоцкъ, гдѣ тогда чистое ученіе начало проявляться, для поученія вѣрныхъ и утвержденія ихъ въ познаніи Бога и благочестіи. Находясь въ этомъ званіи нѣсколько лѣтъ постоянно и рачительно, онъ своею смертію и кровію утвердилъ правила новаго ученія. Ибо Иванъ Васильевичъ, великій князь московскій, въ 1563 г. въ мартѣ мѣсяцѣ, взявъ Полоцкъ и тираня жителей, положилъ также и на этомъ благочестивомъ

проповѣдникѣ слова Божія излить свою жестокость, а наиболѣе потому, что онъ нѣкогда былъ его подданнымъ и едино-вѣрцемъ: онъ приказалъ вывести его на ледъ и пустить въ прорубь. Однакожь въ сердцахъ витебскихъ жителей, слово Божіе, посѣянное тѣми монахами, не осталось бесплоднымъ. Ибо, возлюбивъ слово Божіе и возненавидѣвъ идолопоклонническіе обряды, они въ непродолжительномъ послѣ того времени пригласили къ себѣ изъ Литвы и Короны (Польши) проповѣдниковъ чистой религіи и соорудили храмъ въ Нижнемъ городѣ». Это извѣстіе взятое, конечно, изъ преданій и записей литовско-русскихъ послѣдователей реформы, интересовавшихся Венгерскаго, какъ историка реформы въ славянскихъ земляхъ, въ частности въ Польшѣ, Литвѣ и Руси,—это извѣстіе заслуживаетъ вѣры. Но въ немъ слѣдуетъ сдѣлать нѣкоторыя поправки и поясненія. Прежде всего 1552 годъ прибытія московскихъ выходцевъ показанъ не вѣрно. Онъ показанъ быть можетъ потому, что съ этого именно года *явственно* обозначается возникновеніе первыхъ протестантскихъ общинъ въ литовской Руси. Но московскіе выходцы могли прибыть въ Витебскъ не ранѣе 1555 года, въ которомъ еще заканчивался судъ надъ ними въ Москвѣ, во время котораго они бѣжали. Далѣе, едва ли упомянутые у Венгерскаго выходцы прибыли въ Витебскъ въ одно и тоже время и вмѣстѣ. Косой съ Вассіаномъ, по извѣстному намъ «сказанію» при «посланіи» Зиновія, бѣжалъ въ Литву прямо изъ Москвы, а Артемій бѣжалъ уже изъ Соловецкаго монастыря, куда былъ заточенъ, и слѣд. могъ прибыть въ Литву не вмѣстѣ съ Косымъ и вѣроятно позже его. Да и въ «сказаніи», называющемъ Артемія учителемъ Косого, Вассіана и Игнатія, непременно упомянуто было бы, что съ первыми бѣжалъ вмѣстѣ и самъ учитель ихъ, если бы такъ было. «Сказаніе» и вообще не упоминаетъ о бѣгствѣ Артемія въ Литву, ни о бѣгствѣ туда же Игнатія,

говоря только, что послѣдній бѣжалъ «на Двину», между тѣмъ какъ оба они несомнѣнно бѣжали въ Литву и быть можетъ вмѣстѣ. Что касается до упоминаемаго Венгерскимъ Θεомы, то это лице—неизвѣстное въ русскихъ источникахъ. Не былъ ли это Вассіанъ, бѣжавшій вмѣстѣ съ Косымъ, но не упомянутый Венгерскимъ; онъ могъ перемѣнить свое имя во время бѣгства, какъ то именно и дѣлали спутники Θεодосія? Затѣмъ въ извѣстіи Венгерскаго для насъ весьма важно указаніе на Витебскъ, какъ мѣсто, гдѣ впервые осѣлсь было московскіе выходцы для пропаганды своего ученія и гдѣ подверглись они нападенію, заставившему ихъ бѣжать далѣе. Не къ Витебску ли слѣдуетъ отнести то, что выше сказано было объ этой пропагандѣ на основаніи посланія Зиновія. Не отсюда ли писано было ему письмо православными литвинами, не сюда ли слѣд. писано и отвѣтное посланіе его къ нимъ? Возстаніе духовенства и народа въ Витебскѣ противъ московскихъ пришельцевъ, упоминаемое Венгерскимъ, не было ли въ извѣстной степени результатомъ этого посланія, прочитаннаго въ Витебскѣ? Вѣроятно—такъ. Во всякомъ случаѣ извѣстіе Венгерскаго показываетъ, что и православные литовцы въ Витебскѣ смотрѣли на Артемія, Θεодосія и другихъ сошедшихся здѣсь московскихъ выходцевъ съ той же одинакой точки зрѣнія, съ какой смотрѣли на нихъ въ Москвѣ, съ какой смотрѣлъ на нихъ и авторъ «сказанія», называющій Θεодосія, Вассіана и Игнатія учениками Артемія. А такой взглядъ православныхъ Выдблянъ долженъ былъ основываться не только на томъ, что они узнали о пришельцахъ по слухамъ или сообщеніямъ изъ московской Руси, но и на томъ, что сами они замѣчали въ образѣ взаимныхъ отношеній этихъ пришельцевъ въ самомъ Витебскѣ. Они замѣчали, что пришельцы знакомы между собой, спосыта межъ собой, высказываютъ въ томъ или другомъ отношеніи сходныя мысли. Безъ сомнѣнія, Арте-

мій не могъ учить выбрасывать и разбивать иконы, какъ училъ Θεодосій, тѣмъ болѣе не могъ проповѣдывать другихъ богохульныхъ мыслей его. Но могъ говорить противъ крайностей обрядовой набожности, противъ невѣжества въ средѣ іерархіи, монаховъ, духовенства, противъ гоненій и казней на еретиковъ, противъ монастырскихъ имѣній и т. под. Этого достаточно было для того, чтобы ревнителямъ изъ народа, особенно духовенства, всѣ московскіе пришельцы показались единомысленниками и сообщниками, вольнодумцами и еретиками одной и той же категоріи, хотя Артемій и вѣроятно Θома были далеко не то, что Косой или Игнатій. Можно полагать однако, что съ бѣгствомъ ихъ изъ Витебска, въ слѣдствіе поднявшейся здѣсь на нихъ грозы, прекратились если не сношенія ихъ между собой, то тѣ отношенія нѣкоторой солидарности, въ какихъ они находились доселѣ, какъ сообщники въ постигшихъ ихъ гоненіяхъ за смѣлыя мысли, и что теперь они пошли каждый своей дорогою и нашли союзниковъ по себѣ въ самой Литвѣ, «въ глубь» которой, по выраженію Венгерскаго, они ушли изъ Витебска. Последнее должно было случиться въ концѣ 50-хъ годовъ XVI вѣка, когда въ Литвѣ, какъ и Польшѣ, реформаціонное движеніе было уже въ полномъ развитіи. Но какъ послѣ бѣгства изъ московской Руси бѣглецы оставили тамъ своихъ послѣдователей, такъ могло быть и здѣсь, т. е. на мѣстѣ начальной пропаганды ими своего ученія въ Литвѣ. Въ извѣстіи Венгерскаго сообщается о двухъ сектанскихъ общинахъ, возникшихъ подъ вліяніемъ московскихъ выходцевъ: одной въ Полоцкѣ, другой въ Витебскѣ. Въ Полоцкѣ составила община тотъ часъ по изгнаніи ихъ изъ Витебска, ибо спустя *несколько лѣтъ (post paucos annos)* сюда прислапъ пасторомъ Θома, въ *мартѣ 1563 г.* уже казненный Грознымъ. Можно полагать поэтому, что она составила именно изъ бѣжавшихъ, подобно московскимъ учителямъ, ихъ витебскихъ учениковъ, что

поэтому-то и назначенъ для нея пасторомъ Θома, какъ одинъ изъ бывшихъ учителей послѣднихъ. Откуда онъ назначенъ и присланъ? Конечно, изъ «глубины» Литвы, куда ушелъ было Θома. Вѣроятно, это назначеніе послѣдовало со стороны какой-либо изъ кальвинскихъ общинъ, уже тогда существовавшихъ, подъ покровительствомъ Н. Радзивилла, въ разныхъ городахъ Литвы, какъ Вильнѣ, Брестѣ литовскомъ, Нѣсвижѣ, Клецкѣ или даже со стороны какого либо изъ кальвинскихъ соборовъ, созываемыхъ съ 1557 г. Антитрипитаріи въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ здѣсь еще не настолько выдѣлились и организовались въ особую секту, чтобы могли дѣлать подобныя назначенія. Очень вѣроятно, что Θома назначенъ былъ въ Полоцкѣ не потому только, что, какъ выражается Венгерскій, казался свѣдущѣе въ писаніи чѣмъ Артемій и Косой, а и потому, что бросивъ крайнія антитрипитаріанскія мнѣнія Косого, присталъ въ Литвѣ именно къ кальвинистамъ. А тѣ, кто распорядился вызовомъ или посылкой пасторовъ для кальвинскихъ общинъ Литвы или Руси литовской, прислали Θому въ Полоцкѣ не только для поддержки и возвращенія здѣшней общины, но и для того, чтобы изгладить въ ней слѣды антитрипитаріанскаго ученія Θεодосія и утвердить въ кальвинизмѣ. Главный патронъ литовскихъ кальвинистовъ Н. Радзивиллъ именно заботился теперь о выборѣ такихъ пасторовъ, внушая имъ строго держаться кальвинизма, не допуская смуть, вносимыхъ вольномыслиемъ антитрипитаріевъ. Недолго пасторствовалъ Θома въ Полоцкѣ. Извѣстіе объ утопленіи его Грознымъ въ мартѣ 1563 г., сообщаемое Венгерскимъ, согласно съ обстоятельствами. Грозный занявъ Полоцкѣ 14 февр. 1563 г. и въ мартѣ еще могъ быть здѣсь. Въ первой псковской лѣтописи и у Стрыйковскаго говорится, что онъ разорялъ здѣсь латинскія церкви, топилъ жидовъ, а татаре побивали бернардиновъ. Понятно, что онъ не далъ по-

щадя и Өомѣ. Понятно, что теперь должна была разсѣяться и полоцкая кальвинская община, тѣмъ болѣе, что Полоцкъ остался во власти Москвы, и сюда, кромѣ воеводы, въ апрѣлѣ 1563 г. назначенъ Грознымъ архіепископъ москвичъ Трифонъ изъ постриженниковъ Іосифа Волоцкаго, крайне непріязненныхъ московскимъ вольнодумцамъ, поборниковъ его мысли о казни еретиковъ на основаніи градскаго и царскаго закона древней Византіи. Вскорѣ послѣ пораженія сектантовъ въ Полоцкѣ возстановилась, какъ сообщаетъ Венгерскій, реформатская община въ Витебскѣ изъ оставшихся здѣсь учениковъ московскихъ монаховъ. Она могла усилиться теперь бѣглецами изъ Полоцка. Обстоятельства благоприятствовали усилению ея. Въ 1562 г. Витебскъ былъ выжженъ московскимъ войскомъ, при чемъ сожжено было 24 православныхъ церквей, какъ съ раскаяніемъ упоминаетъ о томъ А. Курбскій, совершавшій этотъ печальный подвигъ по волѣ Грознаго. Немало и другихъ городовъ и въ нихъ церквей пожжено было около того же времени москвитянами. Такой образъ дѣйствій единовѣрцевъ, тяжесть бѣдствій, отъ нихъ понесенныхъ, должны были произвести сильное раздраженіе и уныніе среди бѣлоруссовъ Витебска, и сдѣлать ихъ еще болѣе податливыми на внушенія сектанскихъ учителей, имѣвшихъ весьма удобный случай возобновить свою пропаганду, возобновить рассказы о жестокостяхъ московскихъ властей противъ исповѣдниковъ истинны, т. е. ихъ учителей и сообщниковъ. Между тѣмъ съ конца 1563 г. и въ 1564 г. Витебскъ, оставшійся въ рукахъ Литвы, былъ пунктомъ, у котораго расположилось литовское войско подъ начальствомъ самаго Н. Радзивилла, какъ великаго гетмана литовскаго. Самое присутствіе этого общаго патрона литовскихъ кальвинистовъ, присутствіе въ литовскомъ войскѣ и другихъ литовско-русскихъ пацовъ кальвинистовъ было сильнымъ поощреніемъ для кальвинистской про-

паганды въ Витебскѣ. Въ эту-то пору ревнители ея озаботились организовать здѣсь новую общину, вызвавъ для сего проповѣдниковъ изъ Литвы и Польши, какъ сообщаетъ Венгерскій. Это могло сдѣлаться именно при покровительствѣ того же Радзивилла. Съ прибытіемъ проповѣдниковъ для новой витебской общины естественно понадобился храмъ, который и построенъ въ нижней части города. Поощреніемъ къ постройкѣ его могло служить и начавшееся теперь возобновленіе храмовъ православныхъ, сожженныхъ въ 1562 г. московскимъ войскомъ, и самое мѣсто для кальвинскаго храма могло быть найдено на пепелищѣ какого либо изъ этихъ 24 сожженныхъ храмовъ.

Итакъ въ Бѣлорусіи и въ частности въ Витебскѣ, антиринитаріанское ученіе «Өеодосіевой чады» держалось недолго, смѣнившись кальвинизмомъ. Судьбы его мы не касаемся, и послѣдуемъ за русскими антиринитаріями «во внутреннюю Литву», куда бѣжалъ изъ Витебска главный учитель ихъ Өеодосій Косой и притомъ не одинъ, а съ товарищами.

Извѣстный историкъ церквей гельветическаго исповѣданія въ Литвѣ Лукашевичъ, говоря о началѣ антиринитаріанства во внутренней Литвѣ, замѣчаетъ, что, заносимое изъ чужихъ странъ, оно могло быть также и *мѣстнымъ произведеніемъ*. Мы прибавимъ еще, что именно въ этомъ обстоятельствѣ, то есть въ томъ, что антиринитаріанская секта была для Литвы *даже мѣстнымъ произведеніемъ*, заключалась одна изъ причинъ быстрого распространенія секты, о которомъ говоритъ тотъ же авторъ. Мѣстнымъ произведеніемъ для Литвы она явилась, быть можетъ, еще въ остаткахъ ереси аидовствующихъ, сохранившихся отъ первой пол. XVI в., но затѣмъ особенно въ лицѣ Өеодосія Косого и его «чады» литовской, извѣстной намъ по письму православныхъ литовцевъ къ Зиновію Отенскому. Косой явился въ Литву съ своимъ антиринитаріанскимъ ученіемъ не позже 1555 г., между тѣмъ въ Литвѣ, а именно въ Вильнѣ антиринитаріанство впервые открыто выступаетъ уже въ 1557 г., въ ученіи ва-

хожих и иностранных антитринитаріевъ. Во всякомъ случаѣ антитринитаріанство, распространявшееся изъ Вильны, было заносимъ, чужимъ для Литвы, а антитринитаріанство Θεодосія и его «чади» было своимъ русско-литовскимъ, проповѣдывалось Θεодосіемъ и его сообщниками по-русски и между русскими, приобрѣта послѣдователей и въ русскомъ духовенствѣ. Вліяніе Θεодосія и его ученія въ Литвѣ было такъ велико, что Зиновій выразился о немъ: «поистинѣ, какъ Магометъ развратилъ своимъ ученіемъ Востокъ, Лютеръ Западъ, такъ Θεодосій Литву». Это развращеніе было именно развращеніемъ антитринитаріанскимъ: ибо таково было ученіе Θεодосія. Но сила эта развращенія, т. е. быстрота и широта распространенія въ Литвѣ антитринитаріанства, зависѣла конечно не отъ одного вліянія Θεодосія и его сообщниковъ московскихъ и бѣлорусскихъ, явившихся въ Литву, а отъ того еще, что ихъ антитринитаріанская пропаганда встрѣтилась и соединилась здѣсь съ пропагандою другихъ, дѣйствовавшихъ въ Литвѣ, антитринитаріевъ. Къ обнаруженію такой связи служатъ недавно открытыя посланія Артемія ¹⁾.

Артемій, какъ знаемъ по извѣстію Венгерскаго, удалился изъ Витебска въ Слуцкъ къ Юрію князю слуцкому и копѣльскому. Это былъ Юрій II, княжившій съ 1542 г. вмѣстѣ съ братомъ Семеномъ подъ опекою матери Елены, потомъ самъ и скончавшійся въ 1579 г. Онъ былъ преданъ православію также, какъ и лучшей изъ сыновей его Юрій III. Оба князья были также покровителями просвѣщенія, подобно Константину Острожскому, любили собирать у себя книжныхъ людей. Юрій II основалъ для пользы церкви православной даже школу въ Слуцкѣ, а Юрій III собственноручно переписалъ евангеліе для тронцкой церкви слуцкаго монастыря. Поселеніе Арте-

¹⁾ Каталогъ славяно-русскихъ рукописей В. М. Гидольскаго. Москва. 1870. № 494.

мія у князя Юрія безъ сомнѣнія обуславливалось тѣмъ, что князь пошелъ въ Артемій желаннаго ему книжнаго человѣка, а Артемій нашелъ въ князѣ покровителя книжныхъ людей. И если въ Москвѣ Артемій между прочимъ и за свое книголюбіе прослылъ еретикомъ у тѣхъ, которые, какъ выражается онъ, толковали: «не чти много книгъ, да не во ересь впадеши»; если онъ могъ на первое время слыть еретикомъ и въ Литвѣ, какъ напр. въ Витебскѣ, гдѣ смотрѣли на него, какъ на сообщника Θεодосія и его «чади»: то теперь съ поселеніемъ у просвѣщеннаго князя Юрія Артемій приобрѣлъ другую репутацію—репутацію ученаго защитника православія. Такія лица, какъ князь Юрій, счумѣли отдѣлится въ немъ религіознаго мыслителя, осуждавшаго крайности обычной, неозаренной просвѣщеніемъ и чисто обрядовой набожности отъ еретика, какимъ не хотѣлъ быть и не признавалъ себя Артемій, еще въ Москвѣ писавшій «своимъ собратіямъ въ скорби сущимъ слова ради Божія, что никогда не сомнѣвался въ православной вѣрѣ св. единосущнаго Троицы, якоже нѣщии лгутъ на насъ». Возможно и то, что наученный опытомъ, смущаемый крайностями вольнодумства, до которыхъ дошли бывшіе сообщники его, Артемій въ Литвѣ умѣрилъ и свое свободомысліе и попылъ, что здѣсь нужнѣе въ данную пору защищать истины православія не отъ невѣжества или суевѣрій, а отъ «лжеименнаго разума», какъ выражается онъ въ одномъ изъ своихъ литовскихъ посланій, разума слишкомъ смѣлаго и самонадѣяннаго, но граничащаго съ тѣмъ же невѣжествомъ. Словомъ, устроясь отъ всякой солидарности съ бывшими сообщниками своими, Артемій счелъ своимъ призваніемъ противодѣйствовать пропагандѣ ихъ ученія и однородныхъ съ ними ученій, найденныхъ имъ въ Литвѣ. Такою именно представляется дѣятельность Артемія по литовскимъ посланіямъ его, изъ которыхъ впрочемъ мы извлечемъ лишь то, что ближе

относится къ нашей цѣли т. е. къ объясненію связи московскихъ антитринитаріевъ ѳеодосіанъ и ихъ бѣлорусскихъ послѣдователей съ антитринитаріями внутренней Литвы.

Въ этомъ отношеніи важно для насъ прежде всего посланіе Артемія «къ брату отступившему и жену повѣвшему», начинающееся такъ: «возлюбленному брату и въ всѣхъ страданіихъ нашихъ съобещнику, его же ради и писати дерзаю къ тебѣ». Безъ сомнѣнія, это посланіе писано кому либо изъ двухъ: ѳеодосію Косому или Игнатію: ибо оба они считались прежде учениками Артемія, одновременно съ нимъ подвергались преслѣдованію въ Москвѣ, отъ котораго бѣжали въ Литву; оба женились въ Литвѣ, ѳеодосій на жидовкѣ, Игнатій на полькѣ. Къ сожалѣнію, кромѣ приведенной выписки ничего болѣе не знаемъ изъ этого посланія, которое, еслибы было издано, могло бы вѣроятно восполнить свѣдѣнія наши объ этихъ ересеучителяхъ за время пребыванія ихъ въ Литвѣ. Мы знаемъ, что изъ Витебска они удалились во *внутреннюю Литву*, что могло быть въ концѣ 50-хъ годовъ XVI в. Венгерскій говоритъ, что ѳеодосій *скоро послѣ того умеръ*, будучи 80—лѣтнимъ старцемъ. Но Курбскій упоминаетъ о ѳеодосіѣ и Игнатіѣ, какъ живыхъ еще въ 1575 г. и жившихъ тогда на Воляни. Сюда они перешли очевидно уже изъ внутренней Литвы, гдѣ и проведено ими все время между удаленіемъ изъ Бѣлоруссіи и переходомъ на Волянъ. Сколько лѣтъ обнимало это время,—въ точности неизвѣстно; но можно приблизительно опредѣлить, что здѣсь, т. е. *во внутренней Литвѣ*, Косой и Игнатій прожили конецъ 50-хъ годовъ и большую часть 60-хъ годовъ XVI в., потому что при той свободѣ для своей проповѣди, какую они нашли здѣсь, по словамъ Венгерскаго, они не имѣли нужды уходить отсюда такъ скоро, какъ ушли изъ Москвы или Витебска. Это было время, когда въ Литвѣ, въ важнѣйшихъ пунктахъ кальвинитской пропаганды какъ Вильно, Нѣсвижъ, только что начи-

нало открыто выступать антитринитаріанство, въ Вильнѣ съ 1557 г., въ Нѣсвижѣ съ 1562 г. Этихъ пунктовъ конечно не миновали ѳеодосій и Игнатій, здѣсь они могли остапавливаться долѣе, чѣмъ въ какихъ либо другихъ мѣстахъ внутренней Литвы и тутъ-то имѣли возможность встрѣтиться и сблизиться съ мѣстными антитринитаріями Литвы, найдя у нихъ сходство съ своимъ ученіемъ, какъ и тѣ могли найти такое же сходство съ своимъ ученіемъ въ ученіи московскихъ вольнодумцевъ. Это сближеніе естественно должно было повліять на усиленіе общей совмѣстной пропаганды антитринитаріанства, въ которую свою долю участія, пособничества должны были принести и смѣлые ересеучители московскіе: если испытанныя предъ тѣмъ гоненія за проповѣдь своего ученія вызывали ихъ на большую ревность къ этой проповѣди, то теперь на свободѣ ревность эта естественно должна была проявляться во всей дерзости. При такихъ обстоятельствахъ писано Артеміемъ посланіе къ отступившему брату, писано по всей вѣроятности изъ Слуцка, гдѣ теперь жилъ Артемій, писавшій около этого же времени и другія посланія въ Вильну, Нѣсвижъ и сосѣднія мѣста. Въ посланіи Артемій называетъ отступника, къ которому пишетъ «братомъ и сообщникомъ во всѣхъ страданіяхъ». Въ Артеміѣ это было съ одной стороны чертой кроткаго и гуманнаго характера, по которому онъ, самъ нѣкогда страдавшій за дѣйствительныя или мнимыя заблужденія, считалъ нужнымъ съ любовью относиться къ заблуждающемуся брату, съ другой именно напоминовеніемъ о томъ времени, когда этотъ братъ казался страдающимъ за одно дѣло съ Артеміемъ,—страдающимъ ради слова Божія». Но самъ этотъ братъ, завершившій свое отступничество женитьбой, повидимому уже чуждался Артемія, не желалъ сноситься съ нимъ, почему Артемію и выражается *дерзаю писати къ тебѣ*. Видно, отступный братъ имѣлъ уже новыхъ друзей и сообщни-

ковъ, найденныхъ въ средѣ, съ которою породнился,—былъ ли то Θεодосій, женившійся на жидовкѣ, или Игнатій, женившійся на полькѣ, но именно антитринитаріанкѣ, какъ свидѣтельствуеъ Курбскій. Вѣроятно также, что этотъ самодовольный братъ-отступникъ находился въ положеніи, поощрявшемъ его самодовольство, т. е. напелъ пріютъ у какого либо вольнодумнаго литовско-русскаго пана, подобно тому, какъ Артемій напелъ его у ревнителя православія князя Юрія или какъ напелъ его еще одинъ московскій бѣглець Иванъ Федоровъ у Ходкевича. Въ такомъ положеніи застаемъ потомъ Игнатія на Волини; тоже могло быть и здѣсь въ Литвѣ какъ съ нимъ, такъ и съ Θεодосіемъ. Тогда было въ модѣ у пановъ—патроновъ разныхъ сектъ, собирать къ себѣ проповѣдниковъ сектанскихъ ученій съ цѣлью пропаганды ихъ въ своихъ имѣніяхъ. Такіе проповѣдники, какъ Игнатій и Θεодосій уже отличившіеся ревностію къ сектанской пропагандѣ, опытные въ ней, могли оказаться на руку какому либо изъ литовско-русскихъ пановъ, покровителей этой пропаганды въ своихъ имѣніяхъ.

Болѣе данныхъ для уясненія связи московско-бѣлорусскихъ антитринитаріевъ съ антитринитаріями внутренней Литвы сообщаютъ намъ два посланія Артемія къ Симону Будному. Первое изъ нихъ писано, по всей вѣроятности, въ 1564 году, второе нѣсколько позже *). Изъ этихъ посланій видно, что Артемій и Будный были лично знакомы, видывались и вели переписку между собой. Знакомство это относится къ тому времени, когда Будный жилъ то въ Клецкѣ, какъ пасторъ здѣшней кальвинской общины, то въ Нѣсвижѣ, какъ главный сотрудникъ кальвинскихъ изданій, выходившихъ изъ здѣшней типографіи, а Артемій жилъ въ Слуцкѣ, не по-

далеку отъ этихъ городовъ. Артемій называетъ Буднаго «возлюбленнымъ братомъ ради общаго человѣкамъ прироженія и причастія въ званіи Божиюмъ, общемъ для всѣхъ любящихъ явленіе Господа, также—человѣкомъ высокаго разума и смысла и добрыхъ обычаевъ». Здѣсь виденъ тотъ же кроткій Артемій, съ своимъ гуманнымъ отношеніемъ даже къ еретіку, которому олъ не отказываетъ въ человѣческой и христіанской любви и въ которомъ уважаетъ извѣстныя достоинства, не смотря на его еретичество. За то къ самому этому еретичеству и къ самоувѣреннымъ затѣямъ сектантской пропаганды Буднаго и его товарищей Артемій относится съ твердостію и достоинствомъ ревнителя православія. Будный прислалъ Артемію свой новоизданный въ 1562 г. въ Нѣсвижѣ кальвинскій катихизисъ на русскомъ языкѣ и спрашивалъ мнѣнія о немъ Артемія. Артемій въ первомъ посланіи отвѣчаетъ между прочимъ, что хотя въ посвященіи катихизиса молодымъ княжичамъ сыновьямъ Николая Радзивилла и за тѣмъ въ предисловіи ко всѣмъ благовѣрнымъ христіанамъ издатели катихизиса рекомендуютъ свое дѣло, какъ нѣчто весьма доброе, полезное, и тѣмъ какъ бы постилаютъ въ своемъ катихизисѣ мягкія перины (пуховики), но тотъ, кто ляжетъ на нихъ «мусить (долженъ будетъ) поломать кости». Изъ втораго письма видно, что Артемій обѣщалъ написать полное опроверженіе на этотъ катихизисъ, что вѣроятно потомъ исполнилъ, а пока писалъ по поводу катихизиса опроверженіе на отдѣльные пункты ученія его, напр. объ иконопочитаніи и др. Прислана была Артемію и другая, изд. въ томъ же году въ Нѣсвижѣ, книжка Буднаго: *оправданіе грѣшнаго челоуька предъ Богомъ*. Здѣсь Артемій примѣтилъ нѣчто хуже кальвинизма,—примѣтилъ скрытную антитринитаріанскую обмолвку издателей въ заключительномъ славословіи: *Богу нашему слава со Отцемъ и Со. Духомъ*: «не думаю, замѣтилъ Артемій, что вы написали такъ отъ невѣжества».

*) Это само собою объяснится далѣе.

То есть онъ далъ понять, что отъ него не ускользаетъ прикрытая въ этой хитрой фразѣ антитринитаріанская мысль, съ которою Будный и товарищи его, уже тайно расположенные къ антитринитаріанству, еще не осмѣливались высказываться слишкомъ явно, работая подъ патронствомъ Радзивилла, требовавшаго отъ нихъ держаться кальвинскаго правовѣрія. Не опускалъ Артемій изобличать и опровергать то кальвинскія, то антитринитаріанскія мнѣнія Буднаго и въ другихъ издѣліяхъ послѣдняго, какъ напр. въ листѣ его къ извѣстному намъ Евстафію Волловичу. Будный хвалился предъ Артеміемъ дѣятельностью нѣсвижской типографіи: Артемій отвѣчалъ совѣтомъ, чтобы на этомъ новомъ зданіи дѣятели строили золото, серебро и честное каменіе, т. е. издавали въ типографіи основательныя книги, а не тѣ маловременныя издѣлія, которыя похожи на Ионину смоковницу, въ одну ночь выросшую и въ одну ночь усохшую. Будный хвалился еще своею «церковію», т. е. сектанской общиной, и спрашивалъ у Артемія, какъ ему нравятся «дѣла нашей церкви». Артемій отвѣчалъ: «боясь Бога, не смѣемъ назвать церковью вашихъ сонмищъ; ибо знаемъ одну святую, соборную и апостольскую церковь, а въ вашихъ богопротивныхъ сонмищахъ нѣтъ ни въ чемъ согласія, кромѣ мясояднія». Вообще въ полемикѣ съ Буднымъ и товарищами его Артемій справедливо указывалъ на трудность вести разсужденія съ подобными людьми, которые отрицаютъ писанія святыхъ, уповаю болѣе всего на свой лжеименный и зловѣрія исполненный разумъ, такимъ образомъ сходятъ съ той почвы, на которой возможны богословскія разсужденія. Тѣмъ не менѣе не Артемій первый началъ отстаивать отъ полемики, которая велась не письменно только, но и устно при свиданіяхъ. Подобно тому «отступившему брату», который, какъ мы замѣтили, чуждался Артемія, избѣгая его обличеній, Будный, какъ можно судить по нѣкоторымъ словамъ втораго посланія

къ нему Артемія, сталъ наконецъ отмалчиваться предъ Артеміемъ и не присылалъ обѣщанныхъ письменныхъ отвѣтовъ Артемію. Послѣдній замѣтилъ это Будному, обѣщая все таки продолжать, съ Божіею помощію, свои труды по изобличенію еретическихъ сочиненій и ученій Буднаго и его товарищей, прося съ своей стороны у Буднаго только терпѣнія.

Эти отношенія Артемія къ Будному и его товарищамъ по сектѣ составляютъ для насъ весьма важный фактъ. Знакомство Буднаго съ Артеміемъ заставляетъ предполагать, что первый былъ еще ближе знакомъ съ тѣми московскими ересеучителями, которые считались прежде учениками послѣдняго: т. е. Θεодосіемъ Косымъ, Игнатіемъ и Вассіаномъ, и которые, одновременно съ Артеміемъ, удалились изъ Витебска во внутреннюю Литву, гдѣ первые два оставались нѣсколько лѣтъ, а послѣдній, какъ выше предположили мы, назначенъ былъ отсюда пасторомъ для полоцкой сектанской общины съ именемъ Θεомы. Знакомство Буднаго съ этими земляками и бывшими учениками Артемія, который даже теперь называлъ одного изъ нихъ, Θεодосія или Игнатія, «сообщникомъ во всѣхъ страданіяхъ» — по всей вѣроятности послужило для Буднаго и первымъ поводомъ къ знакомству съ ихъ бывшимъ учителемъ. Но дальнѣйшія отношенія, возникшія изъ этого знакомства должны были конечно опредѣлиться въ зависимости отъ различія направленія Артемія и бывшихъ учениковъ его. Если въ первомъ Будный встрѣтилъ противника, который на его письма и книжки отвѣчалъ обличеніями, хотя и уважалъ его за образованіе, книжность; то въ послѣднихъ Будный встрѣтилъ людей, ему сочувствующихъ, сходныхъ съ нимъ въ мысляхъ, готовыхъ работать съ нимъ для одного и того же дѣла, т. е. сектанской пропаганды, усилить ее своимъ содѣйствіемъ. Люди эти были находкой для Буднаго, какъ и онъ для нихъ. Считаемъ весьма вѣроятнымъ, что сближеніе съ этими людьми, а

также ихъ витебскими послѣдователями, изъ коихъ нѣкоторые, такъ же какъ и они, могли удалиться изъ Витебска въ Литву, послужило главнымъ поощреніемъ для Буднаго предпринять изданіе кальвинско-антитринитаріанскихъ книжекъ на русскомъ языкѣ. Оно указывало Будному на практическое значеніе этихъ книжекъ. «Назначаемыя для всѣхъ благовѣрныхъ христіанъ славяно-русскаго народа» книжки эти въ упомянутыхъ русскихъ сектантахъ имѣли готовыхъ читателей и распространителей, чрезъ которыхъ могли расхдиться въ народѣ, стать орудіемъ пропаганды сектанской, служить подспорьемъ для пасторовъ и проповѣдниковъ русско-сектанскихъ общинъ, каковы напр. полоцкая, витебская, быть можетъ и другія. Кто нибудь болѣе свѣдущій изъ московскихъ учителей и ихъ витебскихъ послѣдователей могъ принимать участіе въ самыхъ работахъ Буднаго и его товарищей по изданію русско-сектанскихъ книжекъ*). Словомъ, въ лицѣ Буднаго и его товарищей по изданію русскихъ книгъ мы видимъ ту среду, въ которой впервые послѣдовало сближеніе московскихъ сектантовъ и ихъ бѣлорусскихъ послѣдователей съ сектантами внутренней Литвы. Θεодосій и его сообщники, бѣжавшіе сюда изъ Витебска, могли застать Буднаго и его товарищей еще кальвинистами, какими казались они и въ своемъ катихизисѣ 1562 г. Но это не мѣшало сближенію, ибо въ первые времена реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и Литвѣ антитринитаріи и кальвинисты часто являются дѣйствующими за одно, считаются въ однихъ и тѣхъ же сектанскихъ общинахъ, уча-

*) Кромѣ упомянутыхъ нѣсвижскихъ изданій существовали и другія сектанскія изданія на русскомъ языкѣ. Таковы *духовныя пѣсни* (всѣхъ 50) переведенныя съ нѣмецкаго на славянскій языкъ съ примѣскою бѣлорусскихъ словъ, найденныя О. Боданскимъ въ рукописи, принадлежавшей упомянутому историку Лукашевичу (Чт. въ Им. Общ. истор. и др. росс. 1846. № 1). Пѣсвѣжскій катихизисъ Буднаго былъ изданъ вторично въ Вильнѣ въ 1584 г.

ствуютъ въ общихъ соборахъ, общихъ затѣяхъ въ пользу реформы. Съ другой стороны и кальвинизмъ Буднаго уже не былъ искреннимъ, въ тайнѣ онъ уже склонялся къ антитринитаріанству, съ которымъ и промолвился въ книжкѣ «оправданіе», изд. въ томъ же году. Въ этомъ тайномъ, которое стало потомъ и явнымъ, обращеніи Буднаго и нѣкоторыхъ изъ его нѣсвижскихъ товарищей къ антитринитаріанству не участвовало ли вліяніе московскихъ сектантовъ, упредившихъ ихъ своимъ антитринитаріанствомъ? Не она ли первая внесла антитринитаріанскую закваску въ ту кальвинскую среду, въ которую попали?

Артемій въ первомъ посланіи къ Будному сообщаетъ еще одинъ фактъ, чрезвычайно важный для насъ какъ для уясненія связи московско-витебскаго антитринитаріанства съ литовскимъ, такъ въ частности и для вопроса о письмѣ половца Смеры. Указавъ Будному на антитринитаріанскую мысль въ книжкѣ «оправданіе», Артемій прибавляетъ: «и се товарищъ вашъ *Козма*, его же нарекосте *Андрея*, въ *Витебску* ясно объявилъ богомерзское пылѣшнія ереси проповѣданіе, *не треба глаголя Тройцу именовати*. И прочая его хулы вѣдятъ все войско, бывшее тогда, и самъ великій гетманъ, и княжата и панове велиціи. И *листъ* показалъ тотъ *Козма*, яко отъ *вашей солища* посланъ зъ *Вильна*. Видиши ли, брате, по каковымъ стремнинамъ ходятъ приемяющіи новыя сіи науки, которые отъ святыхъ не обрѣтаемъ проповѣданныя». Къ какому времени относится упоминаемый здѣсь фактъ,—т. е. появленіе въ Витебскѣ *Козмы*—*Андрея* съ антитринитаріанскимъ проповѣданіемъ и листомъ изъ Вильны? Оно опредѣляется указаніемъ на *бывшее тогда въ Витебскѣ* или подъ Витебскомъ войско, великаго гетмана и многихъ пановъ, которымъ поэтому и стало извѣстно дѣло этого *Козмы*. Въ Витебскѣ и его округѣ находилось литовское войско подъ начальствомъ великаго гетмана

Николая Радзивилла владѣльца Нѣсвижа, польнаго гетмана Гр. Ходкевича и многихъ другихъ литовско-русскихъ пановъ именно въ концѣ 1563 и нач. 1564 г., когда, двинувшись изъ подъ Витебска на встрѣчу московскому войску, оно одержало побѣду надъ нимъ при р. Улѣ. Въ эту-то пору приходилъ въ Витебскъ Козма—Андрей. Кто былъ онъ? По сектѣ онъ былъ антиринитарій, по происхожденію *русскій*, какъ показываетъ самое имя его Козма, обыкновенное у русскихъ, почти неупотребительное у поляковъ, показываетъ и то, что онъ былъ давно извѣстенъ Артемію по этому имени, которое носилъ, когда еще былъ въ православіи. Онъ происходилъ именно изъ *Витебска*, гдѣ и могъ впервые узнать его Артемій, самъ бывавшій здѣсь одновременно съ Θεодосіемъ Косымъ: сюда поэтому и явился теперь Козма съ новымъ именемъ Андрея для проповѣди среди знакомыхъ ему жителей Витебска, въ числѣ ихъ и своихъ, остававшихся здѣсь, единомысленниковъ. По этимъ чертамъ нельзя не признать въ немъ одного изъ витебскихъ послѣдователей Косого или той «чади его», которую описывалъ Зиновій. Этимъ же можетъ объясняться и знакомство или товарищество Козмы—Андрея съ Буднымъ, указываемое Артеміемъ: *и се товарищъ Козма, сложе нареченосте Андрея*. Это товарищество зашло тогда, когда Козма вмѣстѣ съ своимъ учителемъ Косымъ и сообщниками убѣжалъ изъ Витебска во внутреннюю Литву. Нареченіе Козмы новымъ именемъ могло быть или подражаніемъ Θεодосію, учившему своихъ сообщниковъ мѣнять имена на пути въ Литву, или также и еще вѣроятнѣе—выраженіемъ какого либо особеннаго званія, полученнаго Козмою въ той сектанской «церкви», дѣлами которой хвалился Будный Артемію, напр. званія пастора, проповѣдника,—словомъ, Козма сталъ Андреемъ также, какъ Вассіанъ (предположительно) сталъ Омою при назначеніи на пасторство въ Полоцкѣ. Званіе это могло быть при-

нято Козмою въ качествѣ кальвиниста, ибо принято по всей вѣроятности въ кальвинской общинѣ: но, случайный кальвинистъ, Козма, продолжалъ таить въ себѣ антиринитаріанскую закуску Θεодосіева ученія и при первомъ удобномъ случаѣ высказался съ нимъ открыто и рѣшительно. Такимъ случаемъ было то новое назначеніе его на проповѣдничество въ Витебскѣ, о которомъ говоритъ Артемій въ посланіи къ Будному: *и листъ показалъ (Козма), яко отъ вашей сомнища послалъ з Вильна*. Какое это сомнище и какой листъ? Сомнище это находилось въ Вильнѣ, ибо оттуда посланъ Козма. Это сомнище было конечно сомнищемъ антиринитаріевъ, потому что посланный имъ Козма проповѣдуетъ, что «не треба Троицу именовать». Мы уже знаемъ, что между виленскими кальвинистами открылась партія антиринитаріевъ еще съ 1557 г., по что сильный въ Вильнѣ Ник. Радзивиллъ Черный, какъ главный патронъ литовскаго кальвинизма, старался сдерживать ея пропаганду. Но съ 1562 по 1564 г. Радзивиллъ, занятый московскою войною, находясь большею частію вдали отъ Вильны и Нѣсвижа, былъ отвлеченъ отъ религіозныхъ дѣлъ Литвы; и въ эту-то пору партія антиринитаріевъ могла усилиться: вѣроятно въ эту же пору созывался въ Вильнѣ и соборъ, подобный тѣмъ, извѣстнымъ намъ соборамъ, которые около этого времени собирались въ Польшѣ то по спорамъ кальвинистовъ съ антиринитаріями, то по другимъ вопросамъ сектанской пропаганды. Въ отсутствіе Радзивилла партія антиринитаріевъ могла взять верхъ на соборѣ и предпринять мѣры пропаганды своего ученія. На такомъ антиринитаріанскомъ соборѣ въ Вильнѣ были вѣроятно и Будный какъ пасторъ и Козма—Андрей, тоже носившій какое-то іерархическое званіе въ сектѣ. Листъ, съ которымъ послѣдній посланъ былъ изъ Вильны въ Витебскъ и былъ листомъ отъ такого собора или сомнища антиринитаріевъ и служилъ для Козмы уполномочіемъ на проповѣдъ

антитринитаріанства въ родномъ ему Витебскѣ. Здѣсь, какъ мы выше упоминали, около этого времени должна была возсоздаться сектантская община, въ замѣнъ разсѣянной въ началѣ 1563 г. общины полоцкой. Присутствіе подъ Витебскомъ патрона и строгаго охранителя кальвинизма Радзивилла заставляло ожидать, что возсозидающаяся община будетъ принадлежать кальвинизму, но антитринитаріи затѣяли пріобрѣсть ее себѣ, полагаясь на остатки бывшей здѣсь еодосіанской общины, почему и прислали сюда бывшаго ученика Θεодосіа Козму—Андрея. Такъ можетъ быть объяснено появленіе въ Витебскѣ этого антитринитаріанскаго проповѣдника въ такой важный моментъ, когда здѣсь находился самъ патронъ кальвинизма, со многими изъ князей и пановъ литовско-русскихъ. Но дерзкій проповѣдникъ потерпѣлъ неудачу. Проповѣдь эта всѣми найдена богохульною, и проповѣдникъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ бѣжать изъ Витебска, какъ бѣжалъ онъ прежде съ Θεодосіемъ и его сообщниками. Куда затѣмъ дѣвался Козма—Андрей, замѣшанный, какъ окажется, въ исторію письма половца Смеры, скажемъ нѣсколько ниже. Теперь же продолжимъ исторію западно-русскихъ антитринитаріевъ въ связи съ велико-русскими сообщниками ихъ.

Въ этомъ помогаетъ намъ тотъ же Артемій въ другихъ западно-русскихъ посланіяхъ своихъ. Таково посланіе его къ какому-то князю, котораго онъ называетъ не только вельможнымъ княземъ, но и «вашимъ величествомъ». Князь этотъ *многакжды понуждалъ* Артемія *овогда словомъ, иногда посланіемъ*, написать отвѣщательное слово на лютерскую и другія ереси. «Я несмысленный, говоритъ Артемій, давалъ обѣщаніе какъ вашему величеству, такъ и другимъ, обращающимся ко мнѣ съ подобною просьбою, написать обличеніе на всѣ артикулы еретическихъ ученій. Но эти многія обѣщанія были легкомыслиемъ и увлеченіемъ съ моей стороны. Ибо, углубляясь въ

себя и трезвенно вчитываясь въ божественныя писанія, я созналъ свою грубость, свое невѣденіе, при которомъ далеко еще не достигъ глубины водъ божественныхъ писаній». Какому князю писано это посланіе? Едва ли не А. Курбскому, который съ 1564 г. уже находился въ западной Руси, проживал то въ Литвѣ, то въ Вильнѣ, и, какъ самъ свидѣтельствуешь, велъ бесѣды съ Артеміемъ о новыхъ ересахъ и средствахъ противодѣйствія имъ¹⁾. Впрочемъ это посланіе имѣетъ для насъ пока только общій интересъ, указывая во первыхъ, на то смущеніе, какое производили въ православныхъ западной Руси сильно расплодившіяся здѣсь ереси «многоглавыя», какъ выражается здѣсь же Артемій, въ числѣ ихъ и антитринитаріанская, во вторыхъ на авторитетъ, пріобрѣтенный въ западной Руси Артеміемъ, въ качествѣ книжнаго человѣка и обличителя ересей, хотя самъ онъ считалъ нужнымъ еще значительно усилить свои богословскія знанія для борьбы съ этими ересями во всемъ разнообразіи ихъ ученій. Прямѣе идетъ къ нашей цѣли посланіе Артемія къ вельможному пану Евстафію. Это, безъ сомнѣнія, уже извѣстный намъ Евстафій Волловичъ, маршалокъ и подскарбій литовскій, а съ 1565 г. подканцлеръ литовскій, другъ Николая Чернаго и Николая Рыжяго Радзивилловъ, кальвинистъ также, какъ и они, покровитель Буднаго, который посвятилъ ему свое кальвинско-антитринитаріанское сочиненіе «оправданіе». Артемій говоритъ, что уже издавна (древле) знакомъ съ Волловичемъ, что по-

1) Можно также предполагать здѣсь князей Острожскаго или Слуцкаго, основываясь на самомъ титулѣ «величество», придаваемомъ у Артемія этому князю. Острожскаго православные любили титуловать *величествомъ*; такъ титууетъ его и князь Курбскій. Слуцкіе князья также имѣли притязаніе на этотъ титулъ. Но вообще дотолѣ, пока посланія Артемія остаются намъ извѣстными только въ отрывкахъ, поясненія тѣхъ или другихъ чертъ въ этихъ посланіяхъ не вездѣ могутъ быть рѣшительными.

слѣдній уже давно устно просилъ Артемія побесѣдовать съ нимъ (т. е. написать къ нему) о нѣкоторыхъ предметахъ отъ божественнаго писанія, но что тогда Артемій не нашелъ времени для исполненія этой просьбы, и исполняетъ ее теперь, ибо хотя давность времени (отъ той поры, какъ видѣлся Артемій съ Волловичемъ) и долгота разстоянія и раздѣляетъ людей, но духовная любовь не забывается. Представляемая этимъ посланіемъ отношенія Артемія къ Волловичу могли находиться въ связи съ отношеніями ихъ обоихъ къ Будному, такъ что и личныя свиданія Артемія съ Буднымъ и Волловичемъ могли происходить гдѣ-либо совмѣстно, быть можетъ въ Нѣсвижѣ, Клецѣ или Слуцкѣ. Сильно заинтересованный дѣломъ реформы, значеніемъ новыхъ ученій, волновавшихъ Литву, Волловичъ хотѣлъ знать сужденіе о нихъ такого человѣка, какъ Артемій, самъ слышій прежде вольнодумцемъ и при томъ человѣкъ книжный. По видимому Волловичъ хотѣлъ повѣрять ученіе самага Буднаго сужденіемъ Артемія, которому извѣстенъ былъ, какъ мы упоминали, какой то листъ Буднаго къ Волловичу, заключавшій антитринитаріанскія толкованія пророчества о сѣмени жены. Безъ сомнѣнія Артемій, обличавшій за это Буднаго, не преминулъ указать на это и Волловичу, также какъ и на антитринитаріанскую мысль въ посвященной Буднымъ Волловичу книжкѣ «оправданіе». Есть основаніе полагать, что такія указанія не остались безъ вліянія на подрывъ авторитета Буднаго въ глазахъ Волловича, чрезъ него и Радзивилла. Не менѣе интересно для насъ и посланіе Артемія до Ивана Зарецкаго. Зарецкіе были православные виленскіе мѣщане, имена которыхъ встрѣчаемъ потомъ между членами здѣшняго братства. Одинъ изъ Зарецкихъ служилъ въ Вильнѣ скарбнымъ или казначеемъ при подскарбіѣ литовскомъ Е. Волловичѣ. Отсюда могло произойти знакомство у Артемія съ Зарецкими, вызвавшее обмѣнъ посланій, касавшихся поле-

мики съ «новопрозябшими ересями». Артемій писалъ Зарецкому о божественной литургіи въ отвѣтъ на рѣчи «безбожныхъ ругателей», глумливо говорившихъ, что православные приносятъ ихъ и за здравіе и за упокой. Теперь, по просьбѣ Зарецкаго, вторично пишетъ ему о «новопрозябшихъ ересяхъ», разумѣется тѣхъ, какія проповѣдывались теперь въ Вильнѣ. Въ частности говорить о ереси тѣхъ, которые *по Морсейскому закону обратились и вмѣсто евангелія десятисловіе приемятъ, того ради и всѣхъ св. богоносныхъ отецъ книгъ не приемятъ.* Очевидно, это виленскіе антитринитаріи, можетъ быть тѣ, которые послали въ Витебскъ своего сообщника Козму—Андрея. Замѣчаніе о предпочтеніи ими Моусеева закона евангелію можетъ указывать не только на общую черту антитринитаріанскаго ученія, опиравагося въ своемъ монотеизмѣ на книги Моусея, но въ частности и на ближайшее сходство ученія этихъ виленскихъ антитринитаріевъ съ ученіемъ Θεодосія, ставившаго Моусеевы книги, подъ именемъ столповыхъ, выше всѣхъ другихъ и ученіемъ партіи полужидовствующихъ или евіонитско-литовской, главою которой сдѣлался въ Литвѣ Будный. Не останавливаясь на другихъ литовскихъ посланіяхъ Артемія, не представляющихъ въ тѣхъ краткихъ выпискахъ, какія изданы изъ нихъ, новыхъ данныхъ для нашего предмета, замѣтимъ, что, судя по самымъ этимъ посланіямъ, они составляли далеко не все, что писалъ Артемій въ интересѣ полемики съ ересями литовской или западной Русі. Онъ дѣйствовалъ противъ нихъ и въ защиту православія не только писаніями, но и словомъ и устными постановленіями. Память о такой дѣятельности Артемія и плодахъ ея долго сохранялась въ западной Русі. Если Зиновій говорилъ о Θεодосіѣ Косомъ, что онъ развратилъ Литву; то Захарій Копыстенскій свидѣтельствовалъ объ Артеміѣ, что этотъ *«преподобный инокъ и дидакалъ въ Литвѣ отъ ереси аріанской и лютеранской мно-*

ихъ отвернулъ, а чрезъ него Богъ исправилъ, же ся весь народъ русскій въ Литву въ ереси тии не привернулъ». Если изъ Москвы пришло въ Литву еретическое развращеніе, то оттуда же пришло и уврачеваніе. Оба явленія находились очевидно въ связи. Впрочемъ и послѣ Артемія, скончавшагося, надо полагать, въ 70-хъ годахъ XVI в., антитринитаріанство еще нѣкоторое время держалось въ Литвѣ, будучи сравнительно сильнѣе въ Вильнѣ и области Новоградка литовскаго, какъ знаемъ и изъ общаго обзора исторіи этой секты въ Литвѣ. Не повторяя сказаннаго тамъ, переходимъ на Волинь, вслѣдъ за ушедшими туда же изъ Литвы Θεодосіемъ и Игнатіемъ.

Послѣ Литвы Волинь была тою русскою областію, въ которой антитринитаріанство было также сильнѣе, чѣмъ въ другихъ русскихъ областяхъ. Курбскій, жившій здѣсь въ 1564—1586 гг., выражается, что язвою этого ученія заражена мало не вся Волинь. Антитринитаріанство запесено сюда конечно изъ малой Польши и поддерживалось польскимъ элементомъ, усилившимся здѣсь еще скорѣе, чѣмъ въ Литвѣ. Но оно было и между русскими панами, болѣе или менѣе ополячившимися. У нихъ-то нашли пріемъ прибывшіе сюда изъ Литвы Θεодосій Косой и Игнатій. Курбскій зналъ о нихъ здѣсь въ 1575 г., при чемъ замѣчаетъ, что панъ Θεодосій и панъ Игнатій слѣдуютъ антитринитаріанскому ученію не такъ ради самаго этого ученія, какъ ради своихъ зацныхъ паней. Это невѣрно. Косой и Игнатій давно были антитринитаріями и сами стали ими, но жены, съ которыми они жили и на Волини, продолжали и здѣсь служить для нихъ связію съ средой мѣстныхъ антитринитаріевъ. Курбскій сообщаетъ еще, что Игнатій жилъ у русскаго пана *Кадіана Чаплия или Чаплича* и пользовался у него почетомъ учителя. Вѣроятно здѣсь же жилъ старикъ Косой, хотя объ этомъ не упоминаетъ Курбскій, болѣе занимающійся Игнатіемъ, который вѣроятно былъ виднѣе и вліятельнѣе

старика Θεодосія. Игнатій былъ также самоучка—начетникъ, какъ и Θεодосій, не зналъ, по словамъ Курбскаго, ни по гречески, ни по латыни, но уже зналъ «польскую барбарію» т. е. польскій языкъ, на которомъ и велъ свои еретическія собесѣдованія съ паномъ Чаплиемъ. Они состояли въ еретическихъ толкованіяхъ разныхъ мѣстъ свящ. писанія, въ кощунственныхъ отзывкахъ о догматахъ и святыняхъ христіанскихъ, въ нападкахъ на епископовъ и монаховъ за владѣніе имѣніями, служащими только ихъ корысти и сластолюбію, на святыхъ отцевъ, особенно Іоанна Дамаскина, и т. подоб. Такія бесѣды велись съ «жартами и шутками» за кубками мальвазіи, за веселой пирушкой, какой образъ богословскаго собесѣдованія согласовался, по словамъ Курбскаго, и съ духомъ ученія Θεодосія и Игнатія. Вразумляя Чаплича, Курбскій противопоставляетъ учителю его Игнатію истинныхъ учителей, въ числѣ ихъ Артемія, конечно извѣстнаго и Чапличу чрезъ Игнатія, какъ бывшаго ученика его. Упомянутое же о хулахъ Чаплича на Іоанна Дамаскина, повторяемыхъ со словъ Игнатія, можетъ указывать, что Игнатій имѣлъ у себя то сочиненіе Буднаго, противъ нападокъ котораго на Дамаскина защищалъ этого св. отца Артемій въ посланіи къ Будному. Личность Кадіана Чаплича, какъ антитринитарія и ученика Θεодосіева сообщника Игнатія, важна въ исторіи волинскаго антитринитаріанства. Съ этого Чаплича начинается цѣлый рядъ антитринитаріевъ въ фамиліи Чапличей, создавшей даже видный центръ для этой секты въ своемъ имѣніи Кисселинѣ (владимиръ-волинскомъ уѣздѣ). Въ двухъ письмахъ къ князю Константину Острожскому Курбскій сообщаетъ еще объ одномъ волинскомъ проповѣдникѣ антитринитаріанства — Мотовилѣ. Мотовило служилъ у князя Острожскаго и пользовался его благосклонностію. Слылъ онъ челоукомъ книжнымъ, и князь готовъ былъ пользоваться его услугами, какъ писателя. Въ

1577 году іезуитъ Петръ Скарга издалъ извѣстную книгу свою «о единствѣ церкви Божіей», въ которой проповѣдывалъ унию и посвятилъ ее князю Острожскому. Князь показалъ эту книгу Мотовилѣ, и тотъ вызвался написать опроверженіе на нее и свои мысли по этому предмету изложилъ въ письмѣ къ князю. И книгу и письмо Острожскій переслалъ къ Курбскому, какъ своему пріятелю и человѣку книжному. Курбскій пришелъ въ негодованіе. Онъ сильно упрекаетъ Острожскаго за то, что онъ приближаетъ къ себѣ такого человѣка, какъ Мотовило, да еще готовъ искать помощи его въ дѣлѣ защиты православія: кто отъ вѣка слышалъ, и гдѣ, въ какихъ лѣтописяхъ написано, чтобы пускать на пажить съ овцами хищнаго волка, т. е. чтобы православный христіанинъ услаждался письмами Христо-ненавистнаго аріанина или принималъ его писанія на помощь Христовой церкви? А между тѣмъ этотъ Мотовило имѣетъ въ себѣ не только аріанскій духъ, но еще злѣйшій дьявольскій духъ, издающій на общаго Владыку Христа хулы, еще страшнѣйшія аріевыхъ, ибо онъ (Мотовило) обновляетъ ереси Павла Самосатскаго и Фотина—древнихъ еретиковъ, которые отвергали предвѣчность Сына Божія, не вѣрили словамъ пророковъ и начало бытія Христу полагали отъ Маріи. Свѣтлѣйшій князь христіанскій! Годится ли такого человѣка спрашивать объ истинахъ вѣры, слушать его и даже просить у него отвѣта на іезуитскія басни и софизмы? Въ заключеніе Курбскій совѣтуетъ князю лучше самому приняться за изученіе св. Писанія и удалить отъ себя людей, подобныхъ Мотовилѣ». Однако же Мотовило написалъ книгу противъ книги Скарги, Острожскій принялъ этотъ трудъ, да еще послалъ его Курбскому въ подарокъ. Курбскій удивился такому поступку Острожскаго: «Я ужъ не могу понять, спѣшить онъ отвѣчать князю, откуда пришла вашему величеству мысль прислать мнѣ книгу, сочиненную сыномъ діавола, явнымъ врагомъ

Христа, вѣрнѣе сказать, помощникомъ и вѣрнымъ слугою аптихриста! Не вмѣсто ли подарка ваша милость прислалъ мнѣ эту книгу, правовѣрному христіанину и присяжному брату своему? О бѣда, достойная плача, о горе, злѣйшее всякаго другаго! Въ такую дерзость и глупость вдалися вожди христіанскіе, что не только не стыдятся держать и кормить въ своихъ домахъ этихъ ядовитыхъ драконовъ, но берутъ ихъ въ защитники и помощники себѣ и, что еще удивительнѣе,—этимъ духовнымъ бѣсамъ поручаютъ охранять духовную церковь Божію и велятъ имъ писать книги противу полувѣрныхъ латинявъ. О слѣпота и безуміе!» Приведши о слѣпотѣ слова пр. (Исаи гл. 59, ст. 10), Курбскій продолжаетъ: «кто слышалъ, кто видѣлъ отъ вѣка, чтобы волка поставлять стражемъ овецъ и ядовитаго аспида, дѣлать опекуномъ дѣтей? А тутъ дѣлается нѣчто болѣе удивительное и тысячу разъ худшее: ставятъ защитниками православной церкви учениковъ Павла Самосатскаго и Фотина, этихъ древнихъ еретиковъ, давно проклятыхъ и поправныхъ! Ибо тѣ древніе еретики и нынѣшніе ученики ихъ не только отдѣляютъ Сына Божія отъ существа Отца, какъ училъ Арій, но отвергаютъ и предвѣчное рожденіе Его отъ Отца и полагаютъ начало Его отъ Маріи, не вѣря пророческимъ и апостольскимъ рѣчамъ о предвѣчномъ рожденіи Его и посмѣваясь надъ ними. Предъ нашими простецами и глупцами они называютъ Его Сыномъ Божиимъ, чтобы такую оболочкою правды прикрыть злую неправду свою, и такую яриманкою поймать ихъ на удочку, какъ рыболовъ—рыбъ. Но какого Сына они разумѣютъ? Такого, какъ Ларонъ, Самуиль и др. люди, рожденные какъ люди!.. Государь мой возлюбленный! И ты еще не устыдился твоего Христа, присно-сущнаго, совѣчнаго и равнаго Отцу, Сына Божія умершаго за васъ плотію, искупившаго тебя Своею кровію! Ты еще не стыдишься дружить и имѣть общеніе съ подобными людьми!

Или ты уже пересталъ слушать и отвергся пророковъ и апостоловъ?» Приведши слова ихъ противъ общенія съ врагами Божиими, еретиками и о вредѣ такого общенія, Курбскій говоритъ за тѣмъ о Мотовилѣ: «А любезный твой Мотовило въ своей прескверной книгѣ не только фальшиво излагаетъ пророческія слова, но еще въ заключеніи этой книги проповѣдуетъ, что Христосъ еще придетъ и на тысячу лѣтъ установить чувственное царство вѣрнымъ своимъ, въ которомъ они будутъ ѣсть и пить и веселиться подь виноградниками». Осмѣявъ такое нелѣпное мнѣніе Мотовилы, Курбскій продолжаетъ: «новый ты Магометъ! Да еще худшій Магомета: ибо и Магометъ въ Алкоранѣ не говоритъ такихъ хуленій о Христѣ и Матери Его, но въ нѣкоторой степени чтитъ Его». Обращаясь опять къ Острожскому, Курбскій замѣчаетъ, что князь могъ бы подарить присланную книгу тайно-свату своему Алексѣю (кто это былъ неизвѣстно), который умѣетъ отвѣчать на подобныя книги. А мнѣ, твоему вѣрному слугѣ и другу, зачѣмъ имѣть этотъ навозъ въ домѣ? навозъ люди вывозятъ изъ дому. Или лучше—это душевная зараза, которою заразилась мало не вся Волянь и болить неисцѣльно. Присовокупивъ еще нѣсколько замѣчаній о Мотовилѣ и единомышленникахъ его, ихъ самонадѣянности, дерзости и безстыдствѣ, о нелѣпомъ мнѣніи Мотовилы, что папы антихристы, и затѣмъ возвращая Мотовилу книгу Острожскому, Курбскій умоляетъ его прервать всякія сношенія съ ними ради Христа и вѣчнаго спасенія. Не смотря на эти мольбы Курбскаго, Острожскій, если вѣрить латинско-уніанскимъ писателямъ, не прекращалъ сношеній съ антирипитаріями и при случаѣ пользовался ихъ услугами. Такъ извѣстный Апокрисисъ Христофора Филалета, изданный въ защиту православнаго Брестскаго собора 1596 г. и противъ книги того-же іезуита Скарги о Брестскомъ соборѣ, по увѣренію этихъ писателей, писанъ былъ антиринитаріемъ Хри-

стофоромъ Бронскимъ, по волѣ князя Острожскаго, который въ награду за трудъ далъ автору имѣніе на Воляни. Наконецъ сами антирипитаріанскіе писатели хвалятся Острожскимъ, какъ покровителемъ, даже тайнымъ послѣдователемъ ихъ секты. Конечно, вслѣдствіе такого представленія объ Острожскомъ, біографъ Будзинскаго, антиринитарій Эразмъ Отвиновскій, посвятилъ Острожскому одно изъ своихъ изданій¹⁾. Разумѣется, Острожскій не былъ ни послѣдователемъ антирипитаріанской секты, ни покровителемъ ея. Онъ знавался съ Мотовилой, какъ знавался съ другими учеными сектантами—въ интересахъ образованія. Если Артемій могъ называть Буднаго братомъ и даже хвалить его высокій разумъ и добрые нравы, хотя зналъ его еретичество; то неудивительно, что и Острожскій благосклонно относился къ имѣвшему извѣстное образованіе Мотовилѣ. Замойскій, преданный католикъ, тѣмъ не менѣе приглашалъ для своей Замосцьской Академіи учителей изъ разныхъ исповѣданій, даже антиринитаріевъ. Таковъ былъ тогдашній либерализмъ польскихъ пановъ, а за ними и литовско-русскихъ. Даже братства приглашали иногда въ учителя въ свои школы иновѣрцевъ, какъ напр. виленское, заслужившее впрочемъ за это упрекъ отъ Львовскаго. Съ другой стороны Острожскій, какъ и другіе православные паны западной Руси сближались съ иновѣрцами въ интересахъ общей борьбы съ папизмомъ, какъ видимъ на извѣстной виленской конфедераціи 1599 г. Но то несомнѣнно, что Острожскій строго различалъ протестантовъ всѣхъ фракцій отъ антиринитаріевъ, какъ видно изъ письма его къ торунскому протестантскому собору 1595 г., гдѣ онъ выражается, что союзъ возможенъ лишь между тѣми разныхъ исповѣданій христіанами, которые исповѣдуютъ св. Троицу, Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа

¹⁾ См. у Саида объ Отвиновскомъ.

Святаго. А въ своемъ предисловіи къ Библии 1581 г. онъ говоритъ о сектантахъ даже языкомъ Курбскаго,—какъ о хищныхъ волкахъ, вторгающихся въ стадо св. церкви. Тѣмъ не менѣе то не лишено значенія, что какъ въ Литвѣ главнымъ борцомъ противъ сектантовъ выступилъ сѣверо-руссъ Артемій, такъ на Волини—сѣверо-руссъ Курбскій, его ученикъ и глубокой почитатель. Въ устныхъ бесѣдахъ съ нимъ, въ его письменныхъ трудахъ Курбскій находилъ и важнѣйшее подтвержденіе и руководство для себя въ этой борьбѣ, какъ то видно изъ письма его къ Чапличу и Марку Саригозину, жившему въ Слуцкѣ у того же князя Юрія, у котораго жилъ и Артемій. Что касается до Мотовилы, то это былъ, судя по фамилии, вѣроятно литвинъ, прибывшій на Волинь въ слѣдъ за другими изъ здѣшнихъ антиринитаріевъ. По ученію онъ былъ антиринитарій *partii полужидовствующихъ*, учившій даже о чувственномъ царствѣ Мессіи, значить эта партія преобладала теперь и въ волинскомъ антиринитаріанствѣ, какъ и въ литовскомъ, ибо объ ней конечно замѣчаетъ, по поводу Мотовилы, Курбскій, что язвою этого ученія заражена мало не вся Волинь. Изъ Волини же вѣроятно перешла она и въ сосѣднее Полѣсье. Здѣсь представителемъ ея является пѣкій Стефанъ Григорьевичъ Лованъ, земскій судья въ Мозырѣ. По жалобѣ сочлена своего въ судѣ Стефана Лозки, онъ въ 1591 г. позванъ былъ въ трибунальный судъ за то, что отрицалъ таинство Пресв. Троицы, божество Иисуса Христа и Св. Духа, и вообще хульно говорилъ о Богѣ небесномъ, отрицалъ безсмертіе души, рай, адъ, будущій судъ, утверждая, что кому хорошо на землѣ, тому тутъ же и рай, кому худо—тому адъ, что вообще человекъ начинается и кончается также, какъ собака, скотина, дерево и проч. (Чтеніе въ Имп. М. Общ. исторіи и др. росс. 1846 № 1. стр. 11). Здѣсь видимъ антиринитаріанское вольномысліе на самой крайней степени отрицанія, до котораго оно не доходило у Буднаго (хотя и его попрекали

эпикурействомъ), но почти доходило у еееодосіанъ, судя по полевій съ ними Зивовія, и у Мотовилы, судя по отзыву о немъ Курбскаго.

Слѣдуетъ, наконецъ, признать, что русскіе антиринитаріи были и въ сосѣдней съ Волинью Галиціи. Изъ исторіи польскаго антиринитаріанства знаемъ, что оно наиболѣе распространено было въ областяхъ малой Польши—краковской, люблинской, сандомірской, особенно послѣдней. Въ этой послѣдней основались начальныя центры секты, какъ Пинчовъ, потомъ Раковъ. Здѣсь же происходили начальныя соборы сектантовъ, каковъ особенно соборъ 1567 г. въ Скриннѣ. Здѣсь возникло немало антиринитаріанскихъ общинъ извѣстныхъ еще до конца XVI в., каковы, кромѣ общинъ, въ Пинчовѣ, Раковѣ, Скриннѣ, общины въ новой Слупѣ, Бускѣ, Столбницахъ, Кіяхъ, Сецеминѣ, Сецеховѣ, Сольцѣ, Собковѣ и другихъ мѣстностяхъ сандомірской области ¹⁾. Сосѣднія съ названными областями области Галицкой Руси подпадали вліянію польско-антиринитаріанской пропаганды, конечно, не менѣе Волини. Это слѣдуетъ сказать особенно о перемышльской области, граничащей съ сандомірской. И дѣйствительно, антиринитаріанскія общины отъ указаннаго времени извѣстны и въ мѣстностяхъ Галиціи, какъ напр. въ Буцацѣ, Крыловѣ, Данцугѣ ²⁾. Послѣдній находился именно въ перемышльской области, прославился бывшимъ здѣсь сектанскимъ соборомъ 1566 г. и вообще извѣстностію въ исторіи секты. Антиринитаріи галицко-русскихъ областей были главнымъ образомъ изъ жившихъ здѣсь поляковъ; но если въ Литвѣ и на Волини они были также и изъ

¹⁾ Эти и другія общины упоминаются въ запискахъ Эразма Отвиновскаго, антиринитаріанскаго писателя конца XVI и нач. XVII в. См. у А. Венгерскаго Slavoniae Reformatæ Lib. IV, p. 524—530. Amstelodami. 1679.

²⁾ Тамъ же.

русскихъ, то были и здѣсь, хотя мы не можемъ указать здѣсь на такихъ видныхъ представителей секты, какъ Янъ Кишка въ Литвѣ или Кадіанъ Чаплицъ на Волини. Есть впрочемъ и прямое указаніе на существованіе въ этихъ областяхъ русскихъ антитринитаріевъ или по крайней мѣрѣ попытокъ антитринитаріанской пропаганды среди русскихъ. Это свидѣтельство антитринитаріанскихъ писателей о русскомъ діаконѣ Андреѣ, бывшемъ здѣсь въ 1567 г. и сообщившемъ антитринитаріанскому историку Будзинскому письмо половца Смеры, найденное будто бы въ русской церкви св. Спаса въ области перемышльской, неподалеку отъ древняго Самбора, гдѣ лежитъ славный русский князь Левъ. Письмо есть подлогъ, выдумка, — но выдумка могла состояться только при извѣстныхъ условіяхъ, дѣлавшихъ ее возможною и цѣлесообразною, т. е. при существованіи въ данное время и въ данной мѣстности дѣйствительныхъ представителей и дѣйствительныхъ интересовъ русско-антитринитаріанской пропаганды, орудіемъ которой было письмо. Переходимъ къ разбору самаго письма, которое, въ смыслѣ памятника антитринитаріанской пропаганды среди русскихъ второй половины XVI вѣка, можетъ въ нѣкоторой мѣрѣ восполнить и изложенныя доселѣ отрывочныя свѣдѣнія о ней.

IV) Что письмо есть подлогъ, — это не требуетъ доказательствъ. Нашъ разборъ письма сосредоточится на рѣшеніи вопросовъ: кто былъ авторомъ подлога и въ чемъ состояла цѣль его? вмѣстѣ съ тѣмъ само собою опредѣлится и значеніе письма, какъ памятника антитринитаріанской секты и пропаганды своего времени.

1) Авторъ письма. При несомнѣнной подложности письма,

авторомъ его слѣдуетъ признать того, изъ чьихъ рукъ оно впервые вышло, и на кого ссылаются уже извѣстные намъ свѣдѣтели письма, какъ на лице, впервые открывшее и огласившее письмо въ своихъ переводахъ его. Это русский діаконъ Андрей Колодынскій изъ Витебска. Не сомнѣваемся признать тождество этого Андрея съ тѣмъ Козмою—Андреемъ, объ антитринитаріанской проповѣди котораго въ Витебскѣ въ 1563—4 г. знаемъ изъ перваго посланія Артемія къ Симону Будному. Для большей ясности и твердости въ доказательствахъ этого тождества припомнимъ и точнѣе обозначимъ особенности и источники антитринитаріанскихъ свидѣтельствъ объ ихъ Андреѣ. Первое мѣсто занимаетъ здѣсь свидѣтельство Будзинскаго, уже приведенное нами цѣлькомъ. Будзинскій говоритъ объ Андреѣ, какъ современникъ лично знавшій его, называетъ его только русскимъ діакономъ Андреемъ, бывшимъ потомъ слугою пана Собека, и передаетъ, что этотъ Андрей сообщалъ ему (Будзинскому) въ 1567 г. списокъ письма въ польскомъ переводѣ, сдѣланномъ имъ съ подлинника, писаннаго на мѣдныхъ доскахъ, желѣзными буквами, древнерусскимъ письмомъ. Сандъ, писавшій вѣкомъ позже, приводя цѣликомъ это свидѣтельство Будзинскаго изъ его историческихъ записокъ объ антитринитаріанской сектѣ, доставшихся Санду отъ Венед. Вишоватаго, присоединяетъ еще другія свѣденія: онъ называетъ Андрея—Андреемъ Колодынскимъ изъ Витебска, ему именно приписываетъ самое открытіе подлинника письма, писаннаго на древне-славянскомъ или буларскомъ языкѣ и найденнаго въ русской церкви св. Спаса въ области Перемышльской, неподалеку отъ древняго Самбора гдѣ лежитъ славный князь Левъ; приписываетъ этому же Андрею, сверхъ польскаго, еще

русскій переводъ письма, сдѣланный имъ въ томъ же 1567 году. Очевидно, эти новыя свѣденія объ Андреѣ и письмѣ не противорѣчатъ свидѣтельству современника Будзинскаго, а только дополняютъ его. А согласіе ихъ въ главныхъ чертахъ съ этимъ современнымъ свидѣтельствомъ служить имъ подкрѣпленіемъ, насколько они касаются личности Андрея, какъ перваго огласителя письма, или, что здѣсь одно и то же, автора его. Но откуда взялъ Сандъ эти дополнительныя свѣденія объ Андреѣ? Еще въ началѣ нашей статьи, при общемъ обозначеніи свѣдѣтелей письма, мы замѣтили, что Сандъ, какъ самъ даетъ понять, обязанъ этими свѣденіями тому же В. Вишоватому, сыну Андрея Вишоватаго. Откуда же взялъ ихъ самъ В. Вишоватый? На это есть указаніе у Санда. Онъ упоминаетъ о польскомъ рукописномъ кодексѣ или сборникѣ Риновичаго—Трембецаго, бывшемъ въ рукахъ у В. Вишоватаго, который извлекъ изъ него другой списокъ письма, отдѣльный отъ списка, помѣщеннаго у Будзинскаго, но въ томъ же польскомъ переводѣ Андрея: съ этого именно списка Вишоватый и сдѣлалъ тотъ латинскій переводъ письма, который получилъ отъ него Сандъ и помѣстилъ въ своемъ «Appendix'ъ» къ «Nucleus'у». Сборникъ Риновичаго Трембецаго содержалъ «замѣтки о достопамятныхъ предметахъ, относящихся къ исторіи религіи XVI и частію XVII вѣковъ» ¹⁾. Составитель сборника помѣстилъ въ немъ и письмо Половца. Какъ у Будзинскаго, такъ и у Риновичаго помѣщеніе письма со-

¹⁾ См. Bibliotheca Antitrinitarium подъ словомъ Rynovicius—Trembecius p. 142. Сообщаемыя здѣсь свѣденіями о Риновичомъ мы забѣгаемъ нѣсколько впередъ: обстоятельнѣе скажется о немъ въ слѣдующей главѣ.

проводилось свѣденіями объ его открытіи, о первомъ писателѣ переводчикѣ его—Андреѣ. Но Будзинскій, получившій письмо отъ самаго Андрея, говоритъ о немъ на основаніи того, что лично зналъ о немъ. Риновичскій, жившій позже, могъ найти сообщаемыя имъ свѣденія лишь тамъ, гдѣ нашелъ самое письмо. Могъ онъ найти ихъ именно въ Кисселинѣ, гдѣ былъ до 1644 года пасторомъ антиринитаріанской общины, состоявшей подъ патронатствомъ владѣльцевъ Кисселина антиринитаріевъ Чапличей, въ фамиліи которыхъ антиринитаріанство началось съ Кадіана Чаплича, ученика Игнатія, общинника Θεодосія Косого. Такимъ образомъ источникъ дополнительныхъ свѣденій объ Андреѣ и его (мнимомъ) открытіи, заимствованныхъ Вишоватымъ и Сандомъ изъ сборника Риновичаго—Трембецаго, возводится ко времени самаго Андрея и Будзинскаго и ихъ современниковъ русскихъ антиринитаріевъ Чаплича, Игнатія, Θεодосія. Здѣсь можетъ заключаться объясненіе и нѣкоторыхъ особенностей этихъ дополнительныхъ свѣденій, каковы: обозначеніе фамиліи Андрея, *Витебскаго* происхожденія его, *русскаго* перевода письма, который не имѣлъ особеннаго интереса для Будзинскаго, какъ полаяка и потому не упомянуть имъ, но имѣлъ интересъ для русскихъ антиринитаріевъ. Но такое опредѣленіе источника дополнительныхъ свѣденій объ Андреѣ важно для насъ собственно, какъ новое подкрѣпленіе достовѣрности этихъ свѣденій, насколько ими обозначается личность Андрея. Они получаютъ теперь въ глазахъ нашихъ такой вѣсъ, какъ и свѣденія сообщаемыя современникомъ и знакомцемъ Андрея Будзинскимъ, которымъ, какъ сказано, они не противорѣчатъ. Теперь, соединивъ и уравнивъ антиринитаріанскія свидѣтельства объ Андреѣ, сопоставимъ ихъ съ свидѣтельствомъ Артемія о Козьмѣ—Андреѣ. Козьма—Андрей Артемія и Ан-

дрей Колодинскій антиринитаріанскихъ свидѣтелей—современники, антиринитаріи, происхожденіемъ русскіе, при томъ изъ Витебска: словомъ это одинъ и тотъ же Андрей. Артемій зналъ его и подъ его прежнимъ именемъ, какое онъ носилъ въ православіи; антиринитаріи не знаютъ или игнорируютъ это старое имя, какъ брошенное самимъ Андреемъ и знаютъ только новое имя его, принятое въ сектѣ. Артемій не называетъ Козмы—Андрея по фамилии, потому что зналъ его прежде, какъ діакона, а духовныхъ лицъ особенно низшихъ и монаховъ называли болѣе по именамъ чѣмъ фамиліямъ. Антиринитаріи чествуютъ Андрея и по фамилии, и она идетъ къ нему, какъ западно-руссу изъ Витебска ¹⁾. Андрей Артемія исчезаетъ въ 1563—4 г. принужденный уходить изъ Витебска въ слѣдствіе общаго негодованія на его антиринитаріанскую проповѣдь. Антиринитаріанскія извѣстія поясняютъ, куда онъ ушелъ въ слѣдъ затѣмъ: ушелъ туда, гдѣ могъ имѣть сообщниковъ по сектѣ и гдѣ мы находимъ его чрезъ три года по удаленіи изъ Витебска. Совокупностію свидѣтельствъ объ Андрее, какъ русскомъ антиринитаріѣ витебскаго происхожденія окончательно утверждается для насъ уже прежде сдѣланное о немъ предположеніе, что это былъ одинъ изъ витебскихъ общниковъ Θεодосія Косого и его «чади». Діаконство же Козмы—Андрея объясняется свидѣтельствомъ Зиновія объ этой чадѣ или дружинѣ Θεодосіанъ, въ средѣ которой были и лица

¹⁾ Фамилія Колодинскихъ мы не нашли въ Витебскѣ, ни вообще въ Бѣлоруссіи. Но это конечно еще не значитъ, чтобы ея тамъ не было. Известна впрочемъ мелкая дворянская фамилія Колодинскихъ на Волыни, упоминаемая въ „Herbarz“ Нѣсецкаго. Была ли она здѣсь коренною, или переселилась изъ другого мѣста,—неизвѣстно. Но гербъ свой она производила отъ временъ древнихъ князей русскихъ, что конечно было собственною выдумкою пановъ Колодинскихъ, похожею отчасти на выдумку нашего Андрея Колодинскаго.

изъ церковнаго клира, попы и діаконы, эксплуатировавшіе своимъ саномъ и по переходѣ въ секту. Какъ бывший общникъ Θεодосіанъ, потомъ товарищъ Буднаго, Андрей естественно примыкаетъ къ партіи крайнихъ антиринитаріевъ или *полужидовствующихъ*: этимъ объясняется знакомство его съ Будзинскимъ, принадлежавшимъ къ той же партіи въ Польшѣ. Но гдѣ именно и при какихъ обстоятельствахъ встрѣтился онъ съ Будзинскимъ? Къ выясненію этого можетъ служить указаніе на годъ встрѣчи ихъ. Это 1567 годъ, въ которомъ Будзинскій получилъ отъ Андрея письмо Половца. Въ обзорѣ исторіи польскихъ антиринитаріевъ было упомянуто о двухъ соборахъ, послѣдовавшихъ за отдѣленіемъ ихъ отъ кальвинистовъ, и имѣвшихъ цѣлью скрѣпить союзъ антиринитаріевъ, въ качествѣ представителей особой, самостоятельной секты,—соборахъ въ Ланцутѣ, въ области перемышльской, въ 1566 г. и въ Скрыннѣ въ области сандомірской, въ 1567 г. Послѣдній соборъ былъ особенно многочисленъ, состоя изъ сектанскихъ представителей, отъ разныхъ, даже очень дальнихъ, мѣстъ Польши и Литвы. Соборъ стремился согласить обнаружившіяся въ сектѣ двѣ партіи—умѣренныхъ и крайнихъ антиринитаріевъ, занимался и другими вопросами въ интересъ секты и ея пропаганды, какъ напр. обсужденіемъ недостатковъ известной намъ Брестской библии 1562 г., въ слѣдствіе чего поручено было нѣкоторымъ «изъ братьевъ» т. е. антиринитаріевъ исправить эти недостатки и приготовить новое изданіе библии, вонечно въ духѣ ученія секты. На соборѣ находился Будзинскій въ видной роли соборнаго нотарія и въ качествѣ члена партіи крайнихъ антиринитаріевъ. Здѣсь же находился и Будный, и онъ именно принималъ на себя исполненіе соборнаго порученія касательно библии, какъ самъ говоритъ объ

этомъ въ предисловіи къ своей библии 1572 г. Тутъ же по всей вѣроятности находился и товарищъ Буднаго Андрей, въ качествѣ сектанскаго проповѣдника и представителя отъ какой либо группы своихъ сообщниковъ по сектѣ, тѣмъ болѣе, что уже бывалъ въ подобной роли на соборѣ виленскихъ антиринитаріевъ. Тутъ-то именно и могъ онъ сблизиться съ Будзинскимъ и сообщить ему польскій переводъ письма Половца. Вмѣстѣ съ тѣмъ надо предположить, что еще прежде Андрей былъ тамъ, гдѣ будтобы нашелъ подлинникъ письма, т. е. въ области перемышльской: здѣсь онъ могъ участвовать въ антиринитаріанскомъ соборѣ въ Ланцутѣ, гдѣ былъ также и Будзинскій. Вообще присутствіе Андрея, какъ представителя литовско-русскихъ антиринитаріевъ, среди польскихъ антиринитаріевъ перемышльской и сандомірской областей, вѣроятное участіе его въ здѣшнихъ антиринитаріанскихъ соборахъ, находилось, надо полагать, въ связи съ бывшею тогда въ ходу мыслию объ объединеніи литовско-русскихъ антиринитаріевъ съ польскими. Роль посредника этого объединенія была тѣмъ болѣе доступною для него, что онъ зналъ русскій и польскій языки. Но эту ролью не ограничивалась его дѣятельность въ названныхъ областяхъ. Здѣсь онъ вѣроятно хотѣлъ возстановить для себя роль, неудавшуюся въ Витебскѣ. То, что Будзинскій называетъ его діакономъ и въ 1567 году, наводитъ на мысль, что Андрей и самъ называлъ теперь себя діакономъ, т. е., прикрываясь своимъ русскимъ діакономствомъ въ видахъ сближенія съ православными тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ находился теперь, какъ напр. область перемышльская, и пропаганды между ними своего ученія. Онъ могъ здѣсь ходить и въ русскія церкви, какъ то дѣлали попы и диаконы Θεодосіевой чады въ Литвѣ, и это дало ему возможность сослаться на одну изъ этихъ церквей, какъ мѣсто находки письма. Зайдя такъ далеко отъ своей родины—Бѣлорус-

си, Андрей уже не возвращался туда, предпочтя оставаться въ тѣхъ новыхъ мѣстахъ своего жительства или скитальничества, въ какихъ очутился теперь. Но біографія его послѣ 1567 года сводится къ краткому извѣстію Будзинскаго, что *потомъ*, т. е. послѣ этого года Андрей «былъ слугою пана Собека». При всей краткости этого извѣстія, оно для насъ интересно, и прежде всего—какъ новое подтвержденіе фактической достовѣрности извѣстій Будзинскаго объ Андрѣ. Фамилія пановъ Собековъ извѣстна, и именно въ Сандомірской области. Здѣсь имъ принадлежало мѣстечко *Собковъ*, основанное на р. Нидѣ Ст. Собекомъ по грамотѣ Сигизмунда Августа 1563 г. Чтобы заселить свое новое мѣстечко, развить въ немъ промыслы, ремесла, паны Собеки, не будучи сами сектантами, принимали однако же сюда разныхъ сектантовъ, въ томъ числѣ антиринитаріевъ, которые съ теченіемъ времени образовали здѣсь свою общину, упоминаемую у Эразма Отвановскаго ¹⁾. Такъ могъ попасть сюда и Андрей, какъ сектантъ. Но положеніе его здѣсь не было одинаковымъ съ положеніемъ Игнатія при К. Чапличѣ, ни даже съ положеніемъ Мотовилы на дворѣ у князя Острожскаго. Бывшій русскій діаконовъ, потомъ сектанскій проповѣдникъ, сталъ теперь простымъ слугою пана Собека. Что вынудило его къ такому невыгодному положенію? Конечно утрата прежняго положенія. Своимъ лицемѣрнымъ діакономствомъ онъ не могъ долго держаться среди русскихъ перемышльской области, которые должны были наконецъ распознать въ немъ еретика и оттолкнуть отъ себя. Не могъ онъ занять или сохранить выгодное положеніе и среди

1) О Собковѣ—у Баллинскаго и Липинскаго: *Stapozytna Polska* T. II, str. 382. Свидѣтельство Отвановскаго объ антиринитаріанской общинѣ здѣсь въ выдѣлѣ у А. Венгерскаго: *Slavoniae reformatae* lib. IV, p. 530.

мѣстныхъ польскихъ антиринитаріевъ. Партія полужидовствующихъ, къ которой принадлежалъ Андрей, была, какъ знаемъ, сравнительно слабою въ Польшѣ, гдѣ на антиринитаріанскихъ соборахъ присуждали къ отлученію даже къ лишенію должностей и такихъ представителей ея, какъ Будный въ Литвѣ и Будзинскій въ Польшѣ. Не могъ избѣгнуть подобной участи и единомысленный съ ними Андрей. Какъ человѣкъ заходящій, онъ долженъ былъ почувствовать тягость своего положенія еще болѣе, чѣмъ первые два, такъ что для куска хлѣба ему оставалось поступить въ слуги къ пану Собеку. Это послѣдовало, по словамъ Будзинскаго, *послѣ 1567 года*, но, прибавимъ, и ранѣе 1593 г., на которомъ Будзинскій оканчиваетъ свою лѣтопись. Выраженіе Будзинскаго—*былъ* потомъ слугою пана Собека можетъ означать еще и то, что въ ту пору, когда онъ писалъ объ Андрѣ, послѣдній уже не былъ въ живыхъ, слѣд. умеръ до 1593 г.

Итакъ біографическія черты автора письма, оправданныя или выясненныя фактическими указаніями или соображеніями, сводятся къ слѣдующему: это былъ Козма Колодынскій, бѣлорусъ изъ Витебска,—здѣсь въ православіи онъ былъ диакономъ, но потомъ сталъ единомысленникомъ Θεодосіанъ—антиринитаріевъ. вмѣстѣ съ ними подпавъ изгнанію, онъ удался во внутреннюю Литву, гдѣ примкнувъ къ мѣстнымъ антиринитаріямъ, принялъ новое имя Андрея, знавался съ виленскими антиринитаріями и Симономъ Буднымъ, былъ русско-антиринитаріанскимъ проповѣдникомъ и въ этомъ качествѣ являлся въ 1563—4 г. для проповѣди въ родномъ Витебскѣ, по уполномоченію отъ виленскихъ антиринитаріевъ. По вторичномъ удаленіи отсюда гдѣ-то скитался, но ок. 1567 г. оказался въ перемышльской и сандомірской областяхъ, гдѣ могъ

вмѣстѣ съ Буднымъ участвовать въ антиринитаріанскихъ соборахъ, въ качествѣ представителя литовско-русскихъ антиринитаріевъ, сблизился здѣсь съ Будзинскимъ, давнимъ знакомцемъ Буднаго, что могло быть на Ланцутскомъ и еще вѣроятно на Скрынскомъ соборѣ. Оставаясь въ этихъ мѣстахъ, онъ вѣроятно пытался пропагандировать сектанское ученіе среди сосѣднихъ русскихъ, прикрываясь саномъ русскаго діакона, быть можетъ, имѣлъ и послѣдователей между ними. Но—постигнутый неудачами и на этомъ новсмъ поприщѣ своей сектанской дѣятельности, Андрей закончилъ карьеру простымъ слугою пана Собека. По направленію въ сектѣ, онъ принадлежалъ къ партіи крайнихъ или *полужидовствующихъ* антиринитаріевъ, къ которой принадлежали начальные товарищи его Θεодосіане и позднѣйшіе—Будный и Будзинскій. Всѣ эти черты Козмы—Андрея совершенно подходятъ къ нему, какъ автору антиринитаріанскаго издѣлія, какимъ представляется письмо Половца, дошедшее до насъ отъ антиринитаріевъ; а этимъ вполне подтверждается и самое авторство его по отношенію къ письму, признанное нами на основаніи антиринитаріанскихъ свидѣтельствъ, приписывающихъ этому Андрѣю открытіе и первые переводы письма на языки русскій и польскій. Польскій переводъ письма былъ дѣйствительно переводомъ, но мнимый русскій переводъ, предшествовавшій польскому, былъ, безъ сомнѣнія, оригиналомъ, писаннымъ на томъ западно-русскомъ языкѣ, который былъ природнымъ языкомъ Андрея, языкомъ русско-сектанскихъ изданій товарища его Буднаго. Какъ выпущенное первоначально на этомъ языкѣ письмо прежде всего и назначалось для русскихъ тѣхъ областей, гдѣ проповѣдывалъ Андрей. Показываемый въ антиринитаріанскихъ свидѣтельствахъ годъ открытія и первыхъ переводовъ письма—годъ 1567-ой долженъ быть признанъ годомъ сочиненія или выпуска письма, опредѣлившимся не случайно, а въ весьма

вѣроятной зависимости отъ бывшаго въ этомъ году скрынскаго антитринитаріанскаго собора, вліяніе котораго должно было поэтому отразиться и на другихъ чертахъ издѣлія Андрея.

Имѣлъ ли онъ сообщниковъ своего подлога? Если имѣлъ, о ихъ надо искать около него же, т. е. въ средѣ лицъ, съ которыми связанъ онъ былъ въ теченіи своей сектантской дѣятельности. Сообщникомъ Андрея въ дѣлѣ подлога слѣдуетъ признать уже самаго Будзинскаго, который, такъ сказать, принявъ этотъ подлогъ подъ свою защиту, помѣстилъ письмо въ въ своей исторіи, какъ «*gem dignam lectu*», какъ важный историческій памятникъ ¹⁾. Никакъ нельзя допустить, чтобы ученый Будзинскій сдѣлалъ это несознательно, введенный въ обманъ Андреемъ. Онъ не могъ быть обманутъ на счетъ такого грубаго и явнаго подлога, не могъ и Андрей обманывать въ этомъ дѣлѣ собрата по сектѣ и партіи: такой обманъ не имѣлъ бы здѣсь ни смысла, ни цѣли. Впрочемъ такимъ покровительствомъ или сочувствіемъ подлогу только и ограничивалось соучастничество въ немъ Будзинскаго. Ибо онъ получилъ письмо уже въ польскомъ переводѣ, которому предшествовалъ мнимый русскій переводъ т. е. русскій подлинникъ, вышедшій безъ участія Будзинскаго. Сообщникомъ въ изобрѣтеніи подлинника, былъ, по всей вѣроятности, Симонъ Будный,

¹⁾ Что Будзинскій былъ способенъ на обманъ или потворство обману напр. въ видѣ искаженія документовъ, даже такихъ, какъ письма,—это видно изъ того, что польскіе кальвинисты заподозрѣвали вѣрность текста писемъ кальвинитскихъ учителей, принесенныхъ имъ Сигизмунду Августу вмѣстѣ съ письмомъ отъ Лисманина, въ посольской миссіи котораго участвовалъ Будзинскій. Кальвинисты заподозрѣвали именно то, что говорилось въ этихъ письмахъ въ пользу Лисманина. Это даетъ понять Ст. Любенецкій, защищающій текстъ писемъ, помѣщенныхъ у Будзинскаго.

давній товарищъ Андрея, давній знакомецъ Будзинскаго, первый авторъ сектантскихъ изданій на русскомъ языкѣ въ видахъ пропаганды секты среди русскихъ, наконецъ—человѣкъ способный на обманъ въ этихъ видахъ. Онъ, какъ сказано, былъ на скрынскомъ соборѣ, на которомъ, по всей вѣроятности, и сообщенъ Андреемъ Будзинскому польскій переводъ письма. Онъ-то конечно привлекъ и послѣдняго къ тому соучастиеству въ дѣлѣ подлога, о которомъ сказано выше. На нѣкоторые признаки соучастичества въ подлогѣ со стороны Буднаго и Будзинскаго мы еще укажемъ. Тѣмъ не менѣе инициатива подлога принадлежала безъ сомнѣнія самому Андрею, которому исключительно приписываютъ антитринитаріанскіе источники открытіе письма, понимаемое нами, какъ авторство. Поэтому въ характерѣ этого изданія долженъ былъ прежде всего отразиться самъ художникъ съ тѣми или другими чертами, воспоминаніями или тенденціями своей сектантской карьеры. Итакъ что выражаетъ собою письмо, въ чемъ состояла тенденція или цѣль подлога?

2) *Цѣль подлога* обозначается уже въ самой постановкѣ или подкладкѣ его. Такою подкладкою служило для автора лѣтописное сказаніе о посольствѣ Владиміра для испытанія вѣры, послѣдствіемъ котораго было предпочтеніе греческой вѣры всѣмъ другимъ. Какъ сектантъ изъ русскихъ и безъ сомнѣнія человѣкъ книжный Козма—Андрей зналъ цѣну этого сказанія для православныхъ русскихъ книжниковъ, зналъ цѣну народнаго преданія русскихъ, что они держатъ ту греческую вѣру, какую наслѣдовали отъ предковъ, крестившихся при св. Владимірѣ. Съ проявленіями такого вѣрованія русскихъ Андрей могъ встрѣчаться нерѣдко. Такъ православные той мѣстности въ Литовской Руси и точнѣе Вѣлоруссіи, гдѣ впервые основа-

лась «Еоодосіева чадь», въ своемъ письмѣ къ Зиновію Отенскому горько жалуются, что люди изъ этой чади хотятъ разрушить ту вѣру, которую они держатъ отъ отцевъ со времени св. Владиміра. Безъ сомнѣнія, тоже говорили эти православные и самимъ еоодосіанамъ. Какъ бывшій еоодосіанинъ, Андрей слышалъ такіе отвѣты православныхъ, могъ слышать ихъ и въ другихъ мѣстахъ Западной и Галицкой Руси, при попыткахъ своей сектанской проповѣди въ этихъ мѣстахъ. И вотъ онъ затѣялъ найти т. е. создать сильный документъ противъ такого общаго и крѣпкаго вѣрованія православныхъ русскихъ, но дать ему однородную историческую подставку, привязать его къ лѣтописному сказанію, сложившемуся въ народное преданіе. Онъ поступаетъ такъ, какъ поступали древніе еретники, вырабатывавшіе свои тенденціозные апокрифы въ видѣ евангелій, сказаній, посланій и т. под., приуроченныхъ къ лицамъ и событіямъ евангельской и начальной церковной исторіи, апокрифы, имѣвшіе своихъ не только читателей, но и воспроизводителей и поддѣльчиковъ и въ средѣ русскихъ книжниковъ, современныхъ Андрею. Самое лѣтописное сказаніе о посольствѣ Владиміра подвергалось у этихъ книжниковъ нѣкоторымъ передѣлкамъ, разбавлялось кое-какими тенденціозными приставками, параллелями. Такъ напр. въ Стенной книгѣ и Никонской лѣтописи въ параллель къ этому сказанію приставлены сказанія или извѣстія о послѣ Владиміра, Маркѣ философѣ македонянинѣ къ Волжскимъ болгарамъ, о послахъ отправленныхъ имъ въ 1001 году въ Римъ, Константинополь, Александрію, Антиохію, Іерусалимъ для обозрѣнія церквей и церковнаго быта тамошнихъ христіанъ. Подобными прибавками или вариациями довольно изобилуетъ хроника Андреева современника Стрыйковскаго, и онѣ конечно были заимствованы имъ изъ русскихъ лѣтописей, списки которыхъ имѣлись у него въ

большемъ числѣ и собирались имъ между прочимъ и въ Бѣлоруссіи, родинѣ Андрея. Въ частности рассказывая о посольствѣ Владиміра для испытанія вѣры, Стрыйковскій говоритъ, что *однихъ* пословъ Владиміръ послалъ въ Булгарію, *другихъ* въ Римъ, *иныхъ* къ Нѣмцамъ, *еще иныхъ* въ Африку, *Египетъ* и Скнію, и что послы эти, обойдя всѣ эти страны и осмотрѣвъ тамошніе народы, вѣры и обряды, прибыли наконецъ въ Константинополь, гдѣ плѣнились вѣрою и обрядами Грековъ, а возвратясь въ отечество восхвалили ее своему князю. Не трудно было послѣ этого и книжнику изъ русскихъ антитринитаріевъ сочинить свою приставку къ лѣтописному сказанію, но не съ тою невинною цѣлію, съ какою это дѣлали другіе, а съ цѣлію подорвать основную мысль сказанія, направить свою выдумку противъ той греческой вѣры, которую, по сказанію, единогласно восхвалили всѣ послы Владиміра, и въ защиту той вѣры, которой держался теперь авторъ выдумки. Онъ сочиняетъ посла владимірова, даетъ ему имя и прозваніе что, при неизвѣстности имени пословъ Владиміра, должно было придать интересъ открытію автора. Это Иванъ или Иванецъ Смера Половецъ, врачъ и риторъ князя. Имя Ивана взято, какъ самое ходячее между русскими; а уменьшительное *Иванецъ* обнаруживаетъ какъ бы подражаніе уменьшительнымъ именамъ, какими подписывались даже бояре въ своихъ отпискахъ къ царямъ русскимъ. *Половецъ* взято конечно отъ половецъ лѣтописи, хотя и безъ справки о времени появленія ихъ въ лѣтописи. Фамилія *Смера* идетъ къ этому послу, какъ лицу инородческаго происхожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы отзывается жидовствомъ, сочувствіе которому естественно въ авторѣ письма, какъ антитринитаріѣ изъ полужидовствующихъ. Профессіей врача и ритора дается намекъ на предпочтительную предъ другими разумность этого посла, а въ частности профессія врача создана для посла быть можетъ подъ влія-

нием того наблюдения, что въ числѣ видныхъ представителей антиринитаріанской секты были врачи, каковъ особенно Ю. Бландрата, славившійся тогда въ Польшѣ, Литвѣ и Трансильваніи, или даже тотъ аптекаръ Матеей, который былъ первымъ учителемъ Башкина ¹⁾). Половецъ, обойдя разныя страны, достигаеъ Александріи, гдѣ и остается, приставъ къ открытымъ имъ здѣсь наилучшимъ и отличнымъ отъ прочихъ грековъ христіанамъ, и откуда пишетъ письмо къ Владиміру. Нетрудно было автору завезти сюда своего Половца послѣ того, какъ сюда заводили пословъ Владиміра и другіе русскіе книжники. Но Александрія выбрана вѣроятно еще и какъ родина аріанъ, которымъ сочувствовали книжные антиринитаріи, находя сходство, хотя и неполное, въ ученіи ихъ съ ученіемъ своей секты. Не думая возвращаться изъ Александріи къ Владиміру, имѣвшему, по несчастію, принять вѣру грековъ, Половецъ однакоже горько сожалѣетъ о своей разлукѣ съ княземъ, съ русскою землею, о невозможности возвратиться на родину. Въ этомъ мотивѣ отразилось быть можетъ собственное настроеніе автора письма, тосковавшаго по покинутой родинѣ, возвратъ

¹⁾ Итальянецъ Юрій Бландрата, прославившійся и какъ врачъ и какъ антиринитаріанскій учитель, отъ преслѣдованій на родинѣ бѣжалъ въ Женеву, откуда, преслѣдуемый Кальвиномъ, бѣжалъ въ Польшу (въ 1558 г.) и Литву; преслѣдуемый Кальвиномъ и здѣсь, онъ въ 1573 г. удалился въ Трансильванію къ князю Іоанну Сигизмунду Баторію, отъ котораго перешелъ потомъ къ Стефану Баторію. У Баторіевъ онъ былъ не только врачомъ, но совѣтникомъ и другомъ и пользовался такимъ положеніемъ для пропаганды своихъ антиринитаріанскихъ идей. Вообще тогда не мало было ересеучителей, дѣлавшихъ себяъ врачомъ профессіей карьеру и обращающихъ ее въ средство пропаганды своего ученія. Евреи также пробивались къ двору Сигизмунда Августа преимущественно врачомъ профессією. Въ виду подобныхъ примѣровъ, авторъ письма задумалъ дать и Владиміру придворнаго врача и вмѣстѣ проповѣдника своихъ антиринитаріанско-жидовскихъ ученій.

въ которую закрыть былъ для него, какъ отвергнутаго ею, прогнаннаго изъ нея ересеучителя. Но не въ состояніи будучи лично прибыть и дать отчетъ Владиміру о своей миссіи, посолъ исполняетъ этотъ долгъ чрезъ письмо. Въ этой чертѣ посольской миссіи Половца антиринитаріанскіе писатели видятъ аналогію ея съ посольскою миссією извѣстнаго намъ Лисманини, одного изъ начальныхъ учителей антиринитаріанской секты. Отправленный королемъ Сигизмундомъ Августомъ въ званіи посла для испытія ученій и учреждений новыхъ религіозныхъ обществъ запада, Лисманини не хотѣлъ возвратиться къ королю, а прислалъ ему отчетъ о своей миссіи въ письмѣ. Ст. Любенецкій, рассказывая объ этомъ посольствѣ Лисманини, и именно по поводу его сообщаетъ и о посольствѣ Половца Смеры, проводя аналогію между нимъ и Лисманини. Такъ какъ Любенецкій въ своей исторіи пользовался по преимуществу Будзинскимъ, то вѣроятно у него онъ нашелъ и указаніе на эту аналогію, которая могла тѣмъ болѣе интересовать Будзинскаго, что онъ самъ участвовалъ въ посольствѣ Лисманини. Это еще не значитъ, чтобы Будзинскій внушилъ автору письма Половца самую мысль—придать послѣднему нѣчто аналогическое съ миссією Лисманини. Но это объясняетъ, почему выдумка Андрея, случайно представившая нѣкоторое сходство съ дѣйствительнымъ событіемъ изъ недавней исторіи секты, въ которомъ видную роль занималъ самъ Будзинскій, найдена послѣднимъ весьма удачною и принята имъ подъ свою защиту и занесена въ исторію секты, какъ *res digna lectu*. Что касается до подлинника письма, его 12 мѣдныхъ досокъ и желѣзныхъ буквъ, его fac-simile, состоящаго изъ значковъ, похожихъ на греческія буквы, его сложной даты, то выдумки эти изобличаютъ или собственное невѣжество выдумщика, или скорѣе-разсчетъ на невѣжество другихъ. По всей вѣроятности онъ—дѣло Буднаго, признавае-

маго нами соучастникомъ подлога. Касательно даты слѣдуетъ замѣтить, что ею никакъ нельзя опредѣлить года ни посольства Половца, ни письма его. Между тѣмъ годы эти показываются у антитринитаріанскихъ писателей. Любенецкій показываетъ годъ посольства—980, а Будзинскій годъ письма 990 г. Годы эти вѣроятно стояли въ начальной русской редакціи письма, какъ оно вышло изъ рукъ Андрея и поставлены послѣднимъ приспособительно къ годамъ лѣтописнаго сказанія о Владимірѣ и его послахъ: упомянутой же сложной и мудреной даты въ этой начальной редакціи не существовало ¹⁾. Отсюда можно далѣе заключать, что издѣліе Козмы—Андрея въ начальной редакціи своей имѣло видъ лѣтописнаго отрывка, сказанія, главную часть котораго составляло письмо. Намекъ на это можно видѣть у Любенецкаго, который не говоритъ о мѣдныхъ доскахъ и т. под., а выражается, что о посольствѣ Половца *geregimus in scriniis Annalium Russiae* ²⁾. Можетъ быть у него былъ такой списокъ письма, который представлялся въ видѣ отрывка, извлеченія изъ русской лѣтописи. Наконецъ мѣсто находки письма—русская церковь Спасителя въ области перемышльской, неподалеку отъ древняго Самбора, гдѣ лежитъ славный князь Левъ, взято едва ли только на удачу. Очень вѣроятно, что въ клирѣ этой церкви авторъ подлога имѣлъ сообщниковъ, на которыхъ могъ ссылаться, какъ на свидѣтелей своей находки. Нахожденіе письма такъ сказать близъ гроба славнаго князя Галицкой Руси должно было означать, что письмо въ свое время дошло по назначенію, храни-

¹⁾ Въ числѣ цифръ даты стоятъ *иды*, которыя едва ли могли быть извѣстны и понятны русскому книжнику начетнику изъ діаконовъ, но были извѣстны и понятны ученому Будному. Поддѣлка fac-simile подъ греческое письмо также доступнѣе была послѣднему, знавшему греческій языкъ.

²⁾ Свидѣтельство Любенецкаго, часто упоминаемое здѣсь, будетъ приведено дѣлькомъ нѣсколько ниже.

лось у одного изъ княжескихъ родовъ Владимірова потомства, какъ цѣнный памятникъ, какимъ сочинитель хочетъ представить его и теперь для православныхъ прежде всего этой области, потомъ вообще для русскихъ.

Далѣе цѣль письма ясно и рѣзко обозначается цѣлымъ *содержаніемъ* его. Помѣстивъ это письмо въ полномъ переводѣ въ началѣ настоящей статьи, ограничимся здѣсь указаніемъ на главныя характеристическія черты его. Это:

а) *Описаніе грековъ*, ихъ царей и патріарховъ, ихъ вѣры, обрядовъ, нравовъ, *проникнутое крайнею неприязнью* къ нимъ. Оно какъ бы направлено противъ того восторженнаго отзыва Владиміровыхъ пословъ о вѣрѣ и богослуженіи грековъ, о которомъ передаетъ лѣтопись. Но крайнее раздраженіе автора письма противъ грековъ должно было имѣть ближайшіе и весьма чувствительные поводы. Оно относилось не къ отдаленнымъ грекамъ, а къ современникамъ, православнымъ русскимъ, называвшимъ себя христианами греческой вѣры. Оно сложилось у Козмы—Андрея подъ вліяніемъ испытанныхъ имъ неудачъ и опасностей своей еретической пропаганды среди русскихъ, а также воспоминаній о неудачахъ и бѣдахъ, испытанныхъ въ Москвѣ и Бѣлоруссіи бывшими сообщниками его Θεодосіанами. Частныя черты описанія грековъ во многомъ напоминаютъ выраженія Θεодосіанъ о православной церкви, ея пастыряхъ, уставахъ, обрядахъ, бытъ можетъ усвоенныя Козмою, когда онъ былъ въ средѣ Θεодосіанъ, хотя впрочемъ и самъ способенъ былъ на такія выраженія, какъ русской антитринитарій. Греки называютъ себя истиннымъ Израилемъ, истинными христианами, но они оставили ученіе всемогущаго Бога и подлинное толкованіе его (ученія), скрываютъ истину отъ христианъ, или ложь выдаютъ за истину, вообще эти люди лукавыя, лживыя, обманщики. Удерживая христианъ въ невѣдѣніи истиннаго ученія, они вмѣстѣ съ тѣмъ угнетаютъ ихъ да-

нами, неволей, богатятся, роскошничаютъ на счетъ ихъ, да еще принуждаютъ ихъ къ своей вѣрѣ и служенію, запрещаютъ имъ жениться и употреблять пищу по своему произволу. Всего рельефнѣе, и притомъ въ крайне глумливомъ тонѣ, описывается богослуженіе грековъ, имѣющихъ роскошныя идольскія божницы, гдѣ совершается идольское служеніе съ почитаніемъ мертвыхъ, ихъ образовъ, съ кажденіями свѣчами, съ топаніемъ ногами, съ шумнымъ, разноголоснымъ пѣніемъ на подобіе музыки, съ яственными приношеніями, обжорствомъ. Особенно это бываетъ въ нарочитые дни, огражденные, какъ и самыя божницы, привиллегіями на вѣчность, — въ какіе дни они чинятъ также и судъ надъ христіанами, однихъ награждая, другихъ наказывая 1).

1) Припоминаемъ здѣсь эти черты описанія, чтобы выяснитъ хоть нѣкоторыя изъ нихъ, менѣе ясныя, какъ то: а) порицаніе грековъ за то, что они *воспрепятствуютъ жениться* тѣмъ христіанамъ, какихъ видаль Половецъ; это какъ бы отвѣтъ православныхъ на осужденіе съ ихъ стороны тѣхъ сектантовъ, которые, бывъ монахами въ православіи, потомъ женились по переходѣ въ секту, какъ то сдѣлали напр. Косой и Игнатій, за что и обличалъ кого-то изъ нихъ Артемій. Впрочемъ изъ одного посланія Артемія видно, что были между православными люди, вообще порицавшіе бракъ. „А понеже слышахъ отъ васъ, пишетъ онъ какому-то брату, яко нѣцыи хулятъ бракъ, узаконенный отъ Бога; а сіе отъ многого невѣденія глаголютъ“; б) *яственные приношенія и обжорство*, соединенныя съ греческимъ богослуженіемъ, — это, конечно, намекъ на праздничныя трапезы, монастырскія, братчинныя и под.; в) *разноголосное пѣніе, на подобіе музыки*. У Θεодосіанъ были какіе то споры съ православными по вопросу о церковномъ пѣніи, какъ видно изъ Зиновія; но пѣніе *разноголосное*, похожее на музыку авторъ письма могъ слышать скорѣе въ западной Руси, по подражанію пѣнію католическому. Въ Львовскомъ братствѣ была даже попытка завести музыку, хотя впрочемъ извѣстіе объ этомъ относится уже къ концу XVI в. Сектанты разныхъ фракцій предпочитали вообще простое и строгое пѣніе; г) *топаніе ногами*: это, вѣроятно, намекъ на поклонныя и колѣнопреклоненія, надъ которыми смѣялись и Θεодосіане, которыхъ и вообще не любили сектанты; д) *привиллегіи храмамъ и праздничнымъ днямъ на вѣчность*; это, надо долагать, церковныя опредѣленія касательно храмовъ и праздниковъ, пожалованія, къ нимъ приуроченныя, можетъ быть и католическія индульгенціи, примѣшанныя сюда авторомъ — западно-русомъ; е) *судъ въ нарочитые церковные дни, сопровождаемый наградами однихъ,*

б) *Описаніе какихъ-то совершеннѣйшихъ христіанъ, найденныхъ Половецемъ, который и самъ вступилъ въ ихъ общество*. Антитринитаріанскіе писатели, какъ Будзинскій и Любенецкій, говорятъ, что описанные Половецемъ христіане во всемъ похожи на христіанъ ихъ церкви т. е. антитринитаріевъ. И дѣйствительно въ христіанахъ Половца авторъ письма видимо хотѣлъ представить современныхъ ему антитринитаріевъ. Онъ называетъ ихъ *богословами*, также *новымъ, святымъ израилемъ*: эти названія любили придавать себѣ антитринитаріи, въ томъ числѣ и наши Θεодосіане хотя впрочемъ эти послѣдніе непривычныя къ ученому термину *богословы*, обычному у литовско-польскихъ антитринитаріевъ, называли себя вообще духовными, разумными учителями. Христіане Половца содержатъ ученіе о Богѣ всемогущемъ, Единородномъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ Назарянинѣ и Духѣ Святомъ, исходящемъ отъ того же Бога и имѣютъ крещеніе во имя Бога всемогущаго, Сына Его и Духа Святаго. Но это не противорѣчитъ антитринитаріанству этихъ христіанъ. Ибо антитринитаріи не чуждались этихъ библейскихъ наименованій лицъ Св. Троицы, только давали имъ свой смыслъ. Не допускали они только слова *Троицы*, котораго дѣйствительно и нѣтъ въ письмѣ. Имѣли они и крещеніе, болѣею частію анабаптистическое, которое защищаль и Будный. При томъ настойчивое (въ трехъ мѣстахъ) повтореніе въ письмѣ именъ лицъ Св. Троицы служитъ признакомъ, что оно писано подъ впечатлѣніемъ скринскаго собора, на которомъ именно постановлено было сохранить эти библейскія имена. Подобнымъ же признакомъ служитъ выраженіе письма о зачатіи и рожденіи Іисуса Назарянина, —

наказаніями другимъ. Церковные суды могли приурочиваться къ днямъ воскреснымъ и праздничнымъ или слѣдовавшимъ за ними. Это же мы видимъ въ судахъ церковныхъ братствъ западной Руси.

нина отъ чистой Дѣвы, согласно древнимъ обѣтованіямъ, о какомъ предметѣ тоже разсуждали на скрынскомъ соборѣ. Толкованіемъ этого пророческаго обѣтованія занимался и товарищъ Андрея Будный, конечно толкуя его въ духѣ ученія секты, какъ изобличалъ его въ томъ Артемій. Стоять замѣчанія еще слѣд. черты ученія половцевыхъ христіанъ. Это ученіе объ Иисусѣ Христѣ преимущественно какъ о царѣ, выражаемое намѣреннымъ повтореніемъ пророческихъ выраженій о Немъ: *Богъ крѣпкій, Отецъ будущаго вѣка, объявленный отъ Бога израилева царемъ и судією міра.* Этими выраженіями любили цитироваться особенно антитринитаріи партіи полуидеюствующихъ, находя въ нихъ опору для своихъ полуидейскихъ представленій о царствѣ Мессіи. А къ этой именно партіи принадлежали Андрей, Будзинскій и Будный. Далѣе, въ письмѣ защищается право христіанъ пользоваться свободными искусствами и оружіемъ. Первое право могъ защищать всякій антитринитарій; по своему защищали его и Θεодосіане, укоряя епископовъ и духовныхъ господствующей церкви за то, что они только за собой признаютъ право учить, что свободное изученіе слова Божія, книгъ священныхъ называютъ ересію. На это жаловался даже бывшій учитель Θεодосія Артемій, жаловался и Курбскій. Но защищать право оружія (т. е. дозволенность христіанамъ нести военную службу, воинскія должности) не могли ни Θεодосіане, ни даже большинство польскихъ антитринитаріевъ, современныхъ Андрею. За то съ особенною настойчивостію защищали его антитринитаріи партіи полуидеюствующихъ или эвѣнитско-литовской и всего болѣе—Будный, глава этой партіи въ Литвѣ. Итакъ этой чертой своего ученія, приписанной половцевымъ христіанамъ, авторъ письма выдаетъ въ себѣ сторонника Буднаго и его партіи, тѣмъ болѣе, что видимо старается усилить защиту этого спорнаго у самихъ антитринитаріевъ пункта ученія. Наконецъ за-

мѣчаніе о молитвенныхъ домахъ у половцевыхъ христіанъ, въ которыхъ нѣтъ идоловъ, а только столы и скамьи, о ихъ собраніяхъ, бывающихъ ежедневно для поученій, а для молитвы—предъ восходомъ и по закатѣ солнца, иногда также въ третій и девятый часы дня,—даетъ представленіе о порядкахъ, какіе стремилась завести у себя нововозникающая секта антитринитаріевъ. Это, вѣроятно, тѣ «порядки нашей церкви», которыми хвалился Будный въ письмѣ къ Артемію. Само собою понятно, что съ нравственной стороны половцевы христіане, какъ прототины антитринитаріевъ, представляются въ письмѣ людьми совершеннѣйшими, какъ ангелы Божіи; особенно любятъ они миръ и тишину, составляя въ этомъ отношеніи совершенный контрастъ съ греками. Извѣстно, что почти всѣ сектанты, до нашихъ штундистовъ включительно, находятъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, возможность выставять свое превосходство съ этой т. е. нравственной стороны предъ христіанами господствующей церкви; почти всѣ они въ этомъ отношеніи любятъ приравнивать себя къ христіанамъ первенствующей церкви. Антитринитаріи и родственные имъ анабаптисты, меннониты обольщались подобнымъ представленіемъ о себѣ еще болѣе, чѣмъ другіе сектанты. Но свое описаніе открытыхъ имъ чудныхъ христіанъ Половецъ постоянно прерываетъ жалостію о тяжкихъ гоненіяхъ, которыя они испытываютъ отъ грековъ, слѣдующихъ въ этомъ отношеніи обычаю римской церкви. Отъ тяжести этихъ гоненій бѣдныя тѣ христіане спасаются бѣгствомъ, укрываются въ горахъ, лѣсахъ, пустыняхъ, пропастяхъ. Безъ сомнѣнія эти жалобы на гоненія высказываются въ письмѣ преимущественно отъ имени русскихъ антитринитаріевъ, терпѣвшихъ ихъ отъ своихъ же—православныхъ русскихъ. Могутъ разумѣться здѣсь гоненія, постигшія Θεодосіанъ въ Москвѣ, грозившія имъ въ Бѣлоруссіи, гоненія, испытанныя и самимъ авторомъ письма, которыя

могли раздѣлять съ нимъ и какіе либо изъ его литовско-русскихъ сообщниковъ. Польскіе антитринитаріи, хотя также подпали гоненіямъ, но не отъ грековъ т. е. не отъ православныхъ и притомъ не въ такой степени, какъ то успѣли уже испытать первые русскіе антитринитаріи.

Спасаясь отъ гоненій въ укрытыхъ мѣстахъ половцеры христіане пророчествуютъ. Отсюда в) пророчества, какъ третья главная часть письма Половца. Это пророчества, во первыхъ, о грекахъ, ихъ погибели вѣчной и временной, позорѣ и безславіи, имѣющихъ постичь ихъ и ихъ *идоловъ*. Пророчества о грекахъ пускались въ дѣло у современныхъ Андрею книжниковъ полемистовъ разнаго направленія, толкуемыя сообразно съ точкою зрѣнія каждаго изъ нихъ. Были и у московскихъ книжниковъ такія пророчества (напр. въ видѣ пророчества о трехъ Римахъ и под.), были и у католическихъ, напр. у іезуита Скарги, собравшаго ихъ нѣсколько въ своей книгѣ о единствѣ церкви Божіей и греческомъ отступленіи отъ этого единства, изд. въ 1577 г. Пророчествуетъ и нашъ книжникъ антитринитарій. О грекахъ, ихъ погибели, пророчествовать было удобно, потому что легко было указать на исполненіе пророчества въ бѣдственной судьбѣ грековъ, хотя Андрей прикидывается, что разумѣетъ не столько внѣшнюю, временную гибель грековъ, сколько духовную, вѣчную, на которую впрочемъ налегали и католическіе пророки относительно грековъ.

б) Второе пророчество—о тѣхъ, которые усвоятъ обычаи грековъ и подобно имъ также будутъ постигнуты позоромъ, безславіемъ вмѣстѣ съ своими идолами. Эта, конечно, угроза русскимъ православнымъ времени составителя письма. Скарга также грозилъ православнымъ западной Руси участію грековъ, если они не отстанутъ отъ послѣднихъ, не разстанутся съ греческою схизою. Вообще эти первыя два пророчества понятны сами собою.

в) Третье пророчество—о возстаніи въ послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа людей—судей и обличителей грековъ, которыхъ они будутъ называть *исами*, сочинителями *басенъ*, лжецами, обманщиками и под. Это еще первые судьи—обличители (ниже будетъ рѣчь о другихъ). Полагаемъ, что здѣсь разумѣются сектанты именно московско-бѣлорусской группы или Θεодосіане. Ибо у этихъ то грубыхъ людей типическимъ выраженіемъ о православныхъ было—*исы*, о православныхъ пастыряхъ, учителяхъ, даже св. отцахъ—сочинители *басенъ*. Они же для Андрея были *первыми*, выступившими съ обличеніями противъ греческой вѣры, ибо у нихъ онъ впервые сталъ сектантомъ антитринитаріемъ. Однакоже эти первые судьи грековъ и сами не избѣгнутъ большихъ опасностей по причинѣ постыднаго раздора и нечестивой гордости. Такой упрекъ и такая угроза могли быть обращены съ точки зрѣнія Андрея именно Θεодосіанамъ. Принадлежитъ прежде самъ къ группѣ ихъ, онъ видѣлъ, что она не осталась такою, какъ была, что на его глазахъ произошли въ ней раздѣленія, отпаденія; изъ нея вышли даже противники антитринитаріевъ, въ числѣ ихъ и Андрея. Къ группѣ Θεодосіанъ онъ конечно причислялъ и Артемія, какъ въ началѣ причисляли его и сами православные въ Москвѣ и Бѣлоруссіи, какъ отчасти причислялъ себя и самъ Артемій ¹⁾. Но этотъ же Артемій явился потомъ сильнѣйшимъ противникомъ еретиковъ, обличалъ самаго Буднаго и Андрея. Надо вообще полагать, что между бѣлорусскими сообщниками Θεодосіанъ были такіе, которые подъ вліяніемъ увѣщаній Зиновія и Артемія, не только возвратились въ православіе, но и вооружались противъ бывшихъ сообщниковъ. Другіе же изъ бѣлорусскихъ Θεодосіанъ, отвернувшись отъ анти-

¹⁾ Вспомнимъ посланіе Артемія „къ возлюбленному брату и сообщнику во всѣхъ страданіяхъ, писанное къ Θεодосію Косому или Игнатію уже въ Литвѣ,

тринитаріанства отошли къ кальвинизму. Таковъ былъ Тома, кальвинскій пасторъ въ Полоцкѣ; таковы были вообще сектанты полоцкой и витебской общинъ, образовавшихся здѣсь изъ бывшихъ Θεодосіянъ. Андрей, какъ было упомянуто, пытался утвердить антитринитаріанство въ послѣдней изъ нихъ, являсь сюда въ 1563—4 г. изъ Вильны съ посланіемъ отъ антитринитаріевъ и проповѣдью, но потерпѣлъ поражение, признанный богохульникомъ и православными и кальвинистами. Все это достаточные для него поводы упрекать бывшихъ сообщниковъ своихъ въ гордости, въ раздорѣ, въ измѣнѣ своему начальному призванію, въ качествѣ антитринитаріевъ, какими они, по взгляду Андрея, были, но не остались ¹⁾. За это онъ и предвѣщаетъ имъ большія опасности, бѣды. Такое предвѣщаніе должно было опираться на какія либо явленія современной дѣйствительности, чтобы быть оправданнымъ. И конечно Андрей имѣлъ ихъ въ виду. Вѣроятно намекалъ онъ на бѣдствія постигшія полоцкихъ сектантовъ, по взятіи Полоцка Грознымъ, когда самъ пасторъ ихъ Тома былъ утопленъ, а прочіе, если не погибли, то должны были разсѣяться. Можетъ быть, онъ намекалъ также на то разореніе Витебска, которое упоминается у Курбскаго, и желаетъ выставить это разореніе наказаніемъ за бывшее предъ тѣмъ изгнаніе Θεодосіянъ изъ этого города. Онъ грозитъ подобными бѣдствіями и тѣмъ бывшимъ сообщникамъ его въ Витебскѣ, у которыхъ онъ потерпѣлъ неудачу съ своею антитринитаріанскою проповѣдью въ 1563—4 г. Вообще упреки и угрозы Андрея первымъ судьямъ

¹⁾ Едвали впрочемъ остался Андрей въ полномъ ладу и съ тѣми Θεодосіянами, которые удержались при антитринитаріанствѣ, каковы особенно Θεодосій Косой и Игнатій. Ибо эти ересеучители были въ своихъ мнѣніяхъ рѣзче, распущеннѣе, такъ сказать, наглѣе всѣхъ другихъ антитринитаріевъ, даже—той крайней партіи ихъ, къ которой принадлежали Будный, Будзньскій, а съ ними Андрей.

и обличителямъ грековъ изъ послѣдняго славянскаго поколѣнія могутъ означать, что онъ въ данную пору уже разочаровался въ надеждахъ на успѣхи секты среди первыхъ сообщниковъ своихъ русскихъ вольнодумцевъ московско-бѣлорусской группы, и переносилъ эти надежды на сектантовъ той литовско-польской среды, къ которой теперь принадлежалъ.

г). Къ нимъ-то относится слѣдующее четвертое пророчество. Это пророчество о нѣкоторыхъ избраннѣйшихъ, кроткихъ сердцемъ исповѣдниковъ Бога израилева, имѣющихъ возникнуть въ томъ же послѣднемъ славянскомъ поколѣніи. Они, по призванію отъ всемогущаго, ради Сына Его, дѣйствіемъ Св. Духа обратятся къ *ислѣдованію всѣхъ писаній* себѣ во спасеніе. Путь ихъ будетъ тяжелъ среди богатыхъ грековъ и другихъ одноправныхъ съ ними людей. Но гонители скоро увидятъ свой позоръ и гибель и идолы ихъ войдутъ въ притчу у чужихъ народовъ. А судьба гонимыхъ измѣнится къ лучшему. Ибо въ лицѣ ихъ послѣднее поколѣніе славянскаго народа *соединится* съ великою ревностію для похвалы и исповѣданія единаго Бога израилева, который *освободитъ* свой вѣрующій народъ отъ грѣховъ его послушаніемъ Сына и дѣйствіемъ Св. Духа. Пророчество это, представляется намъ, писано подъ свѣжими впечатлѣніями отъ скрынскаго собора. Ибо на этомъ многочисленномъ соборѣ, на которомъ однихъ пасторовъ и знатныхъ патроновъ было до 110 лицъ собравшихся изъ Польши и Литвы, антитринитаріи стремились именно *объединиться* въ особое общество, слиться въ одну секту, понимая это объединеніе какъ въ смыслѣ внѣшняго единства или связи между членами своей секты разныхъ мѣстностей Литвы и Польши, такъ и въ смыслѣ внутренняго единства, примиренія разностей въ ученіи двухъ главныхъ партій секты—умѣренной и крайней; съ послѣднею цѣлію между представителями обѣихъ партій происходили длинныя пренія, во время которыхъ, по словамъ

Будзинскаго, не осталось почти ни одного мѣста, какъ изъ ветхаго такъ изъ новаго завѣта, котораго бы одна сторона не указала другой при изслѣдованіи предмета прѣвнй *)». Правда, стороны не пришли къ соглашенію мнѣній, но, какъ мы уже замѣтили выше въ обзорѣ исторіи польскаго антитринитаріанства, постановлено не нарушать братской любви изъ за разности мнѣній и, продолжая изслѣдованіе спорнаго предмета въ сочиненіяхъ, избѣгать обидныхъ и непріязненныхъ выраженій и т. под., подъ угрозой отвѣта предъ судомъ Божиимъ. Съ этою же цѣлью предоставлено держаться библейскихъ выраженій о Св. Троицѣ, а между тѣмъ въ интересѣ богословскихъ изслѣдованій, предстоящихъ сеетантамъ, заняться изправленіемъ и изданіемъ *всей библии* на польскомъ языкѣ, что, какъ мы знаемъ, принялъ на себя Будзинскій. Къ этимъ то явленіямъ, имѣвшимъ мѣсто на скрынскомъ соборѣ, относятся намеки пророчества *о соединеніи избранныхъ исповѣдниковъ Бога израилева, обращеніи ихъ къ изслѣдованію вѣрхъ писаній закона*. О встрѣчающемся въ этомъ пророчествѣ намѣренномъ употребленіи библейскихъ именъ Св. Троицы, мы уже говорили. За тѣмъ—выраженіе—*освободитъ свой върующій на-*

*) Будзинскій исчисляетъ слѣдующихъ коллюкуторовъ или ораторовъ той и другой партіи, избранныхъ для веденія преній,—партія умѣренныхъ, учившихъ, что Слово Божіе или Сынъ Божій существовалъ ante Matrem и со Отцемъ создалъ небо и землю, т. е. приближалась къ ученію древнихъ аریانъ, избрала ораторами: Яна Казановскаго, Фарновскаго, Яна Нѣмюевскаго, Мартина Чеховича, Николая Житнаго, Данила Вѣлинскаго, а нотаріями—Лаврентія Крышковскаго и Оому Свежловскаго. Партія крайнихъ, учившая, что Сынъ Божій не существовалъ до созданія міра, а получилъ начало свое временно т. е. при жизни Іоанна Крестителя и Іоанна Евангелиста, въ правленіе римскаго императора Августа, избрала ораторами: Георгія Шомана, Георгія Паули, Яна Секуринія, Матеія Альбина, Яна Бабтиста изъ Литвы, Мартина Кривицкаго, *Симона Буднаго* и Якова Калиновскаго, а нотаріями Альберга Кослянскаго и Станислава Будзинскаго. См. Lubienicci—Historia Reformationis. Lib. III. c. 8. p. 218 Freistadii. 1685.

родъ отъ грѣховъ ихъ, напоминаетъ Буднаго автору сочиненія: *объ оправданіи грѣшнаго человека предъ Богомъ*, какимъ вопросомъ онъ занимался предпочтительно предъ другими антитринитаріанскими богословами. Наконецъ выраженіе пророчества объ изображаемыхъ имъ исповѣдникахъ, что *путь ихъ будетъ тяжекъ посреди грековъ и одноправныхъ съ ними людей* намекаетъ ближайшимъ образомъ на затрудненія и опасности, какія уже пришлось вынести нѣкоторымъ изъ главныхъ дѣятелей собора, самъ предсѣдатель котораго, патронъ Будзинскаго, Филиповскій едва не подпалъ смертной казни по настоянію кальвинистовъ. Въ соединеніи антитринитаріевъ на соборѣ авторъ пророчества уже видѣлъ для нихъ залогъ перемѣны къ лучшему, ибо, скрѣпивъ союзомъ свои силы, они надѣялись смѣлѣе и успѣшнѣе бороться съ другими христіанскими исповѣданіями въ Польшѣ и Литвѣ, при поддержкѣ со стороны знатныхъ пановъ—патроновъ секты; тутъ то они могли задаваться мыслию объ истребленіи, по выраженію автора, идолослуженія грековъ и одноправныхъ съ ними людей, какими авторъ, какъ антитринитарій, считалъ не только латинянь, но вѣроятно отчасти и протестантовъ.

д) Но полное торжество описываемыхъ въ пророчествѣ исповѣдниковъ—еще впереди, какъ гласитъ пятое и послѣднее пророчество. Это пророчество Половецъ узналъ уже у *нѣкоторыхъ* христіанъ, избраннѣйшихъ даже изъ среды тѣхъ, *которыхъ* вообще описываетъ; онъ узналъ о немъ также отъ *нѣкоторыхъ изъ іудейскаго народа*, вычиталъ и изъ книгъ послѣдняго. Это пророчество объ имѣющемъ произойти въ послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа *соединеніи* съ христіанами *іудеевъ*, которые вмѣстѣ со всѣми народами познаютъ ученіе Христа, Единороднаго своего и хваля и благословляя Его, получаютъ спасеніе, потому что покорятся волѣ Бога своего. Тогда-то для тѣхъ избранныхъ христіанъ (т. е. чрезъ которыхъ іудей

соединятся съ христіанами) настанетъ время наслѣдовать всякую честь и власть или могущество, какъ то указывается въ древнѣйшихъ писаніяхъ. Здѣсь авторъ письма говоритъ уже, какъ антитринитарій той партіи, къ которой принадлежалъ онъ вмѣстѣ съ Буднымъ и Будзинскимъ, и которая получила у самихъ антитринитаріевъ нѣсколько укорительное названіе полужидовствующихъ. Этѣхъ-то антитринитаріевъ онъ выдѣляетъ здѣсь, какъ избраннѣйшихъ представителей секты, обладающихъ болѣе глубокимъ вѣденіемъ, чѣмъ другіе члены ея. Въ лицѣ Половца, ведущаго религиозныя бесѣды съ іудейскими мудрецами, знакомящагося съ іудейскими книгами, авторъ даетъ намъ представленіе о тѣхъ близкихъ и сочувственныхъ отношеніяхъ къ іудеямъ, которыми вообще отличались антитринитаріи, но болѣе другихъ—антитринитаріи партіи полужидовствующихъ, и которыя безъ сомнѣнія, раздѣлялъ самъ авторъ. Надо сказать, что время, въ которое жилъ онъ, въ Польшѣ и Литвѣ поднялась репутація еврейскихъ ученыхъ. Сигизмундъ Августъ, при терпимости ко всѣмъ христіанскимъ сектантамъ, оказывалъ особенную благосклонность и евреямъ въ Польшѣ, Литвѣ и Руси; съ его времени является здѣсь цѣлая группа ученыхъ евреевъ — богослововъ, астрономовъ, докторовъ Моусеева права, въ особенности лѣкарей. Любимымъ придворнымъ врачомъ короля былъ еврей Соломонъ Ашкенази. При дворѣ друга его Радзивила жилъ славившійся своею ученостію еврей Саулъ Валь. Евреи заводятъ свои школы, даже академію, въ которыя стекалась молодежь еврейская не только изъ Польши и Литвы, но и изъ разныхъ странъ запада, заводятъ свои типографіи, изъ которыхъ выходило немало еврейскихъ изданій и сочиненій. Краковъ, Люблинъ, Познань, Львовъ, отчасти Вильна и Брестъ-Литовскій были центрами научно-литературнаго движенія среди евреевъ. Еврейская интеллигенція, подкрѣпляемая духомъ промышленности, ловкостію

въ услугахъ сильнымъ панамъ и правительству; подняла и общественное положеніе евреевъ. Отмѣнялись стѣснительные для нихъ постановленія, давались привилегіи, которыя, постепенно возрастая, достигли того, что евреи пріобрѣтали права шляхетскія, являлись настоящими панамъ, въ качествѣ арендаторовъ панскихъ имѣній, въ которыхъ они пользовались всѣми правами владѣльца, съ правомъ надъ самыми церквами, съ правомъ казнить смертью крестьянъ. Словомъ начиналось въ Польшѣ, затѣмъ въ Литвѣ и Руси настоящее царство евреевъ, то господство ихъ, которое стало одною изъ причинъ погубившихъ Польшу и ея дѣло въ Литвѣ и Руси. Но если для другихъ еврей были только учеными, лекарями, арендаторами, богачами и т. под., то антитринитаріи надѣялись найти въ нихъ нѣчто болѣе. Надѣялись найти союзниковъ по религиозному ученію, на что мы уже указали выше, говоря о возникновеніи въ антитринитаріанской сектѣ партіи полужидовствующихъ, которая именно и задавалась мечтою о союзѣ антитринитаріанства съ іудействомъ. Эта-то мечта и выражается въ пророчествѣ Половца о соединеніи іудеевъ съ избранными христіанами, имѣющимъ совершиться въ послѣднемъ поколѣніи славянскаго народа. Соединеніе это казалось возможнымъ для антитринитаріевъ этой партіи, которые въ своемъ ученіи ближе другихъ антитринитаріевъ подошли къ ученію іудейскаго монотеизма, основываемаго ею на ветхомъ завѣтѣ; оно было и желаннымъ въ виду возрастающей славы и силы евреевъ, союзомъ съ которыми сектанты надѣялись возрастить славу и силу собственной секты, отвергаемой христіанами всѣхъ исповѣданій. Однако соединеніе іудеевъ съ христіанами совершится, по пророчеству, при томъ условіи, что іудеи вмѣстѣ съ другими христіанскими народами *познаютъ своего Христа*. Антитринитаріи при всемъ сочувствіи іудейству, все таки причисляли себя къ семьѣ христіанскихъ обществъ и народовъ,

называли себя *новымъ* Израилемъ въ противоположность ветхому, называли себя христианами, только избраниѣйшими. Даже полужидовствующіе не любили этого укорительнаго названія, оправдывали себя отъ подозрѣній въ жидовствѣ, какъ то знаемъ напр. о Будномъ. Антитринитаріи вели даже полемику съ еврейскими учеными Польши и Литвы, какъ напр. М. Чеховичъ и даже самъ Будный. Ученые антитринитаріи Польши и Литвы не спускались въ своемъ отрицаніи до того индеферентизма, который слышался въ ученіи нѣкоторыхъ Оедосіанъ, говорившихъ, что всѣ вѣры равны даже татарская съ христианскою. Низведши свое понятіе о Христѣ на ту степень, на какой оно казалось удобопріемлемымъ и для іудеевъ, антитринитаріи даже полужидовствующіе, не поступаютъ далѣе, устраняютъ возможность другаго Мессіи для іудеевъ, обѣщая имъ спасеніе только въ Мессіи христианскомъ, какъ онъ проповѣдывается въ ихъ сектѣ, понявшей христианство лучше всѣхъ другихъ христианъ, открывшей истинный образъ Христа, согласной съ ученіемъ ветхаго и новаго завѣта, открывшей тайну примиренія іудейства съ христианствомъ. За то въ своей сектѣ они обѣщаютъ исполненіе тѣхъ ветхозавѣтныхъ обѣтованій и пророчествъ о царствѣ Христовомъ, которыя, въ іудейскихъ толкованіяхъ, дали образъ мессіанскаго царства—земнаго, славнаго и могущественнаго. Такой именно смыслъ имѣетъ пророчество Половца о славѣ и могуществѣ, имѣющихъ открыться для избранныхъ христианъ, по соединеніи съ ними іудеевъ, въ *послѣднее* время, въ *послѣднемъ* поколѣніи славянскаго народа. Время, въ которое жилъ авторъ, казалось для многихъ временемъ *послѣднимъ*, критическимъ, значеніе котораго опредѣлялось впрочемъ различно въ зависимости отъ точекъ зрѣнія, съ какихъ кто смотрѣлъ на явленія этого времени. Курбскій называлъ его послѣднимъ въ смыслѣ близкой кончины міра, предвѣщаемой явленіемъ предтечъ и слугъ антихриста въ лицѣ

сектантовъ и еретиковъ необычайно многочисленныхъ, а по ученію—злѣйшихъ, чѣмъ еретики всѣхъ минувшихъ вѣковъ. Тоже говорили и другіе православные полемисты. Тоже можно находить и у католическихъ религіозныхъ писателей и полемиковъ этого времени. Напротивъ сектанты почти всѣхъ фракцій видѣли въ этомъ времени наступленіе новой свѣтлой эры. Будный напр. видѣлъ въ немъ время близкаго высвобожденія христианъ отъ плѣна и власти греческаго и римскаго Вавилона. Нашъ авторъ видитъ въ немъ время не только высвобожденія дотолѣ гонимыхъ и загнанныхъ истинныхъ христианъ; но и эру, съ которой начнется для нихъ, совмѣстно съ соединившимися съ ними іудеями, царство славы и могущества—т. е. мессіанское царство въ смыслѣ іудейскомъ. Надо полагать, что на такое вѣрованіе или чаяніе полужидовствующихъ, кромѣ книжныхъ толкованій разнаго рода, повліяли также явленія современной дѣйствительности, въ числѣ ихъ—перспектива возрастающаго господства евреевъ въ Польшѣ и Литвѣ, гдѣ, казалось, нашлась для нихъ новая обѣтованная земля. Антитринитаріанскіе мечтатели изъ полужидовствующихъ надѣялись, что, соединясь съ евреями, они найдутъ и свою обѣтованную землю, создадутъ царство для своей секты.

Впрочемъ, послѣ ряда пророчествъ Половца, все письмо его сводится къ слѣд. заключенію, обращенному къ Владимиру: «итайтъ не принимай вѣры грековъ! если же примешь, то я никогда не возвращусь къ тебѣ, а здѣсь усну смертію, ожидая суда Сына Божія!» Такимъ общимъ заключеніемъ письма авторъ даетъ понять, что предназначалъ его все таки главнымъ образомъ для русскихъ, держащихся греческой вѣры. Въ немъ надѣялся онъ найти подспорье своей сектанской проповѣди болѣе сильное, чѣмъ тотъ листъ изъ Вильны, съ которымъ онъ являлся на проповѣдь въ Витебскъ, но потерпѣлъ неудачу. Но онъ обезпечиваетъ себѣ отступленіе, угрожая въ

лицъ Половца, не возвратиться къ русскимъ на родину, въ случаѣ упорства ихъ въ своей греческой вѣрѣ. Такъ, какъ мы видѣли, и пришлось ему поступить. Изъ выраженій *о снѣ смертномъ съ надеждою на судъ Сына Божія* видно, что вѣра въ будущую жизнь, будущій судъ не утрачена была антиринитаріями даже той крайней партіи, къ которой принадлежалъ авторъ, хотя были въ ней и невѣрующіе въ то и другое. Впрочемъ судъ Сына Божія, о которомъ (судѣ) здѣсь говорится съ угрозою, имѣлъ въ устахъ антиринитарія еще особенный смыслъ. Онъ напоминаетъ судъ, къ которому зывалъ патронъ Будзинскаго Филиповскій предъ своими судьями во время Люблинскаго съѣзда 1566 г., грозившими ему смертнымъ приговоромъ за приверженность къ сектѣ. «Теперь, сказалъ онъ, вы обидите меня несчастнаго: но придетъ время, когда изречетъ и заявитъ свой судъ другой царь, который и защититъ своихъ». Эти слова поняли такъ, что Филиповскій грозитъ судомъ венгерскаго князя Іоанна, котораго антиринитаріи считали своимъ единомысленникомъ, готовымъ на защиту ихъ. За такую угрозу еще болѣе желали присудить Филиповскаго къ смерти. Но антиринитаріи объясняли, что онъ разумѣлъ здѣсь судъ Царя небеснаго. Въ сущности разумѣлся здѣсь тотъ судъ, котораго антиринитаріи извѣстныхъ партій ожидали въ имѣющемъ чрезъ ихъ секту открыться на землѣ царствѣ Христовомъ, когда Іисусъ Назарянинъ, нареченный Богомъ и Сыномъ Божиимъ, объявится, какъ царь и судія міра. Съ мыслию объ этомъ судѣ авторъ письма высказался еще выше, ею онъ и заканчиваетъ свое письмо. Вспомнимъ, что оно писано въ эпоху скрынскаго собора, гдѣ предсѣдательствовалъ Филиповскій, прославляемый антиринитаріями за недавній подвигъ смѣлаго исповѣданія вѣры съ воззваніемъ къ суду Царя небеснаго¹⁾.

¹⁾ Обстоятельный рассказъ объ этомъ дѣлѣ Филиповскаго, заимствованный у Будзинскаго, сообщаетъ Любенекій въ своей: *Historia reformationis Polonicæ*. Lib. III. c. 4. p. 194—196. Freistadii. 1685 г.

Таково содержаніе письма Половца, въ главныхъ чертахъ своихъ ясно отражающее и личность автора, русскаго антиринитарія партіи полужидовствующихъ и цѣль его подлога, направленаго противъ греческой вѣры русскихъ и въ защиту антиринитаріанской секты и въ особенности той партіи, къ которой принадлежалъ авторъ. Нѣкоторыми чертами своими письмо намекаетъ на обстоятельства сектанской карьеры автора, также на обстоятельства и участниковъ подлога, выпущенаго въ важную для всѣхъ литовско-русскихъ и польскихъ антиринитаріевъ эпоху скрынскаго собора 1567 г. Имѣло ли практическое значеніе въ смыслѣ орудія сектанской пропаганды? Выражаемая имъ тенденція сектантовъ—были ли потомъ заявлены на дѣлѣ? Надобно допустить это, принимая во вниманіе самый тонъ письма, рѣзкій и энергическій, самое время, когда оно явилось. Въ явленіяхъ изъ исторіи антиринитаріанства въ Литвѣ и Руси юго-западной, нами изложенныхъ выше, можемъ отчасти признать отраженіе тенденцій, проповѣдуемыхъ въ письмѣ. Укажемъ еще на одно явленіе, имѣвшее мѣсто тамъ именно, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ авторъ письма въ послѣдніе годы своей карьеры, какъ сектанскаго проповѣдника. Въ 1585 г. галицко-русскіе православные дворяне въ посланіи къ м. Онисифору Дѣвочкѣ сильно упрекаютъ за то, что онъ равнодушенъ къ церковнымъ безпорядкамъ, особенно къ обидамъ и притѣсненіямъ, терпимымъ православными отъ иновѣрцевъ, даже отъ жидовъ, что послѣднимъ онъ даже полагаетъ. Исчисливъ эти обиды и притѣсненія, они прибавляютъ: «а што еще къ тому *порубанья крестовъ святыхъ*, побраня звоновъ и кводи (въ угоду) жидамъ? И еще ваша милость и листы отворенные (открытые) *противу церкви Божіей жидамъ на помощь даешь*, къ потѣсѣ имъ и къ большому оболженію закону нашего и къ жамо нашему¹⁾». Изъ посла-

¹⁾ А. Зап Р. III, № 146.

нія видно, что разумѣются явленія, имѣвшія мѣсто въ Галиціи и въ частности въ перемышльской области. Откуда эта дерзость и наглость жидовъ, позволявшихъ себѣ открытое нападеніе на христіанскія святыни? Едва ли это было случайной и частной вспышкой жидовскаго фанатизма. Явленіе было такое, что обратило вниманіе, вызвало жалобы представителей цѣлой области. Оно напоминаетъ затѣи еврейской пропаганды въ Литвѣ 1538 г. Тамъ мы предположили, что эта пропаганда могла быть собственно пропагандою еретиковъ жидовствующихъ или по крайней мѣрѣ быть въ связи съ нею. Нѣчто подобное предполагаемъ мы и здѣсь: предполагаемъ именно, что союзниками жидовъ или даже главными вожаками въ упомянутомъ дѣлѣ были русскіе антитринитаріи изъ полужидовствующихъ. Православные могли даже прямо называть ихъ жидами, какъ называли жидовствующими однородныхъ съ ними еретиковъ въ Москвѣ, какъ называли ихъ иногда и сами антитринитаріи, обзывавшіе жидовиною даже Буднаго. Нападая на христіанскія святыни, русскіе полужидовствующіе дѣлали то, что дѣлали въ Витебскѣ Θεодосіане, учившіе выбрасывать и сжигать кресты и иконы, какъ идолы, что учили дѣлать и бывший сообщникъ ихъ авторъ письма, пророчествующій въ немъ о разрушеніи и преданіи общему позору греческихъ идоловъ. Не этимъ ли объясняется, что дѣлу ихъ покровительствуетъ самъ митрополитъ? Этотъ митрополитъ, другъ жидовъ, поглажающій имъ въ поруганіи христіанскихъ святынь, сильно напоминаетъ московскаго митрополита Зосиму сообщника жидовствующихъ. Не былъ ли онъ тайнымъ сообщникомъ полужидовствующихъ¹⁾? Или же къ нему нашли доступъ духов-

¹⁾ Не этимъ ли объясняются и другія черты въ характерѣ Онисифора: его двоеженство, его крайнее нерадѣніе къ дѣламъ церкви вообще, за что и былъ онъ низложенъ патр. Іеремією, по желанію православныхъ. Что прямо его не

ныя лица изъ этой еретической партіи, чрезъ которыхъ и добывались отъ него тѣ открытые листы, которые служили опорой жидамъ и еретикамъ въ ихъ наглыхъ нападкахъ на христіанскія святыни. Можно полагать что подобныя явленія бывали тогда и въ другихъ мѣстахъ, напр. на сосѣдней съ Галицією Волинѣ, гдѣ, какъ знаемъ, было въ обращеніи письмо Андрея, и гдѣ еще въ 1575 г. жили бывшіе сообщники его Θεодосій Косой и Игнатій, кощунствовавшій съ паномъ Чапличемъ надъ предметами хр. вѣры и святыни. Могло быть нѣчто подобное и въ новгородскомъ воеводствѣ, принадлежавшемъ къ партіи митрополита, гдѣ жилъ теперь сообщникъ Андрея Будный, и гдѣ, по словамъ Скарги, сектанты во многихъ русскихъ церквахъ упразднили всю церковную службу. Словомъ, пророчество мнимаго Половца о паденіи греческой вѣры, съ ея идолами, храмами, идольскою службою, по видимому не осталось безъ отклика въ явленіяхъ дѣйствительности, въ дерзкихъ замашкахъ пропаганды полужидовствующихъ.

Итакъ письмо Половца, какъ изданіе русскаго антитринитарія, принятое и нѣкоторыми изъ польскихъ антитринитаріевъ, можетъ быть занесено въ рядъ данныхъ для исторіи антитринитаріанскаго движенія въ западной или литовской Руси и Польшѣ во второй половинѣ XVI в. Данныя эти, насколько мы ихъ собрали въ нашемъ очеркѣ, представляются отрывочными. Но въ своей совокупности они могутъ дать нѣкоторые общіе выводы.

Такъ мы видѣли, что движеніе релігіознаго вольномыслія съ характеромъ антитринитаріанскимъ одновременно прояв-

уличали въ ереси—это еще не возраженіе противъ дѣлаемаго здѣсь предположенія. И въ строгой Москвѣ не легко было уличить Зосиму въ ереси; онъ даже и низложенъ былъ не прямо за ересь, а болѣе за небрежность, за дурную жизнь (пьянство).

ляется въ Польшѣ, литовской Руси и московской. Одновременность эта указываетъ отчасти на общность причинъ, вызвавшихъ это движеніе, разъясненіе которыхъ лежитъ впрочемъ внѣ нашей задачи. Есть аналогія и въ дальнѣйшихъ проявленіяхъ этого движенія. Какъ въ Польшѣ, такъ и въ Литвѣ, отчасти и московской Руси движеніе антитринитаріанскаго вольномыслія идетъ сначала рядомъ съ общимъ движеніемъ религіознаго свободомыслія, стремящагося къ преобразованіямъ въ церкви, но скоро отдѣляется изъ послѣдняго, какъ явленіе самостоятельное, отличное отъ другихъ проявленій религіознаго свободомыслія. Въ Польшѣ и Литвѣ отъ антитринитаріевъ отреклись кальвинисты и другіе протестанты. Нѣчто подобное послѣдовало и въ Бѣлоруссіи. Въ качествѣ самостоятельной секты антитринитаріанство было довольно распространено въ Польшѣ, Литвѣ и сосѣднихъ съ малою Польшею областяхъ Руси юго-западной, не удержавшись однако ни въ московской Руси, ни въ Бѣлоруссіи. И это во первыхъ потому, что въ Польшѣ антитринитаріанство, принесенное съ запада, продолжало получать новыя возбужденія оттуда же въ лицѣ прибывавшихъ ученыхъ антитринитаріевъ и что вообще Польша сильнѣе подпадала вліянію запада; въ Литвѣ же антитринитаріанство поддерживалось вліяніемъ Польши, частію непосредственнымъ вліяніемъ изъ запада. Тоже должно сказать и о тѣхъ областяхъ юго-западной Руси, которыя ближе были къ малой Польшѣ, какъ Волинь и Галиція. Бѣлоруссія, а тѣмъ болѣе Москва были удалены отъ такого вліянія. Во вторыхъ, въ Польшѣ и литовской Руси антитринитаріанство, какъ и другія ученія, имѣло гораздо болѣе свободы для своего развитія, чѣмъ могло оно имѣть въ московской Руси, суровое и рѣзкое отношеніе которой къ ереси отозвались и въ сосѣдней Бѣлоруссіи. Далѣе, сильная распространенность антитринитаріанства въ Польшѣ до-

казывается какъ общими выраженіями свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ, такъ и извѣстностію весьма многихъ именъ антитринитаріанскихъ учителей и цѣлыхъ общинъ въ Польшѣ. Касательно Литвы и юго-западной Руси есть достаточно *общихъ* свидѣтельствъ объ успѣхахъ въ нихъ антитринитаріанства¹⁾; но гораздо менѣе здѣсь можно насчитать *лицъ и общинъ*, принадлежавшихъ къ сектѣ. Это объясняется частію тѣмъ, что польскіе антитринитаріи имѣли своихъ историковъ, какихъ не имѣли литовско-русскіе, частію— тѣмъ, что въ упомянутыхъ общихъ свидѣтельствахъ есть приувеличенія. Еще: литовско-русскіе и польскіе антитринитаріи удерживали связь между собою, стремились скрѣпить ее посредствомъ соборовъ. Но въ сектѣ существовали партіи, изъ коихъ болѣе крупными были партіи умѣренныхъ или среднихъ и партія крайнихъ, получившая названіе — *полуиудовствующихъ*. Первая преобладала въ Польшѣ, послѣдняя въ Литвѣ и Руси юго-западной, такъ что называлась еще евіонитско-литовскою. Преобладаніе здѣсь послѣдней, кромѣ личнаго вліянія такихъ учителей секты, какъ напр. Будный, можетъ объясняться тѣмъ, что литовско-русское антитринитаріанство нашло подготовку въ остаткахъ ереси иудовствующихъ и подкрѣпленіе въ находившемся въ связи съ нею еретическомъ ученіи Θεодосіанъ, занесенномъ въ Литву и даже въ Русь юго-западную. Не оставалось здѣсь безъ значенія и непосредственное вліяніе евреевъ, которыхъ полуиудовствующіе антитринитаріи мечтали даже сдѣлать своими союзниками, мечтали объединить въ своемъ лицѣ христіанство съ іудействомъ, и кончали мечтою объ откровеніи земнаго царства Христова, понимаемаго въ смыслѣ іудейско-мессіанскихъ представленій. Но въ самой партіи полуиудовствующихъ рѣзче и радикальнѣе были чисто русскіе еретики Θεодосіанской груп-

¹⁾ Таковы извѣстныя намъ общія свидѣтельства Зиновія, Курбскаго, Скарги.

пы, доходившие почти до полного индеферентизма, безвѣрія, своего рода нигилизма. Нѣтъ сомнѣнія, что антитринитаріанство, подавленное въ лицѣ Θεодосіанъ въ Московской Руси, прогнанное изъ Бѣлоруссіи, грозило большою опасностію православію въ Литвѣ и пограничныхъ съ малою Польшею областяхъ юго-западной Руси. Какое же противодѣйствіе оказано было здѣсь первому со стороны послѣдняго? Мы видѣли, что первыми и главными борцами противъ ереси выступили ревнители изъ великоруссовъ, какъ Зиновій, писавшій посланіе въ Литву, Артемій и Курбскій ратовавшіе въ самой литовской или западной Руси, что Захарій Копыстенскій заслугу пораженія ереси приписывалъ даже исключительно Артемію¹⁾. Но что же дѣлали мѣстные представители православія? Высшая іерархія дѣлала очень мало. Объ одномъ только Сильвестрѣ Бѣлькевичѣ есть польскія и униатскія извѣстія, что онъ старался ограждать русскихъ отъ ученій кальвинскихъ *parianскихъ* (т. е. антитринитаріанскихъ), хотя, при своей простотѣ и неучености, не могъ быть сильнымъ противникомъ ихъ²⁾. О другихъ нѣтъ и подобныхъ извѣстій. Да и могли ли

1) Надо полагать, что сочиненія Артемія были довольно распространены въ западной Руси. Вліяніе его можно примѣчать иногда и въ частныхъ случаяхъ. Такъ напр. м. Михаилъ Рагоза старался выводить изъ храмовъ иконы „ветхаго денъми“, замѣняя ихъ иконою Спасителя, за что Гедеонъ Балабанъ упрекалъ его *въ иконоборствѣ*. Полагаемъ, что Рагоза усвоилъ здѣсь взглядъ Артемія, который не одобрялъ иконы „ветхаго денъми“ и былъ извѣстенъ Рагозѣ по Слуцку, гдѣ послѣдній былъ архимандритомъ.

2) Это извѣстіе о Сильвестрѣ Бѣлькевичѣ у Норамовича (Обзоръ дух. литт. Филарета подъ № 139), у Фризе и Орловскаго de Episcopatu Kijowiensi. стр. 44—47. Warszawa. 1763 г. Кульчицкій (Specimen Ecclesiae Ruthenicae, p. 219. Romae, 1873.), послѣ замѣчанія о неучености Сильвестра, прибавляетъ: *idcirco parum idoneus ad retundendam schismaticorum perfidiam, qui é vicina Moscovia in Russiam inferiorem passim commeantes, virulento animas toxico inficiebant*. Очевидно, онъ разумѣетъ здѣсь Θεодосіанъ и приписываетъ имъ важное значеніе въ распространеніи въ юго-западной Руси антитринитаріанской заразы. Про этого Бѣлькевича говорятъ еще, что онъ былъ близокъ съ кievскимъ латинскимъ епископомъ Николаемъ Па-

быть борцами за православіе такіе пастыри, какъ м. Онисифоръ, Иона Красенскій, Θεодосій Лозовскій, Леонтій Пельчицкій и подобные? Курбскій видимо затруднялся отвѣчать на насмѣшки и рѣзкія нападки антитринитаріевъ на подобныхъ архіереевъ и ограничивался тѣмъ, что отдавалъ ихъ на судъ Божій за ихъ злочинія и злоупотребленія. Если одни изъ іерарховъ оставались равнодушны къ опасностямъ, грозившимъ церкви отъ разлива ереси, то другіе для спасенія церкви, но еще болѣе для обезпеченія правъ и выгодъ своего іерархическаго положенія, поддались на союзъ съ болѣе сильною римскою церковію въ формѣ уніи. Искренно или неискренно они вторили внушеніямъ латинянъ, что безъ уніи западно-русская церковь сдѣлается добычею еретиковъ, какая мысль выставляется однимъ изъ главныхъ мотивовъ уніи и въ русскомъ сочиненіи «Унія, альбо выкладъ преднѣйшихъ артикуловъ вѣры (Вильно. 1595 г.)», приписываемомъ Ипатію Поцѣю,—но были защитники православія внѣ высшей іерархіи, каковы нѣкоторые просвѣщенные иноки, патроны, братства. Нѣтъ сомнѣнія, что труды по переводу и изданію священныхъ книгъ и затѣмъ всей библии, являющіеся въ западной Руси съ второй пол. XVI в., находились въ связи съ стремленіями силою просвѣщенія, изученія слова Божія противодѣйствовать ученіямъ еретиковъ, хвалившихся болѣе всего знаніемъ писанія и на немъ опиравшихся въ своемъ учительствѣ. Писались, надо полагать, и прямыя обличенія на ересь антитринитаріевъ, которыхъ называли здѣсь также аріанами, новокрещенцами, нурками, образборцами и под. Стефанъ Зизаній въ своей (изд. въ Вильнѣ

цемъ. Пакъ этотъ считался сообщникомъ кальвинистовъ, но писалъ сочиненіе въ защиту таинства Пресв. Троицы противъ антитринитаріевъ (изд. 1566 г.), по просьбѣ литовскаго маршала Яна Ходкевича. Такъ обр. въ латинскомъ кievскомъ бискупѣ Сильвестрѣ имѣлъ союзника въ борьбѣ съ антитринитаріями. (Юхеръ II, 3309).

1596 г.) книжкѣ «Казанье св. Кирилла объ антихристѣ и знакахъ его съ разширеніемъ науки противъ разныхъ ересей» — вооружался между прочимъ и противъ арианъ т. е. антитринитаріевъ ¹⁾. Въ самомъ началѣ XVII в. издано было западноевропейское полемическое сочиненіе «о вѣрѣ» съ статьями «о Пресвятой Троицѣ и объ образѣхъ» и проч., прямо направленное противъ ученія антитринитаріевъ, имѣвшее въ виду между прочимъ Мартина Чеховаго, Симона Буднаго и др. ²⁾ Ученые греки, приходившіе въ Русь, писавшіе сюда посланія въ эпоху уніи, оказывали помощь православію и въ борьбѣ его съ разными сектантами, въ томъ числѣ антитринитаріями. Въ борьбѣ съ антитринитаріанствомъ помогали православію кальвинисты и католики, ибо ересь признана была вредною, антихристіанскою всѣми хр. исповѣданіями. У католиковъ и кальвинистовъ кромѣ письменной полемики велись нерѣдко открытые диспуты съ антитринитаріями. Православные повидимому избѣгали сами диспутировать, отъ чего впрочемъ и отговаривали ихъ болѣе свѣду-

¹⁾ Этотъ Визаній, какъ извѣстно, отлученъ былъ м. Михаиломъ Рагозою за то, между прочимъ, будто онъ не признавалъ Иисуса Христа ходатаемъ. Ученіе о Христѣ, какъ ходатаѣ, было предметомъ спора и у кальвинистовъ и у антитринитаріевъ, изъ коихъ полужидовствующіе учили еще, что Христосъ явится ходатаемъ только при кончинѣ міра. Въ защиту ученія о ходатаѣ писалъ къ православному зап. Руси и патр. Мелетій александрійскій. Все это показываетъ, что сектанскіе толки и споры по этому вопросу отделились и среди православныхъ.

²⁾ Мы не затрудняемся согласиться съ утвержденіемъ г. Голубева, что это сочиненіе не можетъ быть далеко отодвигаемо за 1602 г., къ которому относятъ его нѣкоторые библиографы («Библиографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ преимущественно конца XVI и XVII столѣтій» въ «Трудахъ К. д. А.» 1876 г. февр. стр. 366—7). Кстати припомнимъ здѣсь, что въ нашихъ замѣткахъ объ этомъ сочиненіи («Труды К. д. Академіи» 1875 г. апрѣль) осталась безъ объясненія встрѣчающаяся въ немъ ссылка на одно еретическое сочиненіе подъ названіемъ „Anatomia“. Это сочиненіе антитринитарія Яна Лицинія Намысловскаго, ректора антитринитаріанской школы, основанной извѣстнымъ намъ Яномъ Кишкою, пастора Новогрудской сектантской общины. Она издана въ 1592 г. въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: *Anatomia et oeconomia hominis Christiani* (Bibl. Antitrinitar. p. 94).

щіе изъ самыхъ ревнителей православія. Но имъ не безъизвѣстны были результаты чужихъ диспутовъ, и при удобномъ случаѣ они ссылались на нихъ, какъ видимъ напр. въ соч. «о Пресв. Троицѣ» ¹⁾. Наконецъ сама унія послужила, хотя косвеннымъ, но сильнымъ врачевствомъ и предостереженіемъ для православныхъ отъ увлеченій ученіями разныхъ сектантовъ, въ томъ числѣ и антитринитаріевъ: она вызвала охладѣвшую у многихъ любовь къ своей православной греко-русской церкви, угрожаемой чуждою властію, подпавшей гоненіямъ, вызвала ревность къ защитѣ ея ради противодѣйствія папизму и уніи; стали заступаться за свою православную вѣру и церковь нерѣдко и такіе люди, которые уже носили въ себѣ зачатку сектанскаго вольнодумства. Такъ какъ уніатскіе іерархи оправдывали свое дѣло тѣмъ, что безъ уніи православная церковь стала бы добычею сектантовъ, и укоряли православныхъ изъ мірянъ за то, что они знаются и братаются съ сектантами, даже такими какъ ариане, новокрещенцы, нурки; то это должно было внушать первымъ осторожность по отношенію къ послѣднимъ, да и себѣ самимъ дать болѣе ясный отчетъ касательно такого отношенія ²⁾. Для борьбы съ уніей и папизмомъ православные западной Руси должны были соединяться между собою, дѣйствовать съобща; а это соединеніе во имя общаго интереса, общаго дѣла вѣры, оживляло, скрѣпляло самое чувство этой вѣры

¹⁾ Иезуиты особенно упражнялись въ диспутахъ какъ съ кальвинистами, такъ и антитринитаріями. Изъ диспутовъ съ послѣдними извѣстны между прочимъ: новогрудскій 1594 и виленскій (позже), въ которыхъ со стороны антитринитаріевъ участвовалъ упомянутый выше Янъ Намысловскій, описавшій ихъ (ibid.). Не на эти ли диспуты намекается въ сочиненіи „о Троицѣ“, цитующемъ и книгу Намысловскаго „Anatomia“. Впрочемъ было немало и другихъ диспутовъ.

²⁾ А. З. Р. IV, № 146.

единой родной и общей всѣмъ. Вообще повсюдное религиозно-общественное возбужденіе, вызванное униєю въ средѣ православныхъ западной Руси, стало послѣднею и едва ли не сильнѣйшею преградю разливу среди нихъ ученій и ересей подобныхъ антиринитаріанству. И дѣйствительно, съ конца XVI г. начинаютъ уменьшаться и прерываться извѣстія касательно *русскаго* антиринитаріанства. Въ Бѣлоруссіи русскіе антиринитаріи исчезаютъ еще прежде. Даже въ литовской Руси въ предѣлахъ Вильны и Новогрудка, гдѣ существовали болѣе видныя антиринитаріанскія общины подъ покровительствомъ Яна Кашни, общины эти теряютъ свою извѣстность, отчасти можетъ быть въ слѣдствіе утраты своего патрона, умершаго въ 1592 г. и перехода его богатыхъ помѣстій къ членамъ фамиліи изъ католиковъ или кальвинистовъ. Далѣе, какъ увидимъ, подержится антиринитаріанство на Волыни.

Но если падало русско-литовское антиринитаріанство, то не падало польское. То было важно въ исторіи антиринитаріанства, что оно облеклось, такъ сказать, въ форму *польскую*, какъ бы націонализировалось, въ смыслѣ по преимуществу польскаго сектанства. Въ русской формѣ оно существовало не долго. Если Будный началъ свои сектанскія, кальвинско-антиринитаріанскія издѣлія на *русскомъ* языкѣ, мечтая быть просвѣтителемъ славяно-русскаго народа, то въ послѣдствіи онъ отказался отъ этого приема. Библию онъ переводилъ уже не на русскій, а на польскій языкъ, оговариваясь только, что нерѣдко для болѣе точной передачи извѣстныхъ выраженій прибѣгалъ и къ русскому языку. Дальнѣйшія сочиненія или изданія Буднаго выходили уже исключительно на польскомъ или латинскомъ языкахъ. Тоже должно сказать и о другихъ антиринитаріанскихъ учителяхъ. Даже Игнатій и Косой, «ради зацныхъ паней своихъ», по выраженію Курбскаго, уже тянули къ польско-антиринитаріанскому обществу, и Игнатій съ Ча-

пличемъ вели свои глумливыя бесѣды о вѣрѣ уже на польской барбаріи. Стеченіе именно въ Польшу, какъ новое отечество, цѣлой группы завожгихъ отовсюду антиринитаріевъ, утвержденіе здѣсь самаго Ф. Социна, сильнѣе другихъ повліявшаго на обобщеніе и объединеніе ученія секты, съ ослабленіемъ разныхъ партій ея, въ томъ числѣ и мѣстной литовско-русской, образованіе въ Польшѣ новаго сильнаго центра для всей секты въ Раковѣ,—все это окончательно утвердило за сектой преобладающій національно-польскій характеръ. Такой судьбой антиринитаріанства можетъ объясняться и одна черта въ судьбѣ письма Половца, какъ памятника секты. Сочиненное на русскомъ языкѣ, оно сохранилось не на этомъ языкѣ подлинника, а только въ переводахъ польскомъ и латинкомъ. Некому и не для кого было хранить его на русскомъ. Но было кому и для кого беречь его на польскомъ и потомъ латинскомъ языкахъ.—Въ виду такого значенія польскаго антиринитаріанства, какъ продолжающаго собою общую исторію всего антиринитаріанства, мы въ слѣдующей главѣ закончимъ краткимъ очеркомъ дальнѣйшей судьбы антиринитаріанской секты въ Польшѣ, при чемъ между прочимъ встрѣтимся и съ людьми, чрезъ руки которыхъ дошло къ намъ письмо Половца.

V. Первые десятилѣтія XVII в. могутъ считаться временемъ цвѣтущаго состоянія антиринитаріанской секты въ Польшѣ, за которымъ послѣдовалъ быстрый упадокъ секты и эмиграціи главнѣйшихъ вожаковъ ея въ чужія страны.

Раковъ, еще прежде возвысившійся въ ряду сектанскихъ общинъ, таперь окончательно пріобрѣтаетъ значеніе главной, какъ бы центральной общины. Въ 1600 умеръ первый основатель Ракова старикъ Янъ Сенинскій, еще не желавшій отстать отъ кальвинизма и тѣмъ нѣсколько поддерживавшій его въ Раковѣ, хотя большинство населенія было уже здѣсь ан-

титринитаріанское. Сынъ его Яковъ Сенинскій устроилъ въ томъ же году диспутъ между кальвинистами и антитринитаріями. Какъ судьбою на диспутъ былъ самъ этотъ владѣлецъ Ракова, уже прежде предрасположенный къ антитринитаріамъ, то неудивительно, что послѣдніе оказались побѣдителями на диспутѣ, и новый патронъ окончательно перешелъ на сторону антитринитаріанства и далъ ему исключительное господство въ Раковѣ. Вліяніе Ф. Социна, начавшее проникать въ Раковъ еще въ концѣ прошлаго вѣка, теперь утверждается здѣсь вполне, особенно по смерти его, послѣдовавшей въ 1604 г. Съ этой особенно поры утверждается за антитринитаріями и названіе *социанъ*, наряду съ названіемъ антитринитаріевъ, унитаріевъ. Для всей секты опредѣленіе устанавливается общая система ученія, формулированная Социномъ и его ближайшими учениками и почитателями и излагается въ катихизисахъ и конфессіяхъ секты, которые печатались большею частью въ Раковѣ, въ здѣшней типографіи. Частныя разногласія между учителями бывали и теперь, но партіи исчезли, потому что одни изъ представителей ихъ сошли со сцены, другіе присоединились къ Раковцамъ, третьи (изъ членовъ болѣе умѣренныхъ партій) перешли въ кальвинизмъ. Объединенію секты ея ученія, устройства ея интересовъ въ Польшѣ служили учащенные сектанскіе соборы, созыраемые въ Раковѣ или другихъ болѣе видныхъ общинахъ секты. Значеніе Ракова еще болѣе возвысилось съ основаніемъ здѣсь въ 1602 г. высшей школы или академіи. Школа привлекла отовсюду сектанскихъ учениковъ и учителей, также учениковъ. Послѣдніе были главнымъ образомъ, конечно, изъ семействъ, принадлежавшихъ сектѣ, но были также здѣсь дѣти католиковъ, протестантовъ, даже русскихъ, привлекаемые славою учителей и видомъ гуманности, вѣротерпимости, съ какимъ старались здѣсь относиться къ питомцамъ другихъ вѣроисповѣданій, по крайней мѣрѣ болѣе,

чѣмъ это замѣчалось въ школахъ іезуитскихъ. Сообразно принципамъ братства, равенства, провозглашеннымъ общиной, существовало и въ учебномъ дѣлѣ правило, чтобы каждый ученикъ, какого бы званія онъ ни былъ, изучалъ сверхъ общеобразовательныхъ предметовъ еще какое либо ремесло. Это не правилось нѣкоторымъ изъ панскихъ дѣтей, которымъ поэтому школа не прочь была дѣлать уступки, но весьма цѣнилось родителями средняго класса и вообще ревнителями секты, видѣвшими въ такомъ воспитаніи сектанской молодежи новые задатки матеріальнаго преспѣянія и благосостоянія секты. Въ слѣдствіе всего этого число учениковъ секты быстро возрастало, простираясь, если вѣрить сектанскимъ писателямъ, до 300 учениковъ изъ дворянскихъ семействъ и 700 изъ другихъ классовъ, преимущественно раковского населенія. Раковъ приобрѣлъ у сектантовъ громкое названіе *сарматскихъ Афинъ*. Въ то же время усиленнѣе работала раковская типографія, болѣе впрочемъ считавшая книгъ антитринитаріанскихъ, снабжая ими Польшу и сосѣднія страны. Продолжало возрастать и внѣшнее благосостояніе Ракова, — развитіе ремеселъ, фабрикъ, промысловъ. Продолжали держаться, хотя и не во все это время и другія антитринитаріанскія общины, какъ напр., въ Краковѣ, Люблинѣ, въ нѣсколькихъ имѣніяхъ богатыхъ дворянъ люблинскаго уѣзда, приверженцевъ этой секты суходольскихъ: Суходолахъ, Пескахъ, Седлискахъ, Кржионовѣ, появлялись новыя общины въ разныхъ мѣстностяхъ областей малой Польши, также великой или Познаніи ¹⁾. Въ Литвѣ, послѣ упомя-

¹⁾ Упомянутый нами Эразмъ Отвиновскій насчитываетъ до 150 антитринитаріанскихъ общинъ, существовавшихъ уже въ его время въ разныхъ областяхъ Польши, частью Литвы и Галиціи. У Венгерскаго *Slavoniae reformatae* p. 529—530. Можно полагать, не малая часть этихъ общинъ возникла уже съ начала XVII в. Нѣкоторыя изъ этихъ общинъ усвоили себѣ названія: церкви *коринтской*, церкви *колонской* и под.

нутыхъ нами прежнихъ общинъ (въ Лозкахъ, Любчѣ и Заславлѣ Литовскомъ и др.), не видно новыхъ чѣмъ либо замѣчательныхъ. Но у границъ Литвы прославилась новая община въ Филиповѣ, неподалеку отъ Сувалокъ. Здѣсь патрономъ ея былъ Христофоръ моретинскій, богатый панъ и мѣстный воевода, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ патроновъ всей вообще социніанской секты, другъ Ф. Социна, который и женатъ былъ на сего племянницѣ. Пасторомъ съ конца XVI и нач. XVII в. былъ Иоганнъ Валькеллій, считавшійся знаменитостію между социніанскими учеными и писателями. Въ юго-западной Руси Волинь, по прежнему отличалась, какъ поприще социніанской пропаганды. Въ этомъ отношеніи выдавалась здѣсь фамилия Чапличей, изъ которой намъ уже извѣстенъ Кадіанъ Чапличъ, почитатель московскаго выходца ересеучителя Игнатія. Юрій Чапличъ, владѣтель м. *Кисселина* (во Владиміро-волинскомъ уѣздѣ), собравъ здѣсь социніанскую общину, устроилъ для нея молельню, а ок. 1614 г. и школу, изъ учителей которой извѣстны Матѳей Твордохлѣбскій и Евстафій Кисель, называемый также Гизелемъ. Мартинъ Чапличъ собиралъ такую же общину въ своемъ имѣніи м. Берестечкѣ (дубенскаго уѣзда). Андрей (сынъ Мартина) и Александръ (сынъ Юрія) Чапличи извѣстны вообще какъ приверженцы секты. Изъ другихъ русскихъ волинскихъ семей, между членами которыхъ антиринитаріи указываютъ послѣдователей своей секты, упомянемъ здѣсь о Гулевичахъ—Воютинскихъ. Впрочемъ теперь, еще болѣе чѣмъ прежде, пропаганда социніанская прививалась собственно къ тѣмъ изъ русскихъ дворянскихъ семей, или къ тѣмъ лицамъ изъ этихъ семей, которые были уже ополячены и своимъ новымъ латино-польскимъ образованіемъ ослабили въ себѣ связь съ русскою вѣрою и народностью. Тѣмъ не менѣе секта хвалилась своими успѣхами въ русскомъ краѣ Волини, какъ доказательствомъ возрастающей силы секты

въ описываемое цвѣтущее время ея исторіи. Нельзя впрочемъ сказать, чтобы за все это время секта оставалась спокойною. Самъ Раковъ попадалъ случайнымъ разореніямъ, особенно въ 1606 г. когда Янъ Сенинскій принялъ было участіе въ извѣстномъ рокошѣ Жербридовскаго. Наиболѣе сильныхъ враговъ имѣла она въ іезуитахъ, которые вооружались противъ нея проповѣдями, сочиненіями, диспутами, въ иныхъ случаяхъ не отступали и предъ насиліемъ¹⁾. Протестанты особенно кальвинисты, также полемизировали съ социніанами, или антиринитаріями; по прежнему отрекались отъ вѣроисповѣднаго союза съ ними, попытки котораго возобновлялись со стороны антиринитаріевъ. Но сами, ослабѣвая въ силахъ, болѣе и болѣе подпадая давленію р. католической стороны, усилившейся благодаря іезуитамъ и Сигизмунду III, протестанты уже не помышляли о строгихъ мѣрахъ противъ социніанъ, какъ то дѣлали въ 50-тыхъ и 60-тыхъ годахъ XVI в. Напротивъ, какъ учителя, такъ особенно знатные патроны кальвинизма, во имя свободы вѣроисповѣданія, теперь относились снисходительно, даже дружелюбно къ социніанамъ, а въ иныхъ случаяхъ за одно съ ними оборонялись отъ католиковъ. Почти тоже нужно сказать и о *внѣшнихъ* отношеніяхъ православныхъ къ социніанамъ этого времени. Сами всего болѣе страдая отъ послѣднихъ, принужденные сосредоточить свои силы на тяжкой борьбѣ съ униєю и латинствомъ, они не особенно задавались внѣшнею борьбой съ другими сектантами въ томъ числѣ даже антиринитаріями. Тѣмъ не менѣе православные учителя, дѣломъ униі возбужденные вообще къ ревности по вѣрѣ, продолжали полемизировать, между прочимъ, и съ антиринитаріями. Изданная въ Вильнѣ въ 1602 г. *книга о вѣрѣ* съ статьями о пресвятой *Тройцѣ, объ образѣхъ* и проч. направленными противъ этихъ

¹⁾ Изъ іезуитовъ, ведшихъ борьбу съ антиринитаріями въ концѣ XVI и нач. XVII в. наиболѣе извѣстны Мартинъ Смиглецкій и Петръ Скарга. Особенно замѣчательны два сочиненія послѣдняго; *Pierwsze zawstydzienie Arganow powuch*, изд. въ Краковѣ 1604 г., *Drugie zawstydzienie arganow*, изд. тамъ же въ 1608 г.

еретиковъ, была вторично издана въ Кіевѣ въ 1619 г. съ нѣкоторыми измѣненіями ¹⁾. На кіевскомъ соборѣ 1621 г. новопоставленные русскіе іерархи, теперь истинные и просвѣщенные ревнители православія уже задавались мыслью «обращать въ православіе папистовъ и дружину или исчадіе ихъ, то-есть *аріанъ*, евангеликовъ и лютеранъ», хотя впрочемъ и не скрывали слабости своихъ надеждъ на успѣхъ подобной миссіи. Заботы о поднятіи образованія въ средѣ православной церкви находились въ прямой связи съ этими интересами борьбы православія съ латинствомъ, уніею и сектантами разнаго рода. Въ этихъ видахъ основалась и школа въ Кіевѣ съ 1615 г. фундаторкою, которою была Анна Гулевичевна, имѣвшая въ своей роднѣ не только уніатовъ и католиковъ, но также антиринитаріевъ. Православный характеръ школы она ограждала тѣмъ, чтобы участниками ея учрежденія были только православные. При преобразованіи школы въ коллегію Петромъ Могилою потребовались для нея новые учителя, и такими, по вызову послѣдняго, явились лица, бывшіе въ иновѣрныхъ школахъ, не іезуитскихъ только, но вѣроятно и сектанскихъ, или такіе, которые прежде обращались среди сектантовъ, увлекались ими, но возвращены православію усиліями православныхъ учителей, постаравшихся исполнить мысль собора 1621 г. Но эти новые учителя возбудили въ болѣе строгихъ ревнителяхъ подозрѣнія, грозившія расправой надъ ними со стороны подвѣщавшаго мѣщанства. Защищая коллегію и учителей отъ подозрѣнія, префектъ ея Сильвестръ Коссовъ, ограждаетъ послѣднихъ отъ подозрѣній не столько въ латинствѣ или уніи,

¹⁾ Библиографическія замѣчанія о ней въ ст. г. Голубева въ „Трудахъ Кіев. Академіи“ 1876 г. февраль. Къ позднѣйшимъ годамъ, но къ этому періоду относятся полемическія стихотворенія на нововѣрныхъ еретики, которыхъ стихотворецъ называетъ наслѣдниками Арія и Македонія, разумѣя очевидно антиринитаріевъ. Вѣстѣ съ другими стихами они помѣщены въ сборникѣ, писанномъ до 1637 г. и найденномъ въ Загоровскомъ монастырѣ на Волыни.

сколько въ кальвинизмѣ и *аріанствѣ* ¹⁾. Впрочемъ факты эти интересны для насъ здѣсь лишь въ томъ отношеніи, что показываютъ, какъ вообще твердо стояли теперь православные на стражѣ своей вѣры, между прочимъ, и отъ соблазновъ антиринитаріанскихъ. Секта эта была уже мало опасна православію, хотя въ Польшѣ она находилась въ состояніи наиболѣе цвѣтущемъ, чѣмъ когда либо прежде. Но и здѣсь приближался упадокъ ея. Упадокъ этотъ начался съ 1638 г. Но еще за десять лѣтъ до этого постигла секту одна частная катастрофа, предвѣщавшая, что для нея приближаются тяжкіе годы. Это было въ Люблинѣ, гдѣ была давняя община секты, имѣвшая свою молельную и школу. Мы сказали, что наиболѣе сильными врагами секты были іезуиты. Въ Люблинѣ они имѣли богатый костель, коллегію и школу, построенные для нихъ еще въ 1582 г. Бернардомъ Маціевскимъ, тогда Луцкимъ епископомъ, какъ разъ рядомъ съ молельною сектантовъ. Это сосѣдство еще болѣе вызывало обѣ стороны на столкновенія и диспуты, въ которыхъ люблинскихъ сектантовъ поддерживали ученые изъ Ракова. Послѣ ряда такихъ

¹⁾ Не были ли въ числѣ новыхъ учителей коллегіи какіе либо ученые изъ кисселинской школы въ сосѣдней Волыни? Не былъ ли въ числѣ ихъ напр. Евстафій Кисель или Гизель, котораго антиринитаріи подъ 1625 г. показываютъ учителемъ кисселинской школы, но который въ 1631 г. подъ псевдонимомъ Геласія Диплицца издалъ и посвятилъ Петру Могилѣ свою „Антипологию“, направленную противъ Апологіи Смотрицкаго и его упрековъ православной церкви и ея западно-русскихъ полемистовъ въ сочувствіи ученіямъ протестантовъ, даже аріанъ или социніанъ? Закончивая свое посвященіе Петру Могилѣ, Диплицъ замѣчаетъ, что писалъ „въ своей избушѣ, въ которой учусь“. Чему учился теперь авторъ, уже несомнѣнно возрастной и даже ученый, какимъ можно назвать его за эту антипологию? Не изучалъ ли онъ теперь ученія прав. дѣрвыи, которое мало зналъ, когда принадлежалъ къ сектѣ, хотя и былъ изъ русскихъ? Въ томъ же посвященіи онъ съ большимъ сочувствіемъ относится къ кружку православныхъ ученыхъ, собранныхъ въ Кіевѣ Петромъ Могилою: не пожелалъ ли онъ вслѣдъ за тѣмъ и самъ присоединиться къ этому кружку, откуда могъ понасть въ учителя могилянскій коллегіи?

диспутовъ, іезуиты рѣшились силою вытѣснить ненавистныхъ сосѣдей изъ Люблина. Въ 1627 г. люблинскіе аріане, какъ обыкновенно называли антитринитаріевъ, обвинены въ измѣническихъ сношеніяхъ съ трансильванскимъ княземъ Гавріиломъ Бателіемъ и шведскимъ королемъ Густавомъ Адольфомъ, присуждены къ строгимъ наказаніямъ, особенно главные вожаки ихъ, и въ числѣ ихъ пасторъ Павелъ любенецкій. Могли быть поводы къ такому обвиненію, потому что польскіе антитринитаріи имѣли много единомышленниковъ въ Трансильваніи, а Густавъ вообще считался покровителемъ гонимыхъ папистами. Но антитринитаріанскіе писатели утверждаютъ, что обвиненіе было дѣломъ наушничества іезуитовъ, и тутъ есть часть правды. Тотъ часъ послѣ декрета послѣдовали схватки между сектантами и учениками іезуитской школы, которые, поддержанные толпой, разорили молельню протестанскую и аріанскую, разогнали ихъ пасторовъ, учителей, хотя при этомъ побито было и нѣсколько учениковъ іезуитскихъ. Тогда изданъ въ томъ же году новый декретъ, которымъ іезуитскіе ученики оправданы, аріане же обвинены, ихъ школы и молельня объявлены навсегда закрытыми въ Люблинѣ. Сектанты принуждены были разбѣжаться изъ Люблина, оставшіеся же жили тайкомъ. Впрочемъ со временемъ они оправились здѣсь отъ страха и въ 1637 г. держали новый диспутъ съ іезуитами въ Люблинѣ, устроенный стараніемъ Ю. Немирича, кіевскаго подкоморія, который былъ здѣсь въ этомъ году въ качествѣ депутата на трибунальный судъ. Но эта смѣлость не прошла имъ даромъ. Новый диспутъ, въ которомъ, какъ и въ прежнихъ, фигурировали, надо полагать, ученые изъ Ракова, навелъ на мысль, что необходимо прежде всего искоренить это главное гнѣздо секты, чтобы подорвать ее повсюду. Всего болѣе ненавистна была іезуитамъ раковская школа, которая своею славою *сарматскихъ Аоинъ* вредила славѣ школъ іезуит-

скихъ. Къ счастью ихъ, школа сама дала поводъ къ нападенію. Въ 1638 г. раковскіе школьники, подражая на этотъ разъ іезуитскимъ, оскорблявшимъ святыхъ другихъ исповѣданій, опрокинули и разбили крестъ съ изображеніемъ распятія, стоявшій за Раковымъ. Родители и учителя поспѣшили наказать школьниковъ. Но этимъ теперь не могло кончиться. Въ Варшавѣ былъ тогда сеймъ, на который тотчасъ принесена вѣсть о раковскомъ событіи. Сеймъ назначилъ комиссаровъ для производства строгаго разслѣдованія на мѣстѣ. Самъ владѣлецъ Ракова и патронъ секты Я. Сенинскій обвиненъ въ оскорбленіи Бога и королевскаго величества, если не очистится присягою и при томъ не иначе, какъ по католическому обряду, что дѣло сдѣлалось безъ его приказа и вѣдома. Онъ выполнилъ присягу. Но затѣмъ всѣ пасторы и учителя раковскіе обвинены въ подущеніи школьниковъ на преступленіе. 9-го апрѣля изданъ сеймомъ грозный декретъ, которому впрочемъ, если вѣрить антитринитаріанскимъ писателямъ, противились, хотя и безуспѣшно, многіе члены сейма изъ грековъ (т. е. православныхъ юго-западн. Руси), протестантовъ и даже либеральныхъ католиковъ во имя справедливости и свободы вѣроисповѣданія. Декретомъ объявлены навсегда закрытыми въ Раковѣ аріанскія—молельня, типографія и школа подъ штрафомъ въ 10,000 червонцевъ; пасторы и учителя—осуждены на инфамію и изгнаніе изъ Ракова. И они дѣйствительно ушли изъ Ракова, за ними и другіе сектанты, оставя свои дома и имущество, скупленные за безцѣнокъ евреями, слѣдившими нахлынуть сюда. «Такъ разрушенъ былъ, выражается анонимный соцініанскій писатель, этотъ свѣточъ Польши, это убѣжище изгнанниковъ, святилище вѣры и наукъ!» Отъ великаго имени Ракова осталась лишь одна тѣнь, съ-

горестію замѣчаетъ Сандъ ¹⁾. Вскорѣ затѣмъ, по смерти Ян. Сенинскаго, Раковъ перешолъ во владѣніе сестры его Александры, вдовы послѣ одного изъ здѣшнихъ вожаковъ секты. Возвратясь въ католичество, она окончательно вытѣснила секту изъ Ракова, а въ 1644 г. здѣсь былъ уже оконченъ каменный храмъ въ честь св. ап. Петра и Павла и двухъ Іакововъ съ надписью, имѣвшею увѣковѣчить память о поражени здѣсь аріанскаго нечестія и возстановленіи исповѣданія Единого во Св. Троицѣ Бога.

Впрочемъ раковскій погромъ еще не убилъ надеждъ у вожаковъ секты. Они искали другихъ поприщъ для сектантской пропаганды. Изъ этихъ вожаковъ для насъ особенно замѣчательны *Андрей Вишоватый*.

Андрей Вишоватый былъ родомъ изъ извѣстнаго намъ Филипова, гдѣ патрономъ социніанской общины былъ ближайшій пріятель Ф. Социна Морстинскій. Отецъ Андрея Станиславъ, женатый на единственной дочери Социна Агнесѣ, былъ потомъ діаконъ раковской общины, а дядя Венедиктъ однимъ изъ основателей раковской школы. Въ эту школу въ 1619 г. отданъ былъ Андрей, гдѣ кончилъ курсъ въ 1629 г., какъ одинъ изъ отличнѣйшихъ. Такимъ обр. и семейнымъ и школьнымъ воспитаніемъ подготовлялся онъ къ роли вожака секты. По окончаніи школы, два года побывъ домашнимъ учителемъ въ домѣ люблинскаго воеводы П. Тарла, Вишоватый въ 1631 г. предпринялъ путешествіе за границу для довершенія образованія. Къ нему пристало нѣсколько товарищей изъ польской и русской молодежи, принадлежавшихъ къ

социніанской сектѣ, въ числѣ ихъ П. Суходольскій, Николай Любенецкій, Юрій Нѣмиричъ, Александръ Чаплиць. Чрезъ Гданскъ путешественники пустились въ Голландію, были въ Лейденѣ, Амстердамѣ, посѣщая здѣшніе университеты. Въ Голландіи встрѣтился съ Вишоватымъ полякъ Хр. Арцишевскій, также социніанинъ. Онъ уговаривалъ Вишоватаго отправиться въ Америку, чтобы тамъ основать польскую социніанскую колонію. Заманчивой показалась эта мечта и Вишоватому, но онъ отказался отъ нея, вспомнивъ оставленныхъ въ Польшѣ родителей и нужды секты на родинѣ. Изъ Голландіи отправился онъ въ Англію, отсюда во Францію, гдѣ въ Парижѣ посѣщалъ Сорбонну, познакомился съ Гуго Гораціемъ и др. Возвратясь въ Польшу, Вишоватый принялся работать въ интересахъ секты подобно пріятелю своему Нѣмиричу, устройству люблинскаго диспута, какъ вдругъ оба они были поражены слухомъ о разгромѣ Ракова. Вишоватый поспѣшилъ въ Варшаву, гдѣ еще засталъ сеймъ, являлся къ королю, хлопоталъ у членовъ сейма, вступилъ въ ученые бесѣды о вѣрѣ съ протестантами и католиками,—все это въ защиту секты отъ обрушившейся на нее грозы. Социніанскій біографъ его увѣряетъ, будто тутъ удалось Вишоватому кое-что сдѣлать въ пользу секты. Въ 1640 г. онъ вторично отправился за границу въ качествѣ попечителя молодаго пана Адама Суходольскаго, социніанина, отправленнаго туда же матерію для довершенія образованія, начатаго прежде подъ руководствомъ того же Вишоватаго въ имѣніи Суходольскихъ м. Пескахъ. Попечитель съ питомцемъ объѣхали Германію, Францію, Бельгію и въ 1642 г. возвратились въ Пески. Здѣсь по опредѣленію социніанскаго собора Вишоватый поставленъ пасторомъ мѣстной общины, надѣясь подъ покровительствомъ своего питомца, теперѣ владѣтеля Песковъ, возрастить общину и создать изъ нея новый сильный пунктъ социніанской пропаганды, какъ бы

¹⁾ Излагаемыя здѣсь свѣдѣнія по исторіи антиринитаріанской секты основаны главнымъ образомъ на сочиненіяхъ антиринитаріанскихъ писателей, о которыхъ сказано будетъ въ концѣ настоящей статьи. О Раковѣ см. „Starożytna Polska“ М. Balinskiego і Т. Lipinskiego. р. 293—296. Warszawa. 1846.

въ замѣнъ упавшаго Ракова. Но его постигло тяжкое разочарованіе. Молодой Суходольскій подъ вліяніемъ матери кальвинистки, перешель въ кальвинизмъ, отказаль въ содержаніи Вишоватому, закрыль самую молельню, и наконецъ сталь такъ буйствовать, что социніане принуждены были выселиться отсюда въ Седлиски, имѣніе Суходольскихъ другой линіи, оставшихся еще вѣрными сектѣ. Самъ Вишоватый искаль другого поприща для своей пропагаторской миссіи. Постановленіемъ социніанскаго церковнаго совѣта (какъ называли сектанты) онъ назначень пасторомъ на Украину. Сюда прибыль онъ въ м. Шершни (Рад. уѣзда) имѣніе социніанина Стефана Войноровскаго, ловчаго воеводства кіевскаго. Съ Вишоватымъ прибыль сюда же и Янъ Стоинскій, одинъ изъ славнѣйшихъ у социніанъ учителей секты и бывшей раковской школы. Но недолго пробыль здѣсь Вишоватый. Давно уже зваль его къ себѣ другъ его молодости и спутникъ въ заграничномъ путешествіи Юрій Нѣмиричь, кіевскій подкоморій, владѣлецъ большихъ имѣній на Украинѣ. Юрій Нѣмиричь потомокъ древней русской и православной фамилии, или, точнѣе говоря, литовской пообрусѣвшей издавна и переселившейся въ Кіевскую Русь изъ Литвы. Еще въ началѣ XVII в. извѣстны между Нѣмиричами защитники и даже члены православныхъ братствъ. Латино-польское образованіе проложило и для нихъ путь къ сближенію съ сектантами. Самъ Юрій Нѣмиричь воспитывалься по всей вѣроятности въ Раковѣ, ибо здѣсь-то всего скорѣе онъ могъ сблизиться и сдружиться съ Вишоватымъ. Мы видѣли, что вмѣстѣ съ нимъ, съ двумя Чаплицами и др. единомышленниками по сектѣ онъ въ 1631 г. отправилъ за границу для дальнѣйшаго образованія. Возвратясь оттуда съ репутаціей челоука бывалаго и образованнаго, опираясь вмѣстѣ съ тѣмъ на свое положеніе богатаго пана, онъ заявилъ себя ревностнымъ патрономъ социніанской секты. Первымъ

извѣстнымъ дѣломъ его въ этоиъ отношеніи былъ устроенный имъ и уже упомянутый нами диспутъ социніанскихъ ученыхъ съ іезуитами въ Люблинѣ 1637 г., разчитанный конечно на поднятіе репутаціи секты въ этомъ городѣ. Постигшій въ слѣдующемъ году ударъ секту въ Раковѣ былъ, конечно, большимъ огорченіемъ Нѣмиричу, но могъ тѣмъ болѣе возбудить ревность его къ пропагандѣ ея у себя подъ рукою въ своихъ имѣніяхъ. Сюда-то онъ зваль въ 1643 г. стараго друга Андрея Вишоватаго, теперь нареченнаго социніанскимъ синодомъ миссіонера Украины. Онъ встрѣтилъ миссіонера за Днѣпромъ. Переправляясь съ нимъ чрезъ Днѣпръ въ свое имѣніе Орель, Нѣмиричь обратилъ къ Вишоватому съ слѣдующими словами: «преданіе гласитъ, что св. ап. Андрей, соименный тебѣ, проповѣдываль въ этихъ странахъ евангеліе Скиѣамъ и сосѣднимъ народамъ: иди и ты со мной въ эти страны и дѣлай тоже!» Безъ сомнѣнія, патронъ и миссіонеръ работали надъ пропагандой своей секты. Сандъ называетъ Ю. Нѣмирича «патрономъ нѣсколькихъ унитаріанскихъ церквей», т. е. общинъ этой секты. Если это вѣрно, то начало ихъ могло относиться именно къ этому времени миссіонерства Вишоватаго совмѣстно съ патрономъ. Вѣроятно для этихъ-то общинъ самъ Нѣмиричь сочиняль молитвы и гимны, упоминаемые Сандомъ въ числѣ др. социніанскихъ произведеній Нѣмирича, ставшаго наконецъ и писателемъ секты. Замѣчательно, что не смотря на извѣстную всѣмъ принадлежность къ такой сектѣ, Нѣмиричь могъ получить званіе королевскаго подкоморія кіевскаго вѣдомства слыль въ мѣстномъ кіевскомъ-волинскомъ дворянствѣ однимъ изъ почтенныхъ и заслуженныхъ пановъ. Нельзя впрочемъ думать, чтобъ успѣхи социніанства въ кіевской Украинѣ были велики, чтобы социніанскія общины образовались здѣсь изъ среды кореннаго русскаго населенія, въ которомъ подобное ученіе не могло найти для себя

восприимчивой почвы. Общины эти слагались, надо полагать, болѣе изъ пришлаго населенія съ прибавкой, быть можетъ, дворовой панской казатчины. Вишоватый видѣлъ вѣроятно, что сѣсть на неудобной почвѣ и потому не долго пробылъ у Нѣмирича. Болѣе надеждъ представляла ему Волянь, гдѣ польскій элементъ былъ уже сильнѣе, чѣмъ въ кievской Украинѣ, и куда притомъ звали его старые волянскіе пріатели Чапличи. Юрій Чапличъ успѣвалъ по видимому больше Нѣмирича. Кисселинская община и школа его обогащалась новыми пастырями и учителями, въ числѣ коихъ извѣстенъ особенно Як. *Риновецкій*, перешедшій сюда изъ Люблина, проповѣдникъ и писатель социніанскій для насъ интересный, какъ одинъ изъ свидѣтелей письма Половца Смеры. Въ качествѣ командированнаго социніанскимъ соборомъ учителя и миссіонера секты, Вишоватый обозрѣвалъ социніанскія общины Чапличей, былъ въ Галичанахъ у Александра Чаплича, Кисселинѣ—у Юрія, Берестечкѣ—у Мартина и въ общинѣ еще одного патрона Товія Иваницкаго. Это должно было оживить сектанскую пропаганду въ данной мѣстности Воляни, но это же вызвало новый ударъ сектѣ, въ новомъ центрѣ ея на Воляни, какимъ былъ Кисселинѣ.

Владѣлецъ Кисселина старикъ Юрій Чапличъ позванъ въ люблинскій трибунальный судъ. Въ членахъ суда въ качествѣ депутатовъ отъ волянской области засѣдали сынъ самаго Юрія Александръ и Адамъ Гулевичъ Воютинскій: ихъ устранили, какъ сообщниковъ секты. Декретомъ суда, состоявшимся еще въ томъ же 1644 г., Юрій Чапличъ обвиненъ въ томъ, что перевелъ изъ Ракова въ Кисселинѣ социніанскія богохульства; его присудили къ штрафу въ 1000 угорскихъ золотыхъ и обязали немедленно представить въ судъ кисселинскихъ пасторовъ и учителей. Но какъ друзья послѣднихъ укрыли ихъ въ другія мѣста, то Чапличъ присужденъ къ по-

вому штрафу въ нѣсколько тысячъ золотыхъ. За каждаго изъ пасторовъ кисселинской и берестеческой общинъ, даже тѣхъ, которые уже умерли, положены особые штрафы. Съ тѣмъ вмѣстѣ навсегда закрывались молельня и школа въ Кисселинѣ, Берестечкѣ, также общины и молельни въ другихъ мѣстахъ. Остальныхъ Чапличей не подвергли штрафу, но строго запретили поддерживать или открывать у себя сектанскія сборища. На самихъ же пасторовъ и учителей объявленъ декретъ *infamiae*, т. е. лишенія чести. По этому поводу кисселинскій пасторъ Риновецкій въ замѣнъ опозоренной декретомъ своей фамиліи принялъ новую—Трембецкій, но антитринитаріи не хотѣли забыть и прежней, и потому стали называть его Риновецкій—Трембецкій.

Волянскіе социніане пріуныли. Вишоватый странствовалъ по Воляни, утѣшая и ободряя, совершая для нихъ моленья. За это онъ неразъ привлекаемъ былъ къ суду, потребованъ былъ даже на судъ короля и едва не подпалъ декрету банниціи, т. е. изгнанія изъ отечества. Уже онъ собирався оставить Волянь и Польшу и уѣхать въ Голландію, гдѣ имѣлъ друзей. Но волянско-польскіе друзья упростили его остаться для пользы секты. Чтобы удержать его, они устроили женитьбу его на Александрѣ Рунковской, дочери берестеческаго пастора, по матери происходившей изъ дома Любенецкихъ, такъ что чрезъ нее Вишоватый роднился и съ этимъ домомъ, издавна знаменитымъ въ исторіи секты, давшемъ ей нѣсколько пасторовъ и учителей, прослывшихъ своею дѣятельностію въ Краковѣ, Люблинѣ, Раковѣ, Седликахъ и проч. ¹⁾ Вѣнчаніе совершенно въ Галичанахъ, въ домѣ Александра Чаплича

¹⁾ Сестра этой Александры Рунковской была замужемъ за Адамомъ Гулевичемъ—Воютинскимъ, который слѣд. былъ также связанъ родствомъ съ знаменитостями антитринитаріанской секты.

«по обычному священному обряду церкви», выражается социнианский биографъ Вишоватаго. Это значить, что у сектантовъ были и свои священные обряды, и что декретъ 1648 г. не окончательно переполошилъ ихъ, если они могли еще собираться для такихъ обрядовъ. Вскорѣ за тѣмъ постановленіемъ социнианскаго совѣта Вишоватый назначенъ пасторомъ въ Седлиски на мѣсто умершаго Христофора Любенецкаго, родича его жены, съ порученіемъ ему пасторства надъ сектанскими общинами и люблинской земли вообще. Волынцы же надѣялись пока держаться сами.

Въ слѣдующемъ году Вишоватому пришлось заняться однимъ общимъ и важнымъ для всей секты дѣломъ. Еще въ цвѣтущее время Ракова между польскими унитаріями приобрѣлъ знаменитость ополяченный нѣмецъ Іоганнъ Шлихтингъ, пасторъ раковскій, потомъ луклавицкій. Это былъ одинъ изъ наиболѣе плодовитыхъ и авторитетныхъ писателей и учителей секты своего времени. Изъ множества сочиненій его, писанныхъ на латинскомъ, польскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, особенную славу приобрѣло унитаріанское *Credo* или *Confessio* т. е. самое полное и точное изложеніе ученія секты, выраженное преимущественно въ текстахъ св. писанія, съ объясненіемъ ихъ въ духъ ученія секты. Сектанты весьма рассчитывали на это твореніе, надѣясь, что оно помирить съ ихъ ученіемъ и правительство и представителемъ другихъ исповѣданій, потому издали его разомъ на нѣсколькихъ языкахъ. Это было еще 1646 г. Конфессія эта дѣйствительно стала разходить по рукамъ и соблазняла многихъ. Католическое духовенство вооружилось противъ нея. Въ началѣ 1649 г. конфессія, по опредѣленію сейма, сожжена въ Варшавѣ публично рукою палача, а авторъ присужденъ къ банниціи: это сильно взволновало сектантовъ. Вишоватый задумалъ объѣхать сектанскія общины люблинской, краковской и сандомірской об-

ласти въ надеждѣ собрать изъ среды ихъ депутацію въ Варшаву на сеймъ для ходатайства въ защиту секты. Надежда эта не могла уже сбыться. Сектантамъ оставалось вести литературнымъ путемъ свои протесты на насиліе. Оживилась полемика между ними и католическими писателями, въ которой главными представителями были съ одной стороны самъ Шлихтингъ и Вишоватый, съ другой—іезуиты, особенно Ник. Циховскій, тогда знаменитѣйшій между ними. Она сосредоточивалась на конфессіи Шлихтинга, какъ символической книгѣ секты, фактъ сожженія ея и строгихъ декретахъ противъ секты. Въ этой полемикѣ интересно одно замѣчаніе Циховскаго, дающее намъ новое свидѣтельство о пропагандѣ секты на Волыни и Украинѣ. По поводу нападокъ Циховскаго на сожженную въ Варшавѣ конфессію Шлихтинга, послѣдній замѣтилъ Циховскому, что при подобныхъ обстоятельствахъ Циховскому легко воевать съ конфессіею и казаться побѣдителемъ, ибо онъ побиваетъ конфессію уже мертвую, заживо похороненную на кострѣ, тогда какъ не брался воевать съ нею, когда она была жива, да и не умѣлъ бы, если бы она оставалась живою и на свободѣ. «Нѣтъ, отвѣчалъ на это Циховскій, я побивалъ ее еще не мертвую и не похороненную, я наступалъ и побивалъ ее, когда она была еще живою, была въ силѣ и славѣ и рыскала по Волыни и Украинѣ съ великою опасностію для душъ христіанскихъ». Это можетъ значить, что время распространенія новой символической книги секты по сектанскимъ общинамъ Волыни и Украины было вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ оживленія попытокъ социнианской пропаганды изъ этихъ общинъ между другими христіанами сосѣднихъ мѣстностей Волыни и Украины. Время падаетъ, какъ можно судить изъ словъ Циховскаго, на средину 4-хъ годовъ XVII в., и онъ могъ тѣмъ лучше наблюдать за этой пропагандой,

потому что самъ бывалъ въ это время на Украинѣ и Волини, между прочимъ въ Кіевѣ и Острогѣ ¹⁾.

Въ виду такихъ извѣстій о соцініанскихъ патронахъ изъ русскихъ дворянскихъ фамилій Волини и Украины и о здѣшнихъ сектанскихъ общинахъ, неудивительно, что уніатскіе полемисты продолжали упрекать православныхъ юго-западной Руси за увлеченіе ученіями разныхъ сектантовъ, въ томъ числѣ и соцініанъ. Такой упрекъ дѣлалъ извѣстный отступникъ въ унію Кассіанъ Саковичъ. Петръ Могила умѣлъ отразить этотъ упрекъ въ своемъ «листоѣ или камнѣ на сокрушеніе обогнанія Кассіана Саковича» (Кіевъ, 1644 г.), гдѣ между прочимъ замѣтилъ: «въ Вильнѣ, около Кракова, Познани и въ другихъ городахъ есть много лютеранъ, кальвинистовъ и соцініанъ, какъ между дворянами, такъ и между простыми людьми, но—не изъ православныхъ, а изъ принадлежащихъ къ римской церкви». Но такое замѣчаніе Петра Могилы слѣдуетъ дополнить слѣдующимъ. Соцініане были и изъ русскихъ, но такихъ было гораздо менѣе, чѣмъ изъ польскихъ католиковъ; при томъ эти русскіе пань-соцініане были уже настолько ополячены, что и не могли уже считаться русскими; даже тѣ волинско-украинскія общины соцініанъ, которыми хвалятся соцініанскіе писатели, по всей вѣроятности, составлялись изъ пришлыхъ польскихъ шляхтичей, вообще уроженцевъ Польши, вытѣсняемыхъ оттуда возрастающими преслѣдованіями секты. Не напрасно молитвы и гимны, писанные Нѣмиричемъ конечно для этихъ общинъ, писаны именно на польскомъ языкѣ, а не на русскомъ, какъ можно было ожидать отъ украинскаго патрона секты. Видно, здѣсь некому было читать эти молитвы,

¹⁾ О полемикѣ по поводу конфессіи Шлихтинга см. у Іохера—*Obraz bibliograficzno—historyczny litteratury i nauk w Polsce* Т. II, № № 3310, 3312, 3313 и 3314 и примѣчанія къ нимъ. Wilno. 1842.

пѣть гимны на русскомъ языкѣ. Даже конфессія Шлихтинга, въ видѣ символа секты, рискавшая, какъ выражается Циховскій, по Волини и Украинѣ, рисковала въ латино-польской одеждѣ, а не русской, такъ какъ при извѣстности изданій ея на латинскомъ и польскомъ языкахъ, нигдѣ не упоминается, чтобы она была издана и пущена въ оборотъ на языкѣ русскомъ, какъ изданъ былъ въ свое время катихизисъ Буднаго. Видно, время Шлихтинга и Вишоватаго уже не такъ благопріятствовало подобнымъ изданіямъ, какъ время Буднаго. Тѣмъ не менѣе распространеніе пропаганды соцініанской по Волини, даже въ глубь Украины, существованіе тамъ и здѣсь соцініанскихъ патроновъ, учителей, общинъ, все это могло представлять опасность съ точки зрѣнія не только іезуита Циховскаго, ревновавшаго здѣсь объ интересахъ своей латино-польской и іезуитской пропаганды, но также съ точки зрѣнія и православныхъ пастырей съ Петромъ могилою во главѣ. Мы видѣли, что онъ защищалъ православныхъ отъ упрековъ въ сочувствіи сектанскимъ ученіямъ. Дѣлали это и другіе, считавшіе себя сотрудниками Могилы. Съ лучшими изъ такихъ сотрудниковъ Могила сдѣлалъ гораздо болѣе, совершилъ замѣчательнѣйшій подвигъ. Онъ издалъ отъ имени всей восточной церкви *православное исповѣданіе вѣры*. Въ числѣ другихъ важныхъ побужденій къ такому дѣлу служило для Могилы и его сотрудниковъ желаніе оградить православныхъ не только отъ упрековъ въ сочувствіи разнымъ сектанскимъ ученіямъ, но и отъ возможнаго вліянія на нихъ этихъ ученій. Это обнаружили издатели въ предисловіи къ исповѣданію, гдѣ упомянули о катихизѣ Буднаго, изданнаго на русскомъ языкѣ съ цѣлью распространенія въ народѣ русскомъ и пропаганды въ средѣ его сектанскихъ ученій. Другими изъ ревнителей православія продолжали списываться и распространяться прежнія обличительныя статьи какъ противъ протестантовъ, такъ и

аріанъ, новокрещенцевъ, образоборцевъ, какіе теперь и слыли въ народѣ соцініане—антитринитаріи¹⁾. Конечно подобными дѣйствіями защитниковъ православія еще не вполне устранялась опасность проникновенія соцініанской пропаганды въ среду русскаго населенія Волыни и Украйны. Польское католическое духовенство дѣйствовало гораздо энергичнѣе противъ сектантовъ въ Польшѣ, но и оно весьма не легко справлялось съ ними. Но на помощь южно-русской церкви въ ея борьбѣ не только съ латино-польскою и униатскою, но и всякою другою сектантскою пропагандою выступилъ въ пол. XVII в. самъ южно-русскій народъ въ лицѣ казаковъ. Когда подъ предводительствомъ Хмѣльницкаго поднялось казацкое движеніе, распространившееся по всей Украйнѣ, Волыни, Подолии и далѣе до самой Вислы въ Польшѣ и Случи—въ Литвѣ, то оно смѣтало предъ собой все, что носило печать польско-шляхетскаго преобладанія и латино-польской пропаганды. Разгоняя или побивая пановъ, ксендзовъ и жидовъ, казаки не щадили и попадавшихся имъ соцініанъ. Онѣ видѣли въ нихъ польскихъ или ополяченныхъ русскихъ пановъ такихъ же враговъ ихъ, какъ и прочіе паны, еще болѣе возставали противъ ихъ, какъ еретиковъ-аріанъ, иконоборцевъ, нехристей. Біографъ Вишоватаго выражается о казакахъ: *imprimis in Arianos (ut audiunt) ob religionem eis invisos saevientes*. Далѣе онъ говоритъ, что въ ту пору погибло много честныхъ людей обоюга пола, принадлежащихъ къ этому священному собранію (т. е. сектѣ соцініанской), которыхъ казаки жестоко побивали: онѣ называетъ ихъ мучениками. Особенно памятна была соцініанамъ казацкая расправа въ Старо-Константиновѣ, который сперва

¹⁾ См. въ „Каталогъ славяно-русскихъ рукописей“ В. М. Ундольскаго (Москва 1870 г.): *Просвѣтитель Литовскій XVII в.* (№ 426) и книга о вѣрѣ православной, полууставъ Бѣлорусскій XVII в. (№ 427).

осаждаемъ былъ извѣстнымъ своею жестокостію Носачемъ, потомъ взятъ самимъ Хмѣльницкимъ, что было, надо полагать, въ сентябрѣ 1648 г. Соцініане, здѣсь захваченные казаками, были вѣроятно бѣглецы изъ разогнанныхъ украинскихъ общинъ, надѣявшіеся укрыться въ городѣ. Между тѣмъ самъ бывший патронъ этихъ общинъ, извѣстный намъ Юрій Нѣмиричъ, неожиданно присталъ къ Хмѣльницкому. Предъ тѣмъ во время побѣдоноснаго движенія казаковъ по Украйнѣ онъ прогнанъ былъ изъ своихъ украинскихъ имѣній, при чемъ конечно были разогнаны или побиты соцініане, жившіе подъ его покровительствомъ. Подобно другимъ панамъ Украйны, Нѣмиричъ бѣжалъ въ Польшу. Но здѣсь на сеймѣ въ Варшавѣ приняли его очень дурно. Католики, теперь преобладавшіе на сеймѣ, кричали: «мы много послабленій дѣлаемъ, когда позволяемъ сообщаться съ нами протестантамъ; тѣ по крайней мѣрѣ, соглашаются съ нами въ главныхъ понятіяхъ о Божествѣ и о Св. Троицѣ; но мы ни въ какомъ случаѣ не потерпимъ безбожниковъ подобныхъ пану Нѣмиричу». Нѣмиричъ, собравъ свой отрядъ, вмѣсто того, чтобы идти противъ казаковъ, пошелъ черезъ Полѣсье, а отсюда на Волынь и близъ Збаража соединился съ Хмѣльницкимъ, который двигался къ этому городку изъ подъ Константинова. Въ Польшѣ разнесся слухъ, что Нѣмиричъ передалъ Хмѣльницкому тайное порученіе отъ королевича Яна Казимира содѣйствовать избранію его въ короли, обѣщая удовлетворить требованія казаковъ, когда сдѣлается королемъ. Объ этомъ слухѣ сообщалъ даже въ Москву бывший тогда въ Польшѣ московскій гонецъ Кунаковъ, прибавляя, что Нѣмиричъ сдѣлался у Хмѣльницкаго «найвысшимъ писаремъ¹⁾». А Сандъ, конечно на основаніи соцініанскихъ источниковъ, говоритъ, что Нѣмиричъ сдѣланъ былъ

¹⁾ У г. Костомарова въ соч. Богданъ Хмѣльницкій.
Письмо Смеры.

у казаковъ полевымъ военачальникомъ или казацкимъ полковникомъ, и въ этомъ есть вѣроятность, потому что онъ присталъ къ Хмѣльницкому съ своимъ отрядомъ, надъ которымъ естественно оставалось за нимъ начальство. Переходъ Нѣмирича къ Хмѣльницкому и казакамъ долженъ былъ сопровождаться переходомъ его по крайней мѣрѣ наружнымъ изъ секты въ православіе. Такой конечно смыслъ имѣеть и самое выраженіе Сауда объ этомъ переходѣ Нѣмирича: *descivit ad Graecos seu Ruthenos*. Естественно, что примѣру патрона послѣдовали и нѣкоторые социніане изъ покровительствуемыхъ имъ социніанскихъ общинъ; какъ то бывало и въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Дурной приѣмъ, сдѣланный Нѣмиричу католиками на сеймѣ въ Варшавѣ, рѣзкій, почти угрожающій, отзывъ ихъ о социніанахъ, въ связи съ воспоминаніями о раковскомъ и киссединскомъ разгромахъ, о сожженіи пресловутой конфессіи социніанской могли повліять на такой шагъ Нѣмирича и близкихъ къ нему сектантовъ тѣмъ болѣе, что такимъ шагомъ они надѣялись уберечь себя и своихъ отъ казацкой расправы, въ предположеніи поправить дѣла секты при лучшихъ обстоятельствахъ, имѣвшихъ наступить съ торжествомъ русскихъ надъ католическими панами и ксендзами. Понятно однакоже, что чрезъ союзъ съ Хмѣльницкимъ и казаками Нѣмиричъ являлся измѣнникомъ въ глазахъ польско-католическихъ пановъ, а переходомъ, хотя и наружнымъ, на сторону православія становился измѣнникомъ въ глазахъ секты, имѣвшей еще многочисленныхъ приверженцевъ въ сосѣднихъ областяхъ Галиціи и Польши. По взятіи Збаража, Хмѣльницей, продолжая свое движеніе, вступилъ въ Галицію, осадилъ Львовъ, тогда какъ отдѣльные казацкіе отряды дѣлали набѣды на ближайшія мѣстности Волыни, Галиціи. Главнымъ защитникомъ Львова отъ казаковъ Хмѣльницкаго былъ социніанинъ давній другъ Вишоватаго; звакомецъ Нѣмирича, Христофоръ Арци-

шевскій, тотъ самый, который въ Голландіи приглашалъ Вишоватаго ѣхать съ нимъ въ Америку. Самъ Арцишевскій дѣйствительно побывалъ въ южной Америкѣ, завоевалъ тамъ Ріо-Жанейро и возвратился съ славою подвиговъ. Хотя онъ открыто заявлялъ, что продолжаетъ держаться социніанства, но его держали на службѣ, какъ отличнаго артиллериста. Теперь, командуя обороною Львова, онъ съ отчаянною храбростію защищалъ его отъ казаковъ, отвергая всякую мысль о переговорахъ съ хлопами. Впрочемъ Арцишевскій не отстаивалъ города, если бы не пощадилъ его самъ Хмѣльницкій, ради находящихся въ немъ *благочестивыхъ*, какъ онъ выразился, и удовольствовался большимъ откупомъ. За то не было пощады другимъ—неблагочестивымъ. Потому-то когда отъ Львова Хмѣльницкій двинулся къ Замосцю, то общій страхъ, овладѣвшій всѣмъ нерусскимъ и неправославнымъ населеніемъ, разнесся и по сосѣднимъ областямъ люблинскимъ и сандомірскимъ, гдѣ было нѣсколько социніанскихъ общинъ, во главѣ которыхъ стоялъ Вишоватый. Безъ сомнѣнія ему была извѣстна участь тѣхъ украинско-волынскихъ социніанъ, у которыхъ онъ былъ предъ тѣмъ пасторомъ и учителемъ, извѣстенъ былъ и фактъ перехода къ Хмѣльницкому и казакамъ Нѣмирича, его давняго друга и почитателя. Это должно было глубоко огорчить Вишоватаго, какъ и вообще люблинскихъ и сандомірскихъ социніанъ. Подобно другимъ они разбѣжались въ разныя стороны. Вишоватый съ семействомъ и толпой своихъ учениковъ бѣжалъ на границы Пруссіи и здѣсь неподалеку отъ Гданска пріютился въ имѣніи богатаго патрона секты Яна Арцишевскаго родича Христофора. Отсюда онъ разбѣжжалъ по сосѣднимъ общинамъ социніанскимъ для проповѣди и сектанскихъ моленій, которыя самъ Вишоватый совершалъ на польскомъ языкѣ, а Мартинъ Руарій, бывший товарищъ его и Нѣмирича въ заграничномъ путешествіи,—на нѣмецкомъ. На-

до полагать, что и Нѣмиричу, находившемуся теперь еще при Хмѣльницкомъ, были извѣстны всѣ эти факты; было извѣстно какъ одни изъ бывшихъ уважаемыхъ имъ друзей по сектѣ ставятъ отпоръ казакамъ, другіе заботятся о спасеніи и убѣжищѣ сектантовъ, разгоняемыхъ страхомъ предъ казаками. При томъ не могла не отозваться панская гордость, и онъ не могъ устоять въ союзѣ съ Хмѣльницкимъ и его хлопскимъ войскомъ. Дѣйствительно, уже съ марта слѣдующаго года Нѣмиричъ является генеральнымъ полковникомъ, выбраннымъ отъ дворянства кievскаго восводства для усмиренія казацкихъ бунтовъ и защиты отъ нихъ пановъ и ихъ имѣній. Дворянство обязывалось всѣми силами помогать ему и неразъ предъ кородемъ и сеймомъ восхваляло заслуги Нѣмирича въ борьбѣ съ казацкимъ бунтомъ, просило награды ему какъ за эти заслуги, такъ и тѣ убытки и лишенія, какіе понесъ онъ, борясь съ казачествомъ. Эти востойчивыя восхваленія Нѣмирича вѣроятно нужны были потому, чтобы предупредить возраженія касательно сектанства его, за которое отвергнуты были и заслуги его въ прежнее время. Въ самомъ дѣлѣ, ставъ изъ кратковременнаго союзника казаковъ упорнымъ врагомъ ихъ, Нѣмиричъ тѣмъ менѣе могъ оставаться въ союзѣ съ православіемъ: самый союзъ этотъ вѣроятно не былъ искреннимъ, и служилъ только прикрытіемъ симпатій и вѣрованій Нѣмирича, продолжавшихъ оставаться социніанскими. Теперь онъ болѣе не скрывалъ ихъ и въ 1653 г. издалъ гдѣ-то свои молитвы и пѣсни социніанскія, надѣясь, быть можетъ, возсоздать на Украинѣ и социніанскую общину. Но время для этого уже прошло. Самъ Нѣмиричъ дорого заплатилъ за двойную измѣну— и казачеству и православію. Сандъ говоритъ, что казаки, не довѣряя искренности Нѣмирича, умертвили его самымъ жесто-

кимъ образомъ ¹⁾. Этимъ извѣстіемъ о Нѣмиричѣ прекращаются свѣденія о социніанствѣ на Волыни и Украинѣ. Очевидно, оно исчезло здѣсь безвозвратно, унеся отсюда только воспоминанія о своихъ кратковременныхъ успѣхахъ или надеждахъ на успѣхи здѣсь, а также и о своихъ бѣдствіяхъ и разочарованіяхъ.

Въ этому заключительному моменту изъ исторіи социніанства на Волыни и Украинѣ относится одинъ отзывъ о немъ, не лишенный для насъ интереса. Это отзывъ восточнаго патріарха Макарія Антиохійскаго, который путешествуя, по Россіи за милостынею, былъ въ 1653 г. и на Украинѣ, гдѣ казаки, какъ и самъ Хмѣльницкій, принимали его съ глубокимъ уваженіемъ и почетомъ. Въ своихъ запискахъ объ этомъ путешествіи онъ упоминаетъ, что въ сѣверной Европѣ, Венгріи и Польшѣ видѣлъ здѣсь социніанъ, которыхъ называетъ павликіанами т. е. послѣдователями ученія древняго еретика Павла

¹⁾ Это было въ 1660 г. Въ фамиліи Нѣмиричей, родственныхъ съ Чапличами было еще нѣсколько другихъ социніанъ. Извѣстенъ курьезный фактъ о Владиславѣ Нѣмиричѣ. Обратясь изъ социніанства въ католичество, онъ предъ смертію пригласилъ къ себѣ іезуита Михаила Кисаржевскаго съ просьбою исповѣдать и причастить его, но при этомъ выразилъ сомнѣніе въ спасительности причастія подъ однимъ видомъ и просилъ духовника дать письменное ручательство въ этомъ. Іезуитъ не затруднился, конечно, дать такое ручательство въ видѣ росписки отъ 11 апр. 1653 г. въ которой принималъ на себя отвѣтственность за спасеніе умирающаго. Нѣмиричъ и умеръ и похороненъ съ роспискою въ рукахъ, согласно желанію его. Когда чрезъ пять дней пришлось ставить покойника въ могилу въ люблинскомъ костелѣ іезуитовъ и при этомъ отрывали гробъ его, то кромѣ этой росписки, оставшейся въ рукахъ, найдена на груди покойника другая отъ 16 апрѣля 1653 г., которою онъ освобождалъ Кисаржевскаго отъ отвѣтственности, такъ какъ причастіе подъ однимъ видомъ дѣйствительно оказалось спасительнымъ. Росписка дана изъ „Долины покаянія“ т. е. изъ чистилища. Обѣ росписки предъявлены были Кисаржевскимъ для внесенія въ книги короннаго трибунальнаго суда, куда и записаны копии съ нихъ, но подлинники Кисаржевскій взялъ назадъ. Herbarz Polski Niesieckiego. T. VII, p. 552—553. W Lipsku 1841г.

Самосатскаго, выражается о нихъ съ негодованіемъ какъ людяхъ дурныхъ и нечестивыхъ, которыми должны гнущаться истинные христіане ¹⁾. Такой взглядъ патріарха безъ сомнѣнія былъ взглядомъ и другихъ лицъ духовныхъ какъ греческихъ, такъ и русскихъ, находившихся въ казацкихъ ополченіяхъ и одушевлявшихъ ихъ на борьбу за вѣру православную со всѣми, въ коихъ видѣли они враговъ ея. Если такой взглядъ внушаемъ былъ греко-русскимъ духовенствомъ и казакамъ, то могъ не остаться безъ вліянія на ихъ жестокую расправу съ сочиніанами. Однакожъ сами сочиніанскіе писатели на этотъ разъ не высказываютъ жалобъ на греко-русскихъ духовныхъ лицъ, какъ на гонителей секты ихъ, агитаторовъ пародной или правительственной расправы надъ нею, что обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ говорятъ они о духовенствѣ католическомъ, особенно іезуитахъ. Можно по этому полагать, что подобной нарочитой агитаціи со стороны первыхъ т. е. греко-русскихъ духовныхъ и не существовало теперь, потому что болѣе опасными и сильными врагами православія они продолжали считать папистовъ, польско-католическихъ пановъ и ксендзовъ, что за тѣмъ разсѣяніе или истребленіе казаками волинско-украинскихъ сочиніанъ, совершившееся само собою, освобождало отъ необходимости возбуждать преслѣдованіе противъ нихъ. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ же Макарій Антиохійскій, говоря, что видѣлъ сочиніанъ въ сѣверной Европѣ, Венгріи и Польшѣ, не упоминаетъ, чтобы видѣлъ ихъ на Украинѣ. Видно, въ это время здѣсь о нихъ уже не было помину.

Между тѣмъ въ Польшѣ сочиніане еще надѣялись удержаться. Когда съ отступленіемъ Хмѣльницкаго отъ границъ

¹⁾ Ст. Преосв. Порфирія: Антиохійскіе патріархи въ Трудахъ Киев. дух. Акад. 1873 г.

малой Польши въ Украйну въ концѣ 1648 г., люблинская и сандомірская области освободились отъ казацкаго страха, сочиніане, предъ тѣмъ бѣжавшіе отсюда, спѣшили возвратиться. Вишоватый опять былъ во главѣ возвратившихся и даже задумалъ возсоздать новую сильную общину по близости отъ самаго Ракова въ м. Радостовѣ, владѣлица котораго, родственная съ Нѣмиричами, была патронкою секты. Но сосѣдній католическій священникъ тотъ часъ возсталъ противъ этого замысла, отправился въ Варшаву съ доносомъ, что сектанты въ Радостовѣ повторяютъ такія безчинства съ хр. святынями, за которыя въ 1648 г. прогнаны изъ Ракова. Вишоватый спѣшилъ въ Варшаву съ оправданіями, но безуспѣшно, и Радостовъ въ скоромъ времени за тѣмъ утраченъ сочиніанами, перейдя въ руки католиковъ. Такимъ же образомъ католическое духовенство преслѣдовало сочиніанъ и на всѣхъ другихъ пунктахъ, гдѣ пытался утвердиться съ ними Вишоватый. 1655 г. былъ еще болѣе несчастливъ для сектантовъ. Это былъ самый тяжкій годъ и для Польши, которая почти вся съ Варшавой и Краковомъ была во власти шведовъ, тогда какъ Литва и южная Русь во власти казацкихъ и московскихъ войскъ. Католическое духовенство вопіяло о гибели церкви, угрожаемой отъ завоевателей съ одной стороны протестантовъ, съ другой схизматиковъ, и старалось разжечь религиозно-патріотическій энтузіазмъ въ народныхъ массахъ для борьбы съ врагами отечества и церкви. Особенно въ краковской области оно старалось поднимать сельское населеніе противъ шведовъ и въ награду за подвиги обѣщало отдать имъ имущество и жилища сочиніанъ, пораженіе которыхъ въ Польшѣ выставляло новымъ подвигомъ, имѣющимъ умиловить гнѣвъ Божій, разлившійся на католическую страну за преступную поблажку этимъ богопротивнымъ еретикамъ. Составились толпы поселянъ, вооружен-

ныхъ топорами, пиками, косами и по указаніямъ ксендзовъ нападали на социніанъ, грабили и жгли ихъ дома и имущество, побивали или жгли ихъ самихъ, не щадя самыхъ женъ и дѣтей социніанскихъ семействъ, и жестокими казнями принуждая сектантовъ къ отреченію отъ своего ученія и исповѣданію католической вѣры. Особенно памятна была социніанамъ катастрофа, постигшая ихъ въ это время въ окрестностяхъ Сандеча, въ южной части браковской области. Біографъ Вишоватаго не находилъ словъ для выраженія своей скорби и ужаса при воспоминаніи объ этомъ. Естественно, что социніанамъ пришлось искать защиты отъ фанатизма своихъ католическихъ соотечественниковъ у иноземцевъ завоевателей—шведовъ. Вишоватый съ толпой своихъ единовѣрцевъ прибылъ въ Краковъ и здѣсь отъ имени ихъ обратился съ рѣчью къ шведскому генералу Вюрцу, прося пріюта и защиты. Тотъ благосклонно принялъ сектантовъ, и Вишоватый возобновилъ сектанскую общину въ Краковѣ, гдѣ она уже давно не существовала, бывъ вытѣснена іезуитами. Тяжко заплатились социніане за это. Къ 1658 г. положеніе Польши было значительно лучше. Шведы были вытѣснены изъ столицы и многихъ другихъ мѣстъ. Ослабѣла опасность отъ Москвы и казаковъ, и бывший совѣтникъ Хмѣльницкаго Выговскій теперь искалъ союза съ Польшею. Польское правительство вступило въ свои права, приобрѣло увѣренность; религіозно-патріотическое одушевленіе съ новою силою овладѣло Поляками. Католическое духовенство, особенно іезуиты спѣшили воспользоваться такимъ положеніемъ, чтобъ нанести послѣдній ударъ всей социніанской сектѣ въ Польшѣ. Поводъ къ тому найденъ въ томъ, что во время бывшихъ смутъ и бѣдствій отечества социніане стремились возстановлять свои общины въ самомъ даже Краковѣ, что они предавались шведамъ какъ измѣнники отечества; хотя вина такого предательства лежала тогда на

цѣлыхъ городахъ и многихъ католическихъ панахъ присягнувшихъ шведамъ, но нужно было, чтобы кто нибудь оказался виновнѣ всѣхъ—и такими найдены социніане. Итакъ въ 1658 г. на сеймѣ въ Варшавѣ король Янъ-Казиміръ издалъ грозный декретъ противъ *секты арианской*, названной при этомъ также анабаптистскою. Декретомъ повелѣвалось всякаго, о комъ найдено будетъ, что онъ исповѣдуеть, распространяеть, проповѣдуеть ученіе секты или покровительствуетъ ей въ Польшѣ, литовскомъ княжествѣ и соединенныхъ съ ними областяхъ,—всякаго такого привлекать къ суду и, по обвиненіи, казнить смертію. Но, продолжаетъ декретъ, изъ милосердія къ тѣмъ, которые уже состоятъ въ сектѣ и не пожелаютъ отречься отъ нея, дается имъ три года срока, до котораго они могутъ распорядиться своимъ имуществомъ, но послѣ котораго подпадутъ силѣ декрета, если будутъ найдены въ Польшѣ. Но и въ теченіи этихъ трехъ лѣтъ они ни въ какомъ случаѣ не должны отправлять своихъ сектанскихъ службъ, ни занимать какихъ либо должностей общественныхъ подъ угрозою казни, объявленной въ декретѣ. Въ смыслѣ этого декрета изданы королевскіе универсалы областнымъ судамъ и властямъ, которые подъ вліяніемъ католической ревности стали приводить ихъ въ исполненіе. Сектанты пришли въ уныніе, многіе изъ нихъ обращались въ католичество, другіе въ кальвинизмъ. Но было немало и такихъ, говоритъ біографъ Вишоватаго, которые земному отечеству предпочитали небесное и, оставаясь вѣрными сектѣ, готовились къ изгнанничеству. У этихъ вѣрныхъ начались тайныя, иногда ночныя, сборища съ цѣлю обдумать свое положеніе, взаимно утѣшить себя и помочь въ общемъ горѣ: естественно, здѣсь совершались и сектанскія моленія. Вишоватый былъ однимъ изъ главныхъ вожаковъ такихъ сборищъ. Такое сборище онъ устраивалъ въ Робковѣ, гдѣ сектанты, по словамъ біографа

его, пребывали въ постѣ, молитвѣ, совершали крещеніе и обрядъ преломленія хлѣба, по обычаю первенствующихъ христіанъ. Но католическіе ксендзы зорко слѣдили за подобными собраніями. Сосѣдній съ Робковымъ ксендзъ съ толпою католическихъ прихожанъ своихъ задумалъ напасть здѣсь на соцініанъ, но, по словамъ того же автора, внезапно явившееся темное облако заслонило убѣжище соцініанъ, такъ что ксендзъ сбился съ пути, и побродивъ около Робкова, никакъ не попалъ въ него и возвратился во свояси, восклицая отъ гнѣва: »дьяволъ защищаетъ этихъ аріанъ!« А соцініане возблагодарили небо, явно покровительствовавшее имъ. Не такъ счастливы были соцініане въ другихъ мѣстахъ, гдѣ ихъ хватали, сажали въ тюрьмы, подвергали казнямъ. Въ то же время іезуиты громили сектантовъ въ проповѣдяхъ и полемическихъ сочиненіяхъ. Николай Циховскій былъ и теперь наиболѣе громкимъ обличителемъ ихъ. Приближался 1661 г., послѣдній годъ льготнаго срока, даннаго сектантамъ для выбора между отреченіемъ отъ секты или изгнаніемъ изъ Польши. Тяжелъ былъ этотъ выборъ особенно соцініанамъ изъ пановъ, владѣвшихъ имѣніями или почетнымъ положеніемъ въ Польшѣ, связанныхъ родствомъ съ католическими панами. Задумали устроить еще одинъ диспутъ между соцініанскими и католическими богословами. Испрошено дозволеніе на это у краковскаго епископа, а католическій панъ Янъ Веліопольскій Шафранецъ открылъ свой домъ для диспута. Со стороны католиковъ диспутантами явились Бернардинъ и нѣсколько іезуитовъ съ Циховскимъ во главѣ, со стороны соцініанъ—Вишоватый. Диспутъ длился пять дней съ 11 до 16 марта 1660 г. и сосредоточивался на вопросѣ о Божествѣ Иисуса Христа. Соцініане весьма хвалятся этимъ диспутомъ, на которомъ будто бы одинъ Вишоватый такъ сильно отстаивалъ свои мнѣнія отъ нѣсколькихъ противниковъ, что самъ Шафранецъ

выразилъ ему сочувствіе, а іезуитскій гвардіанъ выразился что если бы и всѣ сектанскіе учителя вышли изъ ада, то не могли бы защищать свою вѣру сильнѣе того, какъ защищаль ее одинъ Вишоватый.

Диспутъ этотъ много повредилъ сектантамъ. Раздраженные іезуиты сдѣлали то, что данный соцініанамъ трехлѣтній срокъ для продажи своихъ имѣній, взысканія долговъ и удаленія изъ Польши, былъ сокращенъ на годъ, и 10-е іюня 1660 г. объявлено послѣднимъ днемъ срока, послѣ котораго всѣ застигнутые въ Польшѣ соцініане подпадутъ декрету смертной казни. Эта неожиданная мѣра поставила соцініанъ въ крайнее затрудненіе. Напрасно они протестовали противъ несправедливости, нарушенія королевскаго слова. Если одни изъ католиковъ жалѣли ихъ, то другіе радовались бѣдѣ ихъ, по католической ревности, или изъ расчета воспользоваться добромъ изгнанниковъ. Послѣдовали новыя отреченія отъ секты и обращеніе въ католичество со стороны тѣхъ, которые не могли разстаться съ своими домами, имѣніями, родиной и родными. По подозрѣнію въ искренности такого обращенія, этимъ новообращеннымъ, подъ угрозой конфискаціи имѣній, запрещено было оказывать какое-бы то ни было содѣйствіе прежнимъ единомышленникамъ, остающимся вѣрными сектѣ. Этихъ послѣднихъ оставалось немало. Поспѣшно стали они собирать свое добро, сбывать имѣнія и пожитки, конечно за безцѣнокъ при такихъ обстоятельствахъ. За тѣмъ то по одиночкѣ, семьями, то цѣлыми толпами отправлялись они въ чужія страны въ Венгрію, Трансильванію, Силезію, сѣверную Германію, особенно Пруссію и Бранденбургъ, Гамбургъ, Голландію и Англию. На пути изгнанникамъ приходилось испытывать новыя бѣдствія. Такъ напр. партія, шедшая въ Венгрію, была, по внушеніямъ изъ Польши, совершенно ограблена цесарскими солдатами. Лучшій сравнительно приѣмъ нашли изгнанники въ Вен-

грии и Трансильваніи, гдѣ издавна существовали сообщники ихъ по сектѣ, особенно въ Клавдіополѣ, гдѣ социніанская община была довольно многочисленна и сильна, продержавшись до новѣйшихъ временъ. Въ средней Германіи сектанты не нашли спокойныхъ убѣжищъ для себя. Худо приняты были они и въ Англии, гдѣ еще недавно предъ тѣмъ, социніанская конфессія Шлихтинга по рѣшенію парламента сожжена публично. Гораздо лучше приняты были бѣглецы въ Пруссіи и Бранденбургѣ и еще лучше въ Голландіи, которая тогда была вообще такимъ убѣжищемъ всякимъ эмигрантамъ, какъ теперь Англія или Швейцарія. Въ Амстердамѣ осѣлись по преимуществу главные вожаки и ученые сектанты, прозвавъ этотъ городъ *мѣстомъ упокоенія*, которое избралъ Богъ для вѣрныхъ своихъ. Амстердамъ въ Голландіи и Клавдіополь въ Трансильваніи были теперь главными центрами разсѣянныхъ по чужбинѣ социніанъ или, какъ они выражались, главными убѣжищами ихъ *ecclesiae exulantis*—изгнаннической церкви.

Мы не послѣдуемъ за дальнѣйшею судьбою секты въ это время изгнанничества и разсѣянія ея ¹⁾. Укажемъ только на одну черту въ дѣятельности вожаковъ секты, для насъ болѣе интересную. Послѣ такого печальнаго исхода столѣтней (съ небольшимъ) жизни секты въ Польшѣ, Литвѣ и Руси, при такомъ печальномъ состояніи, въ какомъ очутилась она, теперь не время было задаваться планами новой пропаганды секты, устроенія новыхъ общинъ, школъ и тому подобными практическими начинаніями. Свободною областію для дѣятельности

¹⁾ Нѣсколько интересныхъ свѣденій по исторіи секты за это время можно найти, между прочимъ, въ соч. *Starożytna Polska*, цитованномъ выше. Мы не касались также начальной исторіи антитринитаріанства въ польско-литовско-русскихъ предѣлахъ. Она прекрасно обработана въ трудѣ г. Будрина: *Антитринитаріи XVI вѣка* (Прав. Собесѣдникъ 1874 г.).

вожаковъ секты оставалась область литературной дѣятельности, на которой они теперь и сосредоточились. Въ самомъ дѣлѣ, время изгнанничества социніанъ особенно плодотворно памятниками социніанской литературы. Характеромъ времени опредѣлялись и преобладающіе интересы литературной дѣятельности социніанъ. Исторія и апологія болѣе чѣмъ когда либо составляли главную задачу ея. Социніанскіе ученые старались сохранить отъ забвенія и растраты то, что осталось въ наслѣдіе сектѣ отъ ея столѣтней жизни, собрать и издать памятники ея ученія, собрать для памяти имени и труды главныхъ учителей ея, имена и заслуги главныхъ патроновъ секты, главныхъ общинъ ея, уяснить отношенія, въ какія поставлена была секта къ другимъ исповѣданіямъ, ея успѣхи и неудачи, словомъ собрать и объединить памятники и преданія всей прошлой жизни секты, закончившейся такою печальною катастрофой. Эта же печальная катастрофа сильно настраивала социніанъ къ апологіи своей секты. Они чувствовали потребность защитить себя отъ того позора, какимъ покрывалъ ихъ фактъ изгнанничества изъ отечества и какъ сектантовъ и какъ гражданъ, оправдать себя въ томъ и другомъ отношеніи, выставить несправедливыми всѣ обвиненія и преслѣдованія, на нихъ обрушившіяся, вызвать участіе къ себѣ и своимъ несчастіямъ. Такая защита, нужная и самимъ сектантамъ для утѣшенія себя въ несчастіяхъ, для поддержанія духа и вѣры въ уцѣлѣвшихъ и разсѣянныхъ по свѣту собратьяхъ по сектѣ, обращена была по преимуществу къ Польшѣ, какъ родинѣ секты, къ полякамъ, какъ прежнимъ собратьямъ по отечеству или и по сектѣ и потому выражалась иногда въ воззваніяхъ и письмахъ туда обращенныхъ. Она началась далѣе для обществъ и правительствъ тѣхъ странъ, гдѣ теперь пріютились или искали пріюта изгнанники изъ отечества и потому выражалась иногда въ письмахъ или рѣчахъ къ властямъ и государямъ разныхъ странъ Европы.

Ко времени изгнаннической жизни социнианъ по разнымъ странамъ Европы относится и заключительная дѣятельность всѣхъ остальныхъ, послѣ Будзинскаго, свидѣтелей письма Половца Смеры, дѣятельность имѣвшая тотъ общій характеръ, какой сейчасъ указанъ нами. Къ этому же времени относится первое изданіе въ печати самаго письма. Свидѣтели эти намъ уже извѣстны: одни по именамъ, другіе и по дѣятельности ихъ въ исторіи секты. Дополнимъ сказанное о нихъ еще нѣкоторыми свѣденіями преимущественно за эти послѣдніе годы ихъ жизни и дѣятельности въ изгнаніи.

Менѣе имѣемъ такихъ свѣденій о *Риновецкомъ—Трембецкомъ*. Знаемъ уже, что онъ былъ социнианскимъ пасторомъ сперва въ Люблинѣ, потомъ въ Кисселинѣ на Волыни. По закрытіи въ 1644 г. здѣшней социнианской общины, моленной и школы, Риновецкій, подпавъ декрету лишенія чести и изгнанія и принявъ по этому поводу новую фамилію—Трембецкій, удалился въ Литву, гдѣ оставался, какъ кажется, до общаго изгнанія социнианъ изъ Польши и соединенныхъ съ нею странъ, по декрету 1658 г. Послѣ этого декрета, онъ бѣжалъ въ Пруссію, гдѣ былъ пасторомъ *exulantis ecclesiae*, т. е. общины сектанскихъ изгнанниковъ, до самой смерти, послѣдовавшей въ 1678 г. на 81 году. Социнианамъ были извѣстны его проповѣди на польскомъ и письма на латинскомъ языкахъ, а также историческія записки на польскомъ языкѣ, заглавіе которыхъ Сандъ передаетъ по латыни такъ: *Rhapsodiae continentis res memorabiles in religionis potissimum negotio, praeterito et hoc saeculo, gestas*. Это, какъ надобно полагать, отрывочныя замѣтки или матеріалы по исторіи протестанства и социнианства въ XVI и XVII вв., собранныя конечно въ интересахъ секты, въ которой авторъ былъ пасторомъ. Мanusкрипты Риновецкаго—Трембецкаго остались неизданными, но они всѣ или въ извѣстной части были въ рукахъ Вене-

дикта Вишоватаго, сына Андрея Вишоватаго, подъ названіемъ польскаго кодекса или сборника Риновецкаго—Трембецкаго. Отсюда-то Венедиктъ Вишоватый, какъ мы уже замѣтили выше, заимствовалъ и списокъ письма Половца Смеры въ польскомъ переводѣ и въ 1677 г. сообщилъ его Санду въ своемъ латинскомъ переводѣ, какъ передаетъ объ этомъ самъ же Сандъ. Но что извѣстно о Венедиктѣ Вишоватомъ, которому принадлежитъ такое важное участіе въ дѣлѣ обнародованія письма?

Венедиктъ Вишоватый извѣстенъ не столько самъ по себѣ, сколько по своему отцу Андрею. Это, какъ мы знаемъ, былъ одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ и энергическихъ вожаковъ секты въ послѣдній періодъ ея исторіи, побывавшій пасторомъ и учителемъ въ разныхъ социнианскихъ общинахъ Польши, Литвы, Волыни и Украйны, связанный воспитаніемъ, дружбою, родствомъ и особенно дѣятельностію на пользу секты многими изъ извѣстнѣйшихъ учителей, вожаковъ и патроновъ секты, каковы напр. Чапличина на Волыни, гдѣ въ Кисселинѣ онъ жилъ въ одно время съ Риновецкимъ, или Нѣмиричи на Украйнѣ, гдѣ онъ миссіонерствовалъ по вызову Юрія Нѣмирича. Мы видѣли, какъ онъ повсюду старался отстаивать секту, ободрять и поддерживать сектантовъ во время постигавшихъ ихъ гоненій, продолжая эту напряженную дѣятельность до самаго изгнанія ихъ изъ Польши. Во время этихъ гоненій Вишоватый потерялъ почти все свое состояніе. Озабоченный общими дѣлами сектантовъ, въ располхъ захваченныхъ внезапнымъ сокращеніемъ срока для удаленія изъ Польши, Вишоватый не успѣлъ распорядиться принадлежавшимъ ему небольшимъ имѣніемъ, которое впрочемъ до этого срока было занято королевскими солдатами. Такимъ образомъ бѣднякомъ онъ отправился въ изгнаніе съ своимъ семействомъ и во главѣ той партіи соци-

ніанъ, которая отправилась въ Трансильванію и здѣсь поселилась въ Клавдіополь. Въ первыя шесть лѣтъ своей изгнаннической жизни Андрей Вишоватый не оставался на одномъ мѣстѣ, а странствовалъ по Венгріи, Трансильваніи, Силезіи и разнымъ странамъ Германіи, посѣщая разсѣянныхъ здѣсь социніанъ, съ цѣлію поддержать и утѣшить своихъ единовѣрцевъ. Съ такою же цѣлію два раза тайно пробирался онъ и въ Польшу, гдѣ еще оставались тайные послѣдователи секты, а также вдовы и сироты нѣкоторыхъ социніанскихъ семействъ, неимѣвшихъ средствъ отправиться въ изгнаніе. Съ 1666 г. Вишоватый поселился въ Голландіи въ Амстердамѣ, гдѣ засталъ еще давнихъ знакомыхъ своихъ и цѣлую колонію новыхъ изгнанниковъ изъ Польши. Въ этомъ «мѣстѣ упокоенія» онъ и оставался уже до самой смерти, послѣдовавшей въ 1678 г. Знаменитый своею практическою дѣятельностію въ сектѣ, А. Вишоватый не менѣе славился какъ ученый и писатель секты. Много писалъ онъ еще въ Польшѣ; но большая часть тогдашнихъ сочиненій его, также значительная часть бібліотеки его пропала во время преслѣдованій, которымъ онъ подвергался. Еще болѣе писалъ онъ, когда уже былъ въ изгнаніи, особенно въ Амстердамѣ. Одни изъ этихъ новыхъ сочиненій Вишоватаго остались въ рукописяхъ, другія были изданы преимущественно въ Амстердамѣ, частію при жизни, частію по смерти автора. Какъ и естественно ожидать, всѣ сочиненія Вишоватаго писаны въ интересахъ секты. Писалъ онъ изъясненія на евангелія и посланія апостольскія, разные богословскіе, даже философскіе трактаты, проповѣди, пѣсни и молитвы для сектанскихъ общинъ, ученныя письма и посланія къ разнымъ вожакамъ и общинамъ секты, обработывалъ, по порученію сектанскихъ соборовъ символическія книги секты, катихизисъ и исповѣданіе вѣры, еще болѣе упражнялся въ апологіи и полемикѣ, направленной противъ католиковъ, лю-

теравъ, кальвинистовъ и нѣкоторыхъ хр. сектъ на западѣ, заходившихъ и въ Польшу,—не менѣе также и въ исторіи церковной, преимущественно исторіи своей секты. Въ послѣднемъ отношеніи стоить упоминавня его «Compendium Historiae Ecclesiasticae или сокращенное повѣствованіе о томъ, какъ послѣдовало въ Польшѣ отдѣленіе христіанскихъ унитаріевъ отъ реформатскихъ тринитаріевъ (т. е. кальвинистовъ)». Здѣсь, подобно Будзинскому, онъ высказываетъ общій взглядъ социніанъ на происхожденіе ихъ ученія. Простота хр. ученія, переданнаго апостолами, хранилась у истинныхъ первобытныхъ христіанъ, каковы назореи и лучшіе изъ евѣонитовъ. Но потомъ, съ вступленіемъ въ церковь языческихъ философовъ, особенно платониковъ, это простое и первобытное ученіе начало искажаться. Такому искаженію противились лучшіе исповѣдники вѣры до никейскаго и въ первое время послѣ никейскаго собора. Исповѣдниковъ этихъ видитъ онъ въ извѣстныхъ еретикахъ того времени, отрицавшихъ догматы о св. Троицѣ, не упоминая впрочемъ объ Аріѣ и аріанахъ, потому что шелъ далѣе ихъ въ своемъ чисто социніанскомъ ученіи, что имя аріанъ стало наконецъ не совсѣмъ пріятнымъ для социніанъ, какъ обычное бранное прозвище для нихъ со стороны всѣхъ другихъ христіанъ. Послѣ никейскаго собора настала мракъ въ мірѣ христіанскомъ, державшійся нѣсколько вѣковъ. Мракъ этотъ сталъ разсѣиваться со времени Лютера, Кальвина, Меннона, особенно же съ появленіемъ новыхъ учителей въ Италіи, которые возстали противъ престопаднаго, но повсюднаго вѣрованія во св. Троицу, и воскресили какъ бы изъ-подъ пепла первобытное хр. ученіе о единомъ Богѣ и Сынѣ Божіемъ І. Христѣ, какъ простомъ человѣкѣ, рожденномъ отъ Маріи. Обозрѣвая исторію социніанства въ Польшѣ, Вишоватый старается особенно выяснить то, что польскіе реформаты или кальвинисты были сначала за-одно съ унитарі-

ями или социніанами, потомъ постепенно отрекались отъ нихъ, такъ что съ 1567 г. произошло уже полное разъединеніе тѣхъ и другихъ, хотя еще и потомъ были попытки къ сближенію, кончившіяся неудачей. Вишоватый горько упрекаетъ за это кальвинистовъ, выражаясь, что эти *reformati adhuc reformandi sunt*, т. е. должны быть еще преобразованы въ смыслѣ ученія унитаріевъ. Въ средѣ самыхъ унитаріевъ онъ различаетъ особья фракціи, порицая особенно партію полужидовствующихъ, которые, отвергая вмѣстѣ со всѣми унитаріями ученіе о Троицѣ, впали въ другую крайность—отвергли божеское поклоненіе Іисусу Христу, ибо Вишоватый держался общаго, утвердившагося со времени Социна ученія секты, что Іисусъ Христосъ, хотя и человекъ, но по своему нравственному величію сталъ однороднымъ Сыноу Божіимъ и Богомъ на вѣки.

Андрей Вишоватый имѣлъ двухъ сыновей: Феодора и Бенедикта. О послѣднемъ онъ особенно заботился, желая воспитать въ немъ преемника себѣ въ служеніи сектѣ. Прель смертью онъ говорилъ ему: «сынъ мой, дѣлай то, что, какъ ты видѣлъ, я всегда дѣлалъ: ищи всегда истины и добра и въ нихъ пребывай всецѣло!» Молодой В. Вишоватый дѣйствительно посвятилъ себя служенію сектѣ. Безъ сомнѣнія онъ оставался въ Амстердамѣ, какъ наслѣдникъ отцовскаго добра, здѣсь работалъ на пользу секты, хотя неизвѣстно, какъ долго продолжалась и чѣмъ заключилась его дѣятельность. Въ наслѣдство Вишоватому осталась уцѣлѣвшая и вновь пополненная бібліотека отца, а также собственныя сочиненія послѣдняго, которыя по его смерти издавалъ Бенедиктъ совместно съ другими сообщниками по сектѣ, въ числѣ коихъ былъ Сандъ. Конечно изъ этого-то источника, т. е. изъ бібліотеки отца взяты и такіе матеріалы и памятники соцініанской письменности, какъ сборникъ Риновецкаго—Трембецкаго, заклю-

чавшій списокъ письма Головца Смеры. Далѣе извѣстно, что В. Вишоватый имѣлъ у себя сочиненія и манускрипты біографа—Ст. Будзинскаго—Эразма Отвиновскаго. Одно изъ этихъ сочиненій подъ заглавіемъ «каталогъ достопамятныхъ героевъ» (т. е. учителей, пасторовъ и патроновъ соцініанской секты въ Польшѣ и Литвѣ), онъ, въ переводѣ съ польскаго на латинскій языкъ, сообщилъ Санду для напечатанія. А такъ какъ Эразмъ Отвиновскій главнымъ образомъ и сберегъ для соцініанъ уцѣлѣвшую часть историческихъ записокъ Будзинскаго, то надо полагать, что и самыя эти записки, съ заключавшимся въ нихъ письмомъ Половца, достались В. Вишоватому также изъ манускриптовъ и книгъ Отвиновскаго, находившихся въ той же бібліотекѣ Бенедиктова отца—Андрея. Отсюда же (вѣроятно) моль заимствовать записки Будзинскаго и самъ Сандъ, часто ссылающійся на нихъ.

Къ кружку извѣстнѣйшихъ эмигрантовъ соцініанъ принадлежалъ и Станиславъ Любенецкій. Фамилія Любенецкихъ дала нѣсколько знаменитостей соцініанской секты. Таковы три брата—Андрей, Христофоръ и Станиславъ Любенецкіе, славившіеся въ цвѣтущее время Ракова. Послѣ этого времени славились особенно сыновья Христофора—Христофоръ и Станиславъ. Послѣдній былъ знаменитѣй всѣхъ, особенно какъ писатель. Воспитанный въ сектѣ своимъ отцемъ Раковскимъ пасторомъ, онъ потомъ самъ былъ пасторомъ въ Седлинскѣ близъ Люблина и Чариковѣ—въ Познани, откуда послѣ декрета 1658 г. эмигрировалъ за границу, жилъ въ сѣверной Германіи и Голландіи и здѣсь—въ Амстердамѣ, умеръ въ Гамбургѣ въ 1675 г. Къ этому послѣднему періоду жизни его относится большая часть весьма многочисленныхъ сочиненій его польскихъ и латинскихъ, изъ коихъ впрочемъ только болѣе важныя были изданы въ разныхъ городахъ Германіи, также въ Амстердамѣ, частію при жизни, частію по смерти

автора. Нѣкоторые изъ этихъ сочиненій онъ посвящалъ разнымъ государямъ Германіи, Даніи и Норвегіи, безъ сомнѣнія въ надеждѣ снискать этимъ благосклонность своимъ единовѣрцамъ и изгнанникамъ. Ему удалось въ 1661 г. выдержать диспутъ съ однимъ ученымъ іезуитомъ въ какомъ-то городѣ сѣв. Германіи, въ присутствіи короля датскаго Фридерика и датскихъ вельможъ. При всемъ разнообразіи сочиненій Любенецкаго, большая часть ихъ все-таки посвящена апологіи и исторіи секты. Изъ апологетическихъ сочиненій его особенно цѣнились сочиненіями: *Vindiciae pro unitariorum in Polonia religionis libertate*, съ примѣчаніями къ нему самаго же автора. Здѣсь Любенецкій, подобно А. Вишоватому, возводитъ начало унитаріанскаго или социніанскаго ученія къ первымъ вѣкамъ христіанства, указывая представителей его въ назорейхъ, евионитахъ и нѣкоторыхъ еретикахъ перваго и втораго вѣковъ, но отрицая тождество унитаріевъ съ аріанами и замѣчая, что это названіе усвояютъ социніанамъ только какъ предлогъ къ такимъ преслѣдованіямъ ихъ, каковымъ въ древности подвергались аріане. Сказавъ о распространеніи унитаріанства въ Польшѣ, Литвѣ, Трансильваніи, Любенецкій защищаетъ право ихъ на вѣроисповѣдную свободу, наравнѣ со всѣми другими диссидентами, цитуетъ для этого рядъ королевскихъ указовъ и сеймовыхъ конституцій, обеспечивающихъ эту свободу. Указывая на послѣдовавшія затѣмъ гоненія на унитаріевъ въ Польшѣ, апологетъ видитъ въ этомъ нарушеніе законовъ, попраніе свободы гражданской и религіозной, влекущее за собою тяжкія для страны послѣдствія. Тутъ онъ заступаетъ не только за унитаріевъ, но и другихъ диссидентовъ, въ томъ числѣ грекорусскихъ, и въ казацкихъ возстаніяхъ, сопровождавшихся столькими жестокостями, опустошеніями, несчастіями, видитъ отмщеніе Польшѣ за посягательство на свободу вѣры. Достоинство унитаріанства, право его на свободу своего испо-

вѣданія подкрѣпляетъ исчисленіемъ многихъ весьма знатныхъ, заслуженныхъ и образованныхъ лицъ изъ дворянства польскаго, литовскаго, даже русскаго, послѣдняго особенно на Волини. Съ особенною оречью говоритъ онъ о послѣднемъ декретѣ изгнанія социніанъ изъ Польши, защищаетъ ихъ отъ обвиненія въ измѣнѣ отечеству и предательствѣ шведамъ, вообще видитъ въ этомъ декретѣ актъ величайшей неправды. Во имя свободы и любви къ отечеству онъ дѣлаетъ изъ чужбины воззваніе къ соотечественникамъ, умоляя ихъ подумать о гибели, грозящей отечеству отъ партіи людей, лукавыхъ и фанатическихъ, которые готовы ввести въ Польшу испанскую инквизицію или австрійскій деспотизмъ, попираютъ стародавніе обычаи и законы Польши, разумѣя подъ этою партіею— партію ультра-католическую, или іезуитскую. Наконецъ онъ отдаетъ дѣло унитаріевъ на судъ всего свѣта христіанскаго. Самимъ же унитаріямъ онъ напоминаетъ въ утѣшеніе слова Евангелія: *блаженн ест, егда возненавидятъ васъ чловѣцы и разлучатъ васъ и поносятъ васъ и пронесутъ имя ваше яко зло, Сына чловѣческаго ради. Возрадуйтеся въ той день и възграйте, яко мзда ваша многа на небесахъ.*

Изъ историческихъ сочиненій Любенецкаго особенно важно: *Historia reformationis polonicae* ¹⁾.

Озаглавливая эту исторію вообще *исторіею реформации*, авторъ даетъ понять, что исторію социніанства хочетъ связать съ общею исторіею реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и Литвѣ, хотя главный предметъ его сочиненія есть собственно исторія социніанства. И здѣсь онъ восходитъ къ первымъ вѣкамъ христіанства, отыскивая тамъ начало ученія антитри-

¹⁾ Полное заглавіе сочиненія: *Historia reformationis polonicae, in qua tum reformationum, tum antitrinitariorum origo et progressus in Polonia et finitimis provinciis narrantur. Freistadii. 1685.*

нитаріевъ или унитаріевъ. Указавъ на ближайшихъ предшественниковъ унитаріанскаго движенія во полов. XVI в., авторъ послѣдовательно историю этого движенія начинаетъ съ появленія унитаріанскихъ мнѣній въ кружкѣ свободомыслящихъ людей въ Краковѣ во время Лисманни и затѣмъ съ прибытіемъ въ Польшу Лелія Социна, внушившаго свое ученіе Лисманни и другимъ въ самомъ началѣ второй полов. XVI в. Излагая эту историю въ связи съ общою исторіею реформаціоннаго движенія въ Польшѣ и Литвѣ, въ борьбѣ его съ римско-католическою церковію, авторъ останавливается особенно на усиливающихся проявленіяхъ унитаріанства, выдѣляющагося отъ этого общаго движенія, и слагающагося въ самостоятельное ученіе и общество, съ которымъ Pastorгають союзъ представители другихъ фракцій реформаціоннаго или протестанскаго движенія. Въ такомъ смыслѣ сообщены свѣденія о соборахъ общихъ—протестанскихъ и унитаріанскихъ до 1567 г. Послѣ этого года прекращается послѣдовательное изложеніе исторіи, завершаясь нѣсколькими стрывочными разсказами, касающимися собственно унитаріанства. Исторія Любенецкаго проникнута полною неприязнію къ папизму, не безъ горечи относится и къ протестанству, особенно кальвинизму, которое оттолкнуло отъ себя унитаріевъ, какъ аріанъ и т. п., и готово было даже вредить имъ, преслѣдовать ихъ. Русскаго православія онъ не затрогиваетъ. Исторія Любенецкаго есть одинъ изъ важнѣйшихъ источниковъ для исторіи протестанскаго, особенно же социніанскаго движенія въ Польшѣ и Литвѣ. Но сама эта исторія имѣетъ главнымъ источникомъ записки, или рукописную исторію Ст. Будзинскаго, на котораго Любенецкій ссылается непрерывно, едва не на каждой страницѣ. Откуда онъ досталъ записки Будзинскаго? По всей вѣроятности оттуда-же, откуда и Вишоватый—т. е. изъ манускриптовъ біографа Будзинскаго—Эразма Отвиновскаго. Мы упо-

минали, что Любенецкій въ послѣдніе годы своей жизни въ Польшѣ былъ пасторомъ въ Чариковѣ (въ Познани). Владѣльцемъ Чарикова и пасторомъ здѣшней социніанской общины былъ въ это время Иеронимъ Москоровскій, внукъ Иеронима Москоровскаго, современника и друга Ф. Социна, зять Э. Отвиновскаго. Ему-то могли достаться манускрипты Отвиновскаго, въ числѣ ихъ и записки Будзинскаго. Любенецкій могъ пользоваться здѣсь вмѣстѣ съ А. Вишоватымъ, который въ эту пору также бывалъ въ Чариковѣ, и вообще былъ друженъ и съ Москоровскимъ и съ Любенецкимъ, потому что съ обоими былъ связанъ не только интересами секты, но и родствомъ. Такое объясненіе источника исторіи Ст. Любенецкаго для насъ важно въ томъ отношеніи, что именно въ этой исторіи своей Любенецкій сообщаетъ о посольствѣ Половца Смеры и его письмѣ къ Владиміру, хотя самаго письма не приводитъ: какъ мы замѣтили уже, онъ говоритъ объ этомъ по поводу посольства Лисманни, въ сопутствіи его секретаря Будзинскаго, въ разныя страны западной Европы, съ порученіемъ отъ короля Сигизмунда Августа—ислѣдовать ученіе, уставы и обычаи тамошнихъ новыхъ религіозныхъ обществъ и закупить книгъ для королевской бібліотеки. Разсказавъ объ этомъ посольствѣ, Любенецкій продолжаетъ: «подобный примѣръ находимъ въ тайникахъ русскихъ лѣтописей (лучшія изъ которыхъ впрочемъ погибли для насъ въ превратностяхъ временъ) о Владимірѣ, сильнѣйшемъ князѣ (regulo) кіевскомъ. Еще тогда, когда онъ не былъ просвѣщенъ свѣтомъ евангелія (что послѣдовало наконецъ около 983 г., послѣ женитьбы его на сестрѣ греческихъ императоровъ Василія и Константина) и пребывалъ во мракѣ языческаго нечестія, еще болѣе густомъ чѣмъ мракъ пресловутыхъ киммерійцевъ сосѣднихъ съ его владѣніями,—еще тогда, а именно около 980 г., послалъ онъ въ Константинополь Іоанна Смеру Половца, ученаго врача и

честнаго мужа для изслѣдованія церковныхъ дѣлъ христіанъ греческихъ. Этотъ посоль написаль изъ Александріи своему государю письмо, въ которомъ сообщилъ ему о многихъ чителяхъ истины и послѣдователяхъ религіи, очищенной отъ идолослуженія, которые воспротивились также и другимъ общепринятымъ заблужденіямъ и поврежденіямъ въ вѣрѣ и за это потерпѣли много жестокихъ гоненій отъ грековъ, *будущи*, такимъ образомъ, *во всемъ подобны намъ*. Въ этомъ письмѣ содержатся и предсказанія о паденіи грековъ, которые сами преданы идолослуженію, лицемѣрію, гордости, внутреннимъ несогласіямъ и въ тоже время дѣлають, подобно римлянамъ, жестокия насилія совѣсти другихъ людей за оставленіе ими безбрачія и постовъ. Тамъ же содержится пророчество и о соединеніи съ тѣми исповѣдниками истины новѣйшаго поколѣнія славянскаго народа, то-есть *нишей церкви*, а съ тѣмъ вмѣстѣ объ обращеніи останковъ іудейскаго народа къ истинному Мессіи Богу Израилеву. Такимъ же образомъ и Лисманини изложилъ королю свое дѣло въ письмѣ, хотя и вопреки мысли короля, который требовалъ возвращенія его и устнаго—живаго разсказа о дѣлѣ, а не нѣмого—письменнаго ¹⁾. На это свидѣтельство Любенецкаго и ссылается Хр. Сандъ, послѣдній въ ряду свидѣтелей письма Половца Смеры. Остается сказать нѣсколько словъ и объ этомъ свидѣтелѣ.

Христофоръ Сандъ былъ нѣмецъ изъ Кенигсберга, сынъ тоже Христофора Санда, совѣтника и секретаря прусско-бранденбургскаго курфирста. Хотя родиной социніанства была Италия, отечествомъ на сто лѣтъ сдѣлалась Польша, въ которой эта секта имѣла наиболѣе послѣдователей, патроновъ, учителей, вообще наиболѣе успѣховъ и славы, тѣмъ не менѣе нѣмцы занимали въ ней далеко не послѣднее мѣсто. Въ частности это должно сказать о нѣмцахъ изъ областей Пруссіи. Прусскіе курфирсты оказывали довольно терпимости

къ унитаріямъ и другимъ подобнымъ сектантамъ, что согласовалось съ ихъ неприянію къ римской церкви, гнавшей сектантовъ съ ихъ протестанскимъ свободомысліемъ и также съ ихъ владѣльческими интересами,—съ желаніемъ привлечь въ свою тогда бѣдную и малонаселенную страну поселенцевъ изъ другихъ странъ, особенно людей трудолюбивыхъ и свѣдущихъ, какими оказывались нерѣдко поселенцы изъ сектантовъ. Мы видѣли, что еще Лисманини, осужденный въ Польшѣ на изгнаніе, нашель ласковый пріемъ у курфирста бранденбургскаго. Подобные факты повторялись и потомъ. Заносимое пришельцами, унитаріанство плодилось и между туземными нѣмцами Пруссіи и ближайшихъ областей, такъ что въ Помераніи существовала даже социніанская высшая школа, подобная раковской и клявдіопольской. Послѣ окончательнаго изгнанія социніанъ изъ Польши, Пруссія и Бранденбургъ стали однимъ изъ ихъ убѣжищъ. Это нѣсколько усилило мѣстное социніанство, но вызвало противодѣйствіе со стороны протестантовъ, самаго даже курфирста. Въ 1668 г. онъ отришилъ Христофора Санда (отца) отъ занимаемыхъ имъ должностей за его социніанскія мнѣнія. Сандъ съ сыномъ удалился въ Амстердамъ, гдѣ пріютилось нѣсколько другихъ нѣмцевъ—социніанъ, изъ коихъ особенно извѣстенъ Данииль Цвикеръ. Прибытіе нѣмецкихъ унитаріевъ усилило существовавшій уже въ Амстердамѣ кружокъ ученыхъ этой секты, но, какъ кажется, послужило поводомъ къ возобновленію споровъ между ними изъ-за частныхъ мнѣній. Такъ напр. Санды, отрицая вмѣстѣ со всеми унитаріями Троицность лицъ въ Богѣ, предвѣчность Сына Божія, держались однако чисто аріанскаго мнѣнія о Его *предсуществованіи*, т. е. существованіи до рожденія отъ Маріи, и даже до начала міра, хотя и не отъ вѣчности. Подъ влияніемъ голландско-нѣмецкаго меннонизма возобновился споръ *de usu magistratus et armorum in*

¹⁾ Historia reformationis. Lib. II, c. 2, p. 41—42.

Ecclesia, поднятый на этотъ разъ Цвингеромъ. Но несмотря на подобныя частныя разногласія, члены упомянутого кружка работали заодно въ общемъ интересѣ унитаріанства, и это были работы именно по собранію и разработкѣ памятниковъ ученія и исторіи секты, по изданію своихъ и чужихъ сочиненій въ интересахъ секты. Молодой Хр. Сандъ занялъ видное мѣсто въ этомъ кружкѣ. Онъ участвовалъ въ литературныхъ трудахъ своего отца, который въ свою очередь писалъ примѣчанія къ сочиненіямъ сына. Изъ многочисленныхъ сочиненій и изданій Санда младшаго, писанныхъ на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, наиболѣе интересны для насъ слѣдующія: первое—*Bibliotheca antitrinitariorum*, полное заглавіе которой мы выписали въ началѣ статьи и которою много пользовались здѣсь. Въ этой небольшой, но убогичиво напечатанной книжечкѣ содержится болѣе 150 именъ антитринитаріанскихъ или унитаріанскихъ писателей съ краткими свѣдѣніями объ ихъ жизни и съ обозначеніемъ ихъ сочиненій рукописныхъ и печатныхъ. Этотъ библиографическій трудъ Сандъ предпринялъ по желанію друзей т. е. членовъ упомянутого кружка ученыхъ въ Амстердамѣ, которые и помогали ему въ этомъ дѣлѣ. Это слѣдуетъ сказать особенно о Вишоватыхъ, на которыхъ онъ неразъ ссылается въ своемъ трудѣ. Безъ сомнѣнія въ числѣ важнѣйшихъ пособій для этого труда были подлинный каталогъ Эразма Отвиновскаго, находившійся у Вишоватыхъ, и записки Будзинскаго, полученныя отъ нихъ же, и также часто упоминаемыя Сандомъ, наконецъ вообще библиотека А. Вишоватаго, доставшаяся его сыну Венедигу. Сандъ за болѣзнію, потомъ смертію (въ 1680 г.), не успѣлъ кончить и издать своей «библиотеки». Она дополнена и издана въ 1684 г. въ Фрейштадтѣ однимъ изъ его друзей, который написалъ къ ней предисловіе съ похвалою Санду и оговоркой противъ разнесшейся предъ его смертію молвы, будто Сандъ измѣнилъ сектѣ

и перешелъ въ другое исповѣданіе. Продолжатель и издатель «библиотеки» Санда тоже работалъ, какъ видно, не одинъ, а въ соучастіи съ другими и помѣстилъ въ изданіи нѣсколько приложений изъ коихъ болѣе важны уже упомянутыя нами: сочиненіе А. Вишоватаго—*Compendium historiae ecclesiasticae unitariorum*, биографія А. Вишоватаго, написанная анонимомъ и *Vindiciae* Стан. Любенецкаго. По всей вѣроятности этимъ издавателемъ былъ не кто иной, какъ Венедиктъ Вишоватый *). Другое соч. Санда—*Nucleus historiae ecclesiasticae, seu historia arianorum* (изд. въ 1668 и 1676 гг. въ Амстердамѣ),—интересно только по проведенію въ немъ чисто аріанскаго взгляда Санда, въ пользу котораго онъ подбираетъ здѣсь имена и мнѣнія и древнихъ церковныхъ писателей **). Гораздо болѣе важенъ для насъ Appendix (прибавленіе) къ Нуклеусу, изданный особо въ Амстердамѣ же въ 1677—8 г. г. Это прибавленіе заключало въ себѣ не только дополненія, но и разные документы для исторіи соцініанской секты, между прочимъ письма. Въ числѣ такихъ документовъ помѣщено и письмо Половца Смеры и все, что говоритъ Сандъ объ его открытіи переводахъ, спискахъ и доказательствахъ подлинности писма. Мы уже указали на это въ началѣ настоящаго изслѣдованія. Тамъ же было замѣчено, что свои сообщенія о посольствѣ Смеры и письмѣ его къ Владимиру Сандъ *начинаетъ* цыпкой на свидѣтельство Любенецкаго изъ его исторіи, бывшей у Санда еще въ рукописи. Это, конечно, потому, что свидѣтельство это заимствовалъ онъ не-

*) Эти-то три сочиненія дѣлѣ съ «исторіей реформаціи въ Польшѣ» и послужили для насъ главнымъ источникомъ при очеркѣ исторіи антитринитаріанства въ Польшѣ, частію въ Гитѣ и юго-западной Руси.

**) *Nucleus* этотъ намъ довелось читать въ библиотекѣ Оссолинскихъ въ Львовѣ.

посредственно самъ изъ рукописи Либенецкаго, поступившей по смерти автора въ 1675 г. въ амстердамскій кружокъ ученыхъ сочинявъ, который потомъ и издалъ ее. Но затѣмъ, всѣмъ остальнымъ онъ обязанъ В. Вишоватому: т. е. и двумя списками письма (списк. Будзинскаго и Риновецкаго—Трембецкаго), выписками изъ Будзинскаго объ открытіи и первыхъ переводахъ этого письма, и наконецъ латинскимъ переводомъ его, въ которомъ Сандъ и помѣстилъ его. Надо полагать, что ему же обязанъ Сандъ и выписками изъ польскихъ лѣтописцевъ въ подкрѣпленіе вообще факта отправления Владиміромъ пословъ для испытанія вѣры, а также крещенія Владиміра и съ нимъ народа русскаго. Это можно заключить и изъ самыхъ словъ Санда,—*haec habeo ex communicatione V. Wissowatii*,— послѣ которыхъ онъ какъ бы въ дополненіе къ ссылкамъ и доводамъ Вишоватаго прибавляетъ отъ себя только ссылки на Дитмара и Баронія. Такое значеніе В. Вишоватаго въ дѣлѣ изданія письма Половца Смеры теперь можетъ быть уже достаточно яснымъ для насъ послѣ того, что мы знаемъ о его отцѣ Андреѣ, его роли въ исторіи секты, наконецъ о значеніи обоихъ Вишоватыхъ въ амстердамскомъ кружкѣ ученыхъ сочинявъ-унитаріевъ, въ частности о сотрудничествѣ Венедикта Вишоватаго и Христофора Санда—сына.

Представленную здѣсь, въ связи съ общею исторіею антитринитаріанской секты, характеристикою тѣхъ дѣятелей и писателей ея, чрезъ руки которыхъ дошло къ намъ письмо Половца Смеры, достаточно выясняется, почему оно дошло къ намъ именно чрезъ ихъ руки, и какое значеніе могъ имѣть для нихъ этотъ, заботливо сбереженный, наконецъ изданный ими памятникъ. Мы уже говорили, что письмо, хотя и сочиненное русскимъ антитринитаріемъ, на русскомъ языкѣ и назначавшееся первоначально для русскихъ, не сохранилось од-

накоже на этомъ оригинальномъ языкѣ его. Время показало, что не кому и не для кого было хранить его въ русскомъ подлинникѣ. Съ русскимъ характеромъ съ русскимъ языкомъ для своего ученія, проповѣди и т. под., антитринитаріанство держалось недолго въ самой Литвѣ и Руси—юго-западной, гдѣ даже москвичъ Игнатій велъ свои бесѣды съ Чапличемъ на польскомъ языкѣ. Въ XVII. в. русское антитринитаріанство, какъ *русское*, становится непримѣтнымъ, окончательно стухаетъ въ польскомъ; ибо если и были антитринитаріи изъ русскихъ, преимущественно пановъ, то уже совершенно оплеченныхъ, такъ что теперь еще болѣе, чѣмъ прежде, языкомъ сектантовъ въ ихъ ученіи, богослуженіи, литературѣ, былъ, языкъ польскій, въ послѣдней еще латинскій. Такимъ образомъ русскій подлинникъ письма, предназначавшагося въ свое время въ орудіе сектанской пропаганды среди русскихъ былъ, такъ сказать, заброшенъ, какъ мало пригодный для такой дѣли. Но его берегли въ *польскомъ* переводѣ. Берегли тѣ польско-антитринитаріанскіе учителя, которые въ этомъ качествѣ дѣйствовали между прочимъ въ русскихъ странахъ, каковы особенно Риновецкій-Трембецкій и Андрей Вишоватый. Берегли тѣ польско-антитринитаріанскіе ученые, которые собирали памятники по исторіи антитринитаріанской секты, каковы, кромѣ упомянутыхъ двухъ, Эразмъ Отвиновскій, сохранившій записки Будзинскаго, заключающія въ числѣ другихъ документовъ и письмо Половца, Станиславъ Любенецкій, Венедиктъ Вишоватый и Сандъ. Для Риновецкаго и А. Вишоватаго письмо могло имѣть и нѣкоторое практическое значеніе, въ смыслѣ подспорья сектанской пропаганды въ русскихъ странахъ напр. Волини и Украйны. Особенно это можно предположить объ Андреѣ Вишоватомъ, подвизавшемся въ сектанскомъ учительствѣ и миссіонерствѣ на Волини и Украйнѣ, Но вообще письмо Половца осталось для антитринитаріанскихъ

писателей съ значеніемъ *памятника*, подходящаго къ задачамъ ихъ литературныхъ работъ по исторіи и апологіи секты. Такое значеніе его указывается въ отзывахъ о немъ Будзинскаго и Любенецкаго, повторяемыхъ издателями письма В. Вишоватымъ и Хр. Сандомъ. Открывая антитринитаріевъ въ X в., письмо это наполняло пробѣлы, какой чувствовали антитринитаріанскіе историки въ исторіи своей секты на пространствахъ цѣлыхъ вѣковъ отъ временъ Арія и Никейскаго собора до пол. XVI в. Аналогія, какую они находили въ участи половцевыхъ христіанъ или антитринитаріевъ X в., гонимыхъ греками—идолослужителями, съ участію, постигшею ихъ самихъ т. е. антитринитаріевъ XVI и XVII в., служила имъ оправданіемъ въ глазахъ своихъ и чужихъ. Нападки и жалобы письма на грековъ и ихъ послѣдователей переносились въ сознаниі польскихъ антитринитаріевъ на римскую церковь, гармонировали съ тѣмъ чувствомъ раздраженія и жалобливости, съ какимъ они относились къ послѣдней. Еще Будзинскій, какъ бы не вчитавшись въ письмо Половца, бранящаго собственно грековъ, замѣчаетъ, будто онъ бранитъ *римскую* церковь и *нѣкоторые* грековъ. Любенецкій, хотя и не забываетъ, кого бранитъ Половецъ, тѣмъ не менѣе налегаетъ особенно на то, что эта брань также примѣнима къ римской церкви, которой греки являются только подражателями въ идолослуженіи и жестокостяхъ противъ истинныхъ христіанъ. Пророчества Половца о наступленіи для антитринитаріевъ, послѣ временъ гоненій и бѣдствій, временъ славы и могущества могли уважковъ секты служить средствомъ утѣшенія собратій по сектѣ, нуждавшихся въ укрѣпленіи вѣры въ нее, колеблемой бѣдствіями изгнанія. Словомъ, будучи издѣліемъ антитринитарія изъ *русскихъ*, оказавшимся однакоже мало пригоднымъ для

своей первоначальной цѣли (т. е. пропаганды секты среди русскихъ), письмо Половца найдено болѣе пригоднымъ для интересовъ секты въ рукахъ *польскихъ* антитринитаріевъ, потому ими сбережено и издано. Издавъ его нѣмецъ Сандъ, но издавъ по мысли польскаго антитринитарія Венедикта Вишоватаго,—издавъ въ томъ амстердамскомъ кружкѣ антитринитаріанскихъ ученыхъ, въ которомъ преобладали польскіе изгнаники.